

ПЕРМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР УРО РАН

**«ПОСТСОВЕТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ:
РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ»**

Материалы Всероссийской научно-практической
Интернет-конференции

Пермь, 2014

УДК 32
ББК 66.2

Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции. Под ред. М.В.Назукиной, О.Б.Подвинцева, Н.А.Коровниковой. – Пермь: ООО «Печатный салон «Гармония», 2014. – 128 с.

ISBN 978-5-9905777-3-2

Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Пермского края

В сборнике статей, подготовленных по итогам Всероссийской научно-практической Интернет-конференции «Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы», рассматриваются концептуальные основы постсоветской идентичности, практики конструирования национальной идентичности постсоветских государств, вопросы территориальных границ, этнические и конфессиональные измерения постсоветской идентичности. Конференция проводилась с марта по ноябрь 2013 года Экспертной Сетью по исследованию идентичности, Исследовательским комитетом по политической идентичности РАПН, при участии отдела по исследованию политических институтов и процессов ПНЦ УрО РАН и Института научной информации по общественным наукам РАН.

Экспертная Сеть по исследованию идентичности (www.identityworld.ru)

Содержание

<i>Вступительные замечания</i> (Подвинцев О.Б., Назукина М.В., Коровникова Н.А.).....	5
<i>Раздел I. Факторы и характеристики постсоветской идентичности: проблемы концептуализации</i>	11
Коровникова Н.А. «Ментальное пространство постсоветского социума» (опыт России).....	11
Капицын В.М. Конфигурации «советской» и «постсоветской» идентификаций.....	15
Ачкасов В.А. «Историческая политика» и конструирование национальной идентичности постсоветских государств.....	20
Никифоров И.В., Гагарин А.С. Политика исторической памяти как инструмент формирования новой идентичности.....	24
Подвинцев О.Б. Пафосная идеология, популярная культура и постсоветская идентичность	29
Жаде З.А. Переосмысление концепта «геополитическая идентичность» в условиях меняющегося миропорядка.....	34
<i>Раздел II. Борьба за идентичность на постсоветском пространстве</i> ...39	
Куква Е.С. Макроидентичность: постсоветские дискурсивные метаморфозы.....	39
Малинин Н.В. Телевидение как инструмент конструирования национальной идентичности в постсоветский период.....	43
Бойко С.И. Коллективная идентичность в партийно-политической риторике депутатов Государственной Думы первого созыва.....	48
Шнейдер В.М. Идентичность украинцев в программах украинских политических партий.....	53
Плотников Д.С. К вопросу об эволюции украинской идентичности в постсоветский период.....	60
Девятков А.В. Идеологическое, слишком идеологическое: дивергенция политических идентичностей внутри современной Молдавии.....	65
<i>Раздел III. Социальные аспекты постсоветской идентичности</i>71	
Сакаев В.Т. Демография как фактор формирования постсоветской идентичности в России.....	71
Борисова Ю.В. Социальное самочувствие и экономическая интеграция в сознании постсоветского человека.....	75
Толстокорова А.В. Родительские роли и идентичности в украинских транснациональных семьях: эффект трудовой миграции.....	81

<i>Раздел IV. Этнические и конфессиональные аспекты постсоветской идентичности</i>	85
Шадже А.Ю. Языковое измерение постсоветской идентичности.....	85
Рахлеева Н.Н. Современные этносы после индустриализации и массового образования.....	89
Попова Г.С. Этническое измерение идентичности.....	94
Рогочая Г.П. Конфликтный потенциал религиозной идентичности.....	98
<i>Раздел V. Территориальное и символическое измерения постсоветской идентичности</i>	102
Раньжина И.В. Национально-территориальный принцип в вопросе определения модели федеративного устройства современной России.....	102
Цумарова Е.Ю. Региональная политика идентичности в постсоветской России.....	107
Полюшкевич О.А. Лики постсоветской идентичности: городские памятники как символы трансформации.....	112
Трескин П.А. Городской ландшафт названий улиц: трансформация постсоветской идентичности.....	118
Вместо послесловия: навстречу «Русскому миру»? (Сулимов К.А.)	123
<i>Сведения об авторах</i>	125

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Этот сборник слишком долго готовился к изданию. Хотя с момента завершения Всероссийской заочной научно-практической конференции «Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы» до выхода этой книги прошел всего год, этот год вместил в себя события, радикально изменившие состояние изучаемой проблемы.

При всем разнообразии трактовок понятия «постсоветская идентичность», следует признать, что оно тесно связано с другим – «постсоветское пространство». И в том, и в другом случае речь идет об общности, в основе которой – советское прошлое. События 2014 года радикальным образом всколыхнули постсоветское пространство, привели его в движение. Очевидно, в этом отношении они стали самым значимым рубежом в его истории, начиная с момента распада СССР. Принципиальный выбор, сделанный как Россией, так и другими странами (вне зависимости осознан он или нет) означает разрыв с существовавшим и поддерживавшимся до этого статус-кво. Можно и необходимо спорить о причинах и возможных последствиях произошедшего, но надо признать его суть – в качестве стержневого процесса на пространстве бывшего СССР на смену неустойчиво балансирующему единству, основанному на прошлом, пришла борьба за будущее. Вероятно, данное пространство уже не может рассматриваться как «постсоветское».

Принципиально новая (опять-таки с момента распада СССР) для России ситуация, сложившаяся, как внутри, так и вовне страны, тоже требует переноса опорных точек в работе интегрирующих общество механизмов с памяти о прошлом на представления о настоящем и будущем. Однако, именно общность, в трансформированном виде унаследованная Российской Федерацией от СССР, во многом помогала поддерживать единство общества и страны в условиях недостаточного признания и поддержки новых символов, ритуалов и мифов.

Окрепла и изменилась ли новая российская идентичность настолько, что может уже отказаться от «постсоветской» опоры, при этом, вероятно, интегрировав ее в себя? Что представляет собой, с точки зрения идентичности, «русский мир», каково может быть его устройство и границы? Какие идентификационные маркеры наиболее перспективны сейчас, как в России, так и в других государствах на территории бывшего СССР? Все эти вопросы стали очень актуальными, и на них следует искать и найти ответы, в том числе с точки зрения политической практики. Однако, это невозможно сделать иначе, как отталкиваясь от понимания различных аспектов той ситуации с постсоветской идентичностью, которая существовала до упомянутых перемен. Поэтому, как представляется, работы, вошедшие в этот сборник, подготовленный под эгидой Экспертной сети по исследованию

идентичности, в момент его выхода в свет могут быть даже более интересны читателю, чем тогда, когда были написаны.

Подвинцев О.Б.

Всероссийская научно-практическая Интернет-конференция «Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы» проводилась с марта по ноябрь 2013 года Экспертной Сетью по исследованию идентичности, Исследовательским комитетом по политической идентичности РАПН, при участии отдела по исследованию политических институтов и процессов ПНЦ УрО РАН и Института научной информации по общественным наукам РАН. Площадкой для проведения конференции выступил сайт Экспертной Сети по исследованию идентичности, открытый в 2009 г.

«Сеть по исследованию идентичности» - это сообщество исследователей занимающихся проблематикой идентичности, оформленное в группу с помощью сайта (<http://identityworld.ru/>). Задачами проекта являются: методологический поиск, объединение усилий разных специалистов для осмысления феномена (координация, обмен мнениями); проведение мероприятий по проблеме при помощи Интернет площадки; создание информационной базы материалов (библиотеки имеющихся публикаций российских исследователей) и Интернет-ресурсов по региональной идентичности. Проект нацелен на облегчение доступа исследователей и интернет пользователей к научной, научно-популярной и образовательной информации тематики идентичности. За пять лет существования Сети, ресурс стал важной площадкой для консолидации усилий российского научного сообщества, которое занимается проблематикой идентичности. В настоящее время в Экспертной Сети состоят 135 исследователей из разных регионов (из них 19 докторов и 42 кандидатов наук). В 2011 году осуществлен выход на международные связи через интеграцию в сообщество исследователей из-за рубежа (Белоруссия, Украина, Молдова).

В Интернет-конференции «Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы» приняло участие свыше тридцати исследователей из России, Украины, Эстонии. Большинство из которых представляли российские исследовательские центры и вузы. Самое большое количество участников было из Адыгейского государственного университета и Иркутского государственного университета.

В центре внимания участников конференции были методологические аспекты изучения постсоветской идентичности. Особое место было уделено проблемам концептуализации постсоветской идентичности, анализу конструирования национальной идентичности постсоветских государств, выявлению особенностей идентификационных процессов и структур в

ментальном пространстве постсоветского социума. В проблемное поле докладов вошли и вопросы территориальных границ постсоветской идентичности, а также этническое и конфессиональное измерение постсоветской идентичности.

Назукина М.В.

Распад Советского Союза, ликвидация военно-политического блока и социально-экономического порядка «социалистического лагеря», разрушение идеологического фундамента социализма просоветского типа и, соответственно, прекращение глобального биполярного идейно-аксиологического противостояния XX века первоначально привели к масштабному кризису идентичности большинства субъектов экс-социалистического ареала¹, формированию ее негативных форм, прежде всего, на макрополитическом уровне на фоне объективных тенденций, с одной стороны, интенсификации глобальных процессов, роста трансграничных миграционных потоков, «транспарентности» границ, а, с другой, фрагментации и одновременной медиазации² мировой ментальной сферы.

Ввиду совокупности геополитических сдвигов на всем постсоветском пространстве ментальные образования массового и, одновременно, элитарного политического сознания подверглись двум взаимодополняющим процессам: частичной, а ряде случаев, абсолютной дезориентации и как следствие радикальной трансформации и модификации в новых форматах, вследствие чего политическое измерение идентичности приобрело особую актуальность, именно для субъектов просоветской модели, которые столкнулись с крайне острой необходимостью политического самоопределения через обретение новых ценностных принципов и основ политического устройства; поиска качественно новой аксиологической системы координат осуществления фундаментальных изменений практических всех структурных элементов жизнедеятельности. Поиск траектории развития, адекватной реалиям новой геополитической конъюнктуры, оказался возможен только при условии детерминации на всех уровнях общественного сознания тех его структур, которые позволяют ответить на вопросы онтологического и телеологического характера: «Кто мы?», «Куда идем?», «Зачем...» и т.п. Другими словами, при условии

¹ В широком смысле «*экс-социалистический ареал (пространство)*» представляет собой довольно сложный полисоставной объект научной рефлексии, аккумулирующий в себе следующие сегменты геополитической социалистической модели просоветского типа: «СНГ-ский» - экс-республики СССР и, конечно, Россия; европейский - страны Восточной Европы, некоторые страны экс-пространства СССР (формирование европейских идентификационных матриц); азиатский - страны социализма (Китай, КНДР); «страны третьего мира» просоветской ориентации: иберо-американское и африканское направления.

² См. напр., Дзялошинский И.М. Медиaproстранство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. – 479 с.

определения ключевых элементов *постсоветской идентификационной матрицы*, с помощью комплексного анализа ее конфигураций в политическом процессе на экс-социалистическом пространстве, что обусловлено рядом *аспектов методологического характера*.

Во-первых, это неоднозначность, в некоторой степени диалектичность трактовки концепта «*постсоветская идентичность*»³. В рамках научного сообщества до сих пор не выработан общий подход к ее дефиниции, *постсоветская идентичность* может интерпретироваться как:

- «*стагнирующая*» *идентичность*», идеализация прошлого, ронящая советизм с постсоветизмом, «воспроизводящаяся ориентация на фантомы собственного прошлого»⁴ (или крайние формы *ностальгической идентичности* советского образца);
- *переходная идентичность*, во многом негативная по характеру и содержанию, построенная на элиминации «советскости»⁵;
- *конфликтная идентичность*, отражающая период транзита от одной идентичности («советскости») к другой, качественно новой - российской⁶;
- *несформировавшаяся идентичность*, которая соответствовала бы новому этапу развития страны, как результат завершившегося постсоветского периода⁷;
- *макрополитическая идентичность*: дискурсивное поле постсоветской идентичности, отождествляется с конструированием ее макрополитических форм, предполагающих «наличие солидарности поверх границ, связанных с политическими и идеологическими предпочтениями»⁸;
- в наиболее общем виде *разновидность макросоциальной идентичности субъектов экс-социалистического ареала* и т.д.

Во-вторых, это многомерный характер идентичности постсоветского образца, которая предполагает дифференциацию как в вертикальной (микроличностный, мезогрупповой, макрополитический уровни

³ В значительной степени это объясняется сложностью и разнообразием дефиниций категории «идентичность» как таковой, так, например, в словаре терминов и понятий идентичности представлено более 40 подходов к ее определению (См. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х томах. / Под ред. И.С. Семененко. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2012).

⁴ Глебова И.И. Постсоветская идентичность: Как уйти от советского, не расставаясь с ним; Идеализация прошлого как преграда на пути культурной эволюции // Россия и современный мир. 2009. № 1. URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2010/02/2010-02_r_dek-s6.htm

⁵ Авксентьев В., Попов М. Макросоциальные идентичности России XXI века: конфликтность и векторы развития. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N8_2006/8_02.HTM

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. Полит. науки. М., 2013. С. 207-209.

идентификации), так и в горизонтальной (пространственное, социокультурное, политическое измерение идентификационных процессов) плоскостях и может быть представлена в виде гибридной когнитивной матрицы, лимитированной целым рядом факторов («сеткой ограничений») социально–экономического, этно–конфессионального, социально–демографического, символического, глобального, информационного, геополитического, *идеологического* характера⁹.

В-третьих, это высокая степень энтропии ментального пространства экс-социалистического ареала, которая позволяет говорить о таких особенностях его идентификационных процессов как эклектичность, многоуровневость, сочетание инвариантности и турбулентности, центробежности и центростремительности их протекания на протяжении последних десятилетий. Действительно, «постсоциалистическое еще менее однородно, чем даже разнообразное постколониальное»¹⁰. Подобная специфика объясняется ментальной неопределенностью его субъектов, которые «так и не сумели заговорить» - *«homo postsoveticus»*, который, так и не примкнув ни к одному из полюсов, расшатывает дихотомную схему Запад vs Восток или скорее Север vs Юг»¹¹, эта мысль заставляет задуматься над новой аксиологической системой, конвергирующей в себе различные идентификационные элементы этих полюсов.

И, наконец, в четвертых, демаркация проблемного поля постсоветской идентичности предполагает последовательный поиск ответов на целый ряд взаимосвязанных вопросов: что представляет собой ее основной субъект «постсоветский человек»; постсоветская идентичность – прошлое, реальность или перспектива развития идейно-аксиологической сферы субъектов экс-социалистического ареала; какова специфика и характер идентификационных процессов и структур постсоветских социумов, каковы механизмы и инструменты их политического конституирования и концептуализации; что представляет собой ментальная карта идентичности постсоветского периода; каковы ее модальности и конфигурации; как соотносятся идентичность и идеологические конструкты, стратегические модели и идентификационные матрицы постсоветского образца; каков конфликтогенный потенциал постсоветской идентичности в условиях глобализации, регионализации, локализации; каковы проекты ее

⁹ Становление новых ценностных ориентиров и идентификационных структур в постсоветском ментальном пространстве изначально осложнялось подорванным *идеологическим фундаментом*, что объясняется тесной корреляцией концептов *идентичности и идеологии: идентичность* (в политическом измерении) *является индикатором витальности и эффективности идеологии, а идеология* гипотетически представляет собой рационально-логическое, концептуально-концентрированное выражение идентификационных матриц на макрополитическом уровне.

¹⁰ Попытка отрефлексировать формулы Г.Спивак «о колонизированных субъектах, которые не могут говорить» и Дж. Сухланд «о молчащих постсоциалистических иных» в современном трансмодерном контексте. См. Толстанова М.В. Почему постсоветские субъекты так и не заговорили?// Пути развития постсоциалистического мира: междисциплинарный анализ. М.: Academia (АПК и ППРО), 2014. С.170–184.

¹¹ Там же. С. 170.

институционализации в современном политическом дискурсе и т.д. Это далеко не полный перечень дискуссионных аспектов вокруг концепта «постсоветской идентичности» как объекта научной рефлексии, которые были затронуты участниками Всероссийской заочной научно-практической конференции «Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы».

Коровникова Н.А.

РАЗДЕЛ I. ФАКТОРЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Н.А. Коровникова,
РУДН

«МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОСТСОВЕТСКОГО СОЦИУМА» (ОПЫТ РОССИИ)

Макросоциетальные трансформации как «материального», институционального (политико-правового, социально-экономического, географического и т.п.), так и ментального (мировоззренческие координаты общественного сознания) пространств жизнедеятельности социума послужили импульсом к формированию на экс-социалистических территориях (в первую, очередь, России) качественно новой идентификационной матрицы - ментальности «постсоветского человека», детерминируемой совокупностью ключевых характеристик¹.

Ментальное пространство как ценностно-смысловое образование, соотносимое со сферой сознания, охватывает все аспекты функционирования человеческой психики на индивидуальном, групповом и массовом уровнях и аккумулирует в себе следующие субпространства: *мировоззренческое, информационно-психологическое, идеологическое*. Тогда теоретическое обобщение с позиции политологического анализа ментального пространства, его конфигураций применительно к современному российскому социуму, позволяет выявить *три концепта*, содержание которых определяет его содержание, а именно: *менталитет (мировоззренческий аспект)*, как совокупность сходных способов мировосприятия, оформившихся на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды в результате собственного духовного (ментального) творчества субъекта²; непосредственно, *идентичность (информационно-психологический аспект)*, как свойство, чувство, форма отождествления индивида с определенным социально-культурным, политическим образованием; *социально-политическая парадигма (идеологический аспект)*³ в качестве среды их формирования, как концентрированное выражение конгруэнтности дискурсивных полей ментального пространства на конкретном этапе

¹ К числу таких характеристик автор относит генезис, эволюцию, признаки, систему координат функционирования и потенциал «постсоветского человека» как особого ментального типа.

² Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Глобалистский менталитет как условие предотвращения междивизиционных конфликтов // СОЦИС. 2001. № 4. С. 52

³ Идеология в данном случае трактуется как целостный, внутренне связанный набор идей, который выражает рациональные (интересы) и аксиологические (ценности) основания социума; отвечает требованиям социально-политического контекста современности, объективным закономерностям развития, их специфике на уровне национально-государственного образования; служит основой политического порядка и методов его обеспечения; является своего рода критерием эффективности, успешности и витальности социума.

исторического развития страны, базиса модели будущего устройства общества. Само же ментальное пространство социума в общем виде можно представить как систему ценностных, символически-смысловых координат его функционирования на всех уровнях: *идентификация* («кто мы?»), *ориентация* («куда идем?»), *адаптация* («к чему приспособимся?»), конфигурация которых формирует постсоветскую идентификационную матрицу («постсоветского человека») как разновидность макросоциальной идентичности.

Учитывая, во-первых, такие особенности идентификационных процессов постсоветского периода как гетерогенность (мозаичность и многослойность), взаимодействие инвариантности и изменчивости/турбулентности развития, а во-вторых, отталкиваясь от тезиса о том, что ментальность, с одной стороны, подвержена свободным эволюционным процессам, а с другой, это понятие конструируемое, «появление на свет» на рубеже 1980-90-х гг. человека «постсоветского» не просто как некой теоретической абстрактной модели, а как особого социально-культурного феномена, стало логичным результатом *конвергенции ментальных структур экзогенного и эндогенного характера*⁴.

К числу первых можно отнести *пролиберальные «гибриды» социал-дарвинизма и социал-демократии 1990-х гг.* Массовый успех либерализма в начале 90-х гг. объяснялся просто: тотальная дискредитация советской идентичности требовала появления новой идейно-аксиологической системы («идеологии антикоммунизма»), но ускоренное строительство «светлого будущего» либерализма в рамках российского социально-политического контекста стало быстро терять необходимую поддержку по целому ряду объективных (несоответствие исторических, мировоззренческих, идентификационных структур) и субъективных («хирургические» способы и характер проводимых трансформаций) причин. В связи с этим радикал-либерализм постепенно уступил позиции социал-либерализму, будущее российской версии неолиберальной системы оказалась под вопросом, а в ментальной системе координат на первый план вышли «*негативная идентичность*»; одновременно прозападная направленность, но и отсутствие четких ориентиров дальнейшего развития социума; социал-дарвинистские способы адаптации.

С середины 1990-х гг. в рамках научно-общественного дискурса особую популярность начинают приобретать *образцы досоветской ментальности, в т.ч. православно-монархические традиции (эндогенные ментальные структуры)*. С одной стороны, это объяснялось провалами радикальных либеральных реформ, что заставило обратиться к социокультурным, философско-мировоззренческим, политическим традициям Российской

⁴ Речь идет о сочетании привнесенных извне и исторических присущих элементах ментального пространства российского социума и государства.

империи в качестве альтернативы «западным стандартам», как антитеза либерализму в России – «силе, подавляющей и разрушающей общество», с другой, возрождение досоветской идентичности стало своего рода реакцией на предельный материализм советской системы, атеистическое марксистско-ленинское учение⁵. В ментальном пространстве происходит формирование *«ностальгической идентичности» досоветского формата*; особое место занимает идея православной монархии (органицизм в государственном устройстве) в качестве наиболее оптимального типа государственности; в число адаптационных механизмов входят вера, опора на прошлое, общая история, культурное наследие.

А уже с конца 1990-хх. гг. начинается постепенная ревитализация *советской идентичности в качестве модификации «ностальгической идентичности»*, особую популярность в идеологическом дискурсе приобретают идеи социализма (неомарксизма). В постсоветское ментальное пространство прочно входит образ «*homo sovieticus*», и, соответственно, такие ценностные ориентиры как социальная справедливость, порядок, солидарность (независимо от конфессиональной или этнической принадлежности, культивируемых консервативным направлением); адаптационные механизмы предполагают воззрение на человека как на общественное существо, а также особую роль социальной защищенности как условие общественной стабильности.

Учитывая, что специфика ментального пространства российского социума на протяжении постсоветского периода обусловлена *разрывами ментальных матриц*, в числе которых остаются территориально-пространственные, культурные, социально-экономические, образовательные, поколенческие различия⁶, *результатом всей совокупности идентификационных процессов, взаимопроникновения экзогенных и эндогенных ментальных структур стал постсоветский человек как особый (контрастный) ментальный тип⁷ – рационально-оценочный (западный формат), с одной стороны, и эмоционально-компульсивный («консерватор советского образца»), с другой.*

⁵ См. Мамут Л.С. Российский политический процесс. О концепции православно-монархического строя для постсоветской России. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/09/1214861029/Mamut.pdf>

⁶ Речь идет о группе факторов («сетке» ограничений), определяющих характер идентификационных структур постсоветского образца, составляющих основные элементы ментального пространства, в т.ч. социально-экономических, этнокультурных, социально-демографических, информационных, геополитических, символических, идеологических.

⁷ Ментальность «постсоветского человека», по сути, представляет собой *совокупность диаметрально противоположных качеств*, с одной стороны, низкая самодисциплина, разобщенность, правовой нигилизм, патернализм, максимализм, низкопоклонство, нетерпимость, а с другой, терпеливость, справедливость, адаптивность, изобретательность, восприимчивость к новому, бескорытность, чувство долга и т.п.

Рис.1. Ментальное пространство постсоветского социума.

В то же время содержательная наполненность конфигураций системы координат ментального пространства в виде синтеза консервативных (в т.ч. православно-монархических), просоветских (социалистических), либерально-демократических элементов (см. Рис.1) позволяет наметить те группы идейно-ценностных принципов, разумный баланс которых может послужить фундаментом аутентичной аксиологической модели развития российского социума в качестве альтернативы «метаменталитету» универсального образца и позволит России занять достойное место в мировом ментальном пространстве современности.

КОНФИГУРАЦИИ «СОВЕТСКОЙ» И «ПОСТСОВЕТСКОЙ» ИДЕНТИФИКАЦИЙ

Глобализация ведёт к тому, что кризис идентичности становится всеобщим, что означает некое «текущее состояние» ориентаций общества¹. Это заставляет постоянно обновлять концепты российской идентичности и применения идентификационного метода, чтобы сохранять объяснительные возможности теоретических и прикладных разработок. Суть идентификационного метода в рассмотрении в фокусе идентификации, как человек и социальные группы (организации) воспринимают взаимодействия жизнесферной самоорганизации человека с политическим процессом, политическими организациями, государством, мировым сообществом и конструируют гражданские и национальные идентичности. Жизнесферная самоорганизация устанавливается и развивается в последовательных повседневных ментальных, вербальных актах и практических действиях (постановка задач, оценка действий, реализация планов). Это ведёт к формированию «полей» горизонтальной (жизнесферной) идентификации как основы матрицы достоинства человека.

Анализ многосферной самоорганизации повседневной жизни позволяет визуализировать её с помощью схем как структуризатор, определяющий матрицу ментального пространства, отражающего деятельность людей. «Поля» самоорганизации и жизнесферной идентификации отражают каналы повседневных «горизонтальных» взаимодействий людей в социуме, направляющие их когнитивную (познавательную) активность и социализацию. Для «советской» и «постсоветской» идентичностей конфигурация и набор идентификаций, проявление модальностей различаются, как и матрицы достоинства человека. Выделим «поля» «горизонтальной» идентификации, рефлекслируемые с разной степенью выраженности в концепте «советской» идентичности (рис. 1):

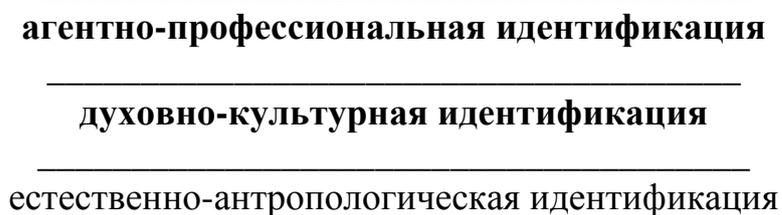

Рис. 1. Горизонтальные идентификации (концепт «советская» идентичность)

Особенности такого набора: 1) невыраженность «поля»

¹ Лапкин В.В. Кризис идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х томах. Т.1. Идентичность как категорий политической науки. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2012. С. 44.

территориально-пространственной (локальной) идентификации: она «растворена» в «поле» естественно-антропологической идентификации, поэтому на рис. 1 она вообще не отражена; 2) слабая проявленность естественно-антропологической идентификации, что иллюстрируется *нежирным шрифтом*, в отличие от двух других «полей» идентификации. Действительно, в советской повседневности мыслили всё больше понятиями «школа», «коммунистическое воспитание», «трудовой коллектив». Меньше проявлялся дискурс с понятиями «семья» и (ещё меньше) «место», «житель».

Кроме «горизонтальной» идентификации в жизненных сферах человек идентифицирует себя и свою группу также в «вертикальных» координатах, выходящих за рамки повседневности. Жизненные сферы, где человек совершает повседневные действия и принимает решения, несмотря на свою обыденность, активно вербализуются, символизируются и выходят на уровень политической жизни, а через неё – на муниципальное и государственное управление. В нашем понимании политическая жизнь – «буфер» между жизненными сферами («полями» горизонтальной идентификации) и государственной политикой. Он постоянно пополняется выходами сигналов повседневности, политизированными горизонтальными идентификациями. На этой основе под воздействием общественности и государственной политики «вертикальные» идентификации, отражающие символы недовольства, перерастающие в политические требования. На этот процесс влияет общественность и государственная политика. Переполнение такого «буфера» символами политизированного недовольства людей замечается как «всплески» активности общественности и выход масс на уровень государственной политики, дестабилизация социальной ситуации.

В концепте «советская» идентичность отражены особенности политической жизни. В советском понятии «политическая жизнь» сливались воедино партийная и общественная работа (общественность) и собственно государственная политика. Общественность была интегрирована в монополитику КПСС, подчинявшую государственную политику. Доминировали «поля»: «государственный эгалитаризм» («единая страна», «советское государство», идеология «строителей коммунизма») и «коллективный солидаризм». Слабо выражен «индивидуальный приватизм», (рис. 2):

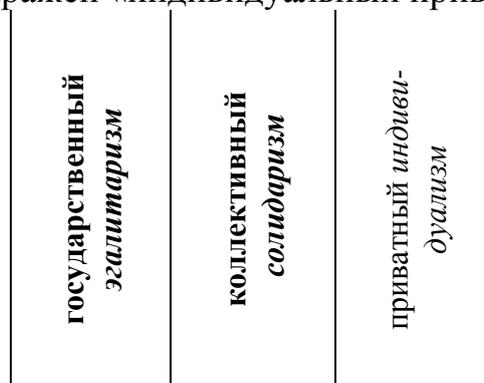

Рис. 2. «Поля» «вертикальной» идентификации (концепт «советская идентичность»)

В «закрытом» советском обществе национальная безопасность тесно связывалась с ограничением информации из-за рубежа («из-за бугра») и трансграничных контактов граждан. Основные маркеры такой идентификации – потребности и возможности занятия достойного места в жизненных сферах, а не через политическую жизнь. Достоинство в сфере труда социалистического труженика и в сфере духовности грамотного и идейного борца за социализм и коммунизм (советского патриота) – основная официальная доминанта. Не проявлено «поле» вертикальной идентификации, которое мы обозначим как «глобальный универсализм» («космополитизм»). Так в «советской» идентичности возникает матрица достоинства, акцентируемая в симбиозе труда, духовности (право на труд, на бесплатное образование) советским солидаризмом и эгалитаризмом в партийной и общественной работе, выраженном через политику КПСС (рис. 3):

э	с	п
г	о	р
а	л	и
<i>агентная идентичность</i> <i>агентно-профессиональные права</i>		
л	и	в
и	д	а
т	а	т
а	р	
<i>духовная идентичность</i> <i>духовно-культурные права</i>		
р	и	и
и	з	з
з	м	м
м		
<i>естественная идентичность</i> <i>естественно-антропологические права</i>		

Рис. 3. Матрица достоинства («советская» идентичность)

В представлении либеральных концептов достоинство формулируется как универсальные права человека. В частности, в Европе – система гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, как это отражено в Международных пактах 1966 г. Но такая международная классификация прав человека не может адекватно передать ни западную, ни российскую матрицу достоинства и соответствующую конфигурацию идентификаций (известно, что эти Пакты не могли принять много лет; они стали идеологическим компромиссом). В западном представлении, что было заимствовано в либеральных концептах «постсоветской» идентичности, по сравнению с «советской», представлены другие конфигурации, как «горизонтальной» (рис. 4), так и «вертикальной идентификации» (рис. 5):

агентно-профессиональная идентификация
духовно-культурная идентификация
естественно-антропологическая идентификация
территориально-пространственная идентификация

Рис. 4. Горизонтальные идентификации (концепт «постсоветской» идентичности)

Эти «поля» в идеале (как в европейских странах) раскрывают более широкий и равномерно проявленный набор «полей» «горизонтальной» идентификации. В «постсоветской» идентичности, по сравнению с «советской», заметна проявленность «поля» территориально-пространственной идентификации, чего не было в «советской» идентичности. Отличия заметны и в отношении «полей» вертикальной идентификации, выражающей в политической жизни требования людей к обеспечению их определенными ресурсами: благами, условиями, правами (естественными, духовными, агентными, территориальными), гарантиями, информацией и т.д. Здесь проявлено поле «глобальный универсализм». В концепте «постсоветской идентичности» серьёзно ослаблены «поля» идентификаций «государственный эгалитаризм» и «коллективный солидаризм», а «приватный индивидуализм» и «глобальный универсализм», наоборот, доминируют (рис. 5):

Г Л О Б А Л Ь Н Ы Й <i>универсализм</i>	Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н Ы Й <i>эгалитаризм</i>	К О Л Л Е К Т И В Н Ы Й <i>солидаризм</i>	П Р И В А Т Н Ы Й <i>индивидуализм</i>
---	---	---	---

Рис. 5. Поля «вертикальной» идентификации (концепт «постсоветской» идентичности)

В этом «постсоветская» идентичность сходна больше с англосаксонскими традициями и несколько расходится с конфигурацией

идентификаций континентальной европейской (социал-демократической и христианско-демократической): Франции, Германии, Италии, Испании, Швеции, других скандинавский стран, где «поля» идентификации, как «горизонтальные, так и «вертикальные», выражены гораздо равномерней. Концепт «постсоветская» идентичность 1990-х гг. стремился перенять черты западной, в большей степени англосаксонской, матрицы достоинства человека, что не может проходить гладко в силу разных цивилизационных кодов (особенно в сравнении с США). Либеральный концепт «постсоветской» идентичности, если оценивать реальную «постсоветскую» конфигурацию «полей» идентификаций 1990-х гг., всё больше расходился с европейским (континентальным) вариантом (рис. 6):

Г Л	Э	С	П
	Г	О	Р
	А	Л	И
<i>агентная идентификация</i>			
О Б	Л	И	В
	И	Д	А
	Т		
<i>духовная идентификация</i>			
А Л И	А	А	Т
	Р	Р	И
	И	И	
<i>естественная идентификация</i>			
З М	З	З	З
	М	М	М
<i>территориальная идентификация</i>			

**Рис. 6. Матрица достоинства
(концепт «постсоветской» идентичности)**

В этой конфигурации идентификаций непомерно усиливаются поля «агентность» (карьерность), «естественная идентификация» (гедонизм), «глобализм» («универсализм», «космополитизм») и «приватизм» («индивидуализм»), нередко смыкающиеся в силу «прозрачности» границ, туризма, трансграничной миграции и туризма. Это осложняет формирование сбалансированных конфигураций «постсоветской» идентичности. Тем не менее, государственный эгалитаризм, солидаризм, доминанта духовности и трудовой агентности не должны вытесняться из российской идентификации. Концепты «постсоветской» идентичности 2000-х гг. более реалистичны и приближаются к европейскому опыту социальной интеграции.

Правда, события с подписанием соглашений об интеграции Молдавии, Грузии, Украины с ЕС свидетельствуют о навязывании интеграционных трендов и европейской унификации. Необходимо формирование «своей» российской конфигурации идентификаций, что важно и для интеграции инокультурных мигрантов в российское общество.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА» И КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Понятие исторической памяти и идентичности неотделимы друг от друга, между ними существуют отношения тесной взаимозависимости. «Идентичность укоренена в памяти, идентификация – одна из основных (наряду с легитимацией) функций коллективной памяти. Манипуляции памятью являются одновременно и манипуляциями с идентичностью»¹.

После распада СССР перед политическими и интеллектуальными элитами новых постсоветских государств объективно встала проблема конструирования национальной традиции, «национализации прошлого», вычленения «поворотных моментов» в истории, «переформативания» коллективной исторической памяти для легитимации национального строительства и возникших этнократических политических режимов. При этом «официальная националистическая история (в ее конкретных размножившихся версиях – русская, украинская, татарская, грузинская, армянская, узбекская, казахская, туркменская и т.д.) - ...стала одним из мощных институтов упрочения примордиалистских взглядов на этничность – повествует о древних корнях, изначальности и извечности этнической идентичности, привязывая ее происхождение то к древней государственности, то к складыванию общего национального языка, или отсылая к метафоре общности исторических судеб. Взаимная работа всех воспроизводящих этот взгляд институтов и практик повседневно укрепляет и поддерживает эту идеологию, мешая разглядеть подробности ее функционирования и детали производства сообщества, определяемого по набору языково-культурных признаков»². Действительно, людям, прожившим всю сознательную жизнь с сознанием принадлежности к некоему извечно существовавшему «этносу» трудно представить себе, что может быть как-то иначе. Поэтому, в частности, все постсоветские социумы можно, в той или иной мере, назвать обществами «с живой историей», которые «живут, дышат прошлым как на индивидуальном, так и на коллективном уровне ... Они повседневно обращаются к своему прошлому, к

¹ Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / Отв. ред. Н.А.Кочеляева. М., 2012. С. 43

² Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004. С.50-51

конкретным историческим традициям и событиям, чтобы руководствоваться и ориентироваться в настоящем и будущем»³.

И это не случайно, поскольку «коллективная память об обретенных исторических корнях придает социуму новый импульс, становится средством выражения новых идей и ценностей, – отмечает Яэль Зерубавель. В этом процессе новая нация опирается как на историческую науку, так и на традицию (поскольку прошлое нельзя полностью сконструировать – прим. В.А.). Избирательно используя тот материал, который они поставляют – то отвергая, то принимая их заключения, то подавляя, то развивая их положения, – новая нация заново создает свою память, формирует новую национальную традицию»⁴.

Как отмечает украинский историк Г.Касьянов: «...отношение к советскому историческому наследию стало отправной точкой для пересмотра всей остальной истории; логика конструирования национальной истории подталкивала к критике истории советского периода, «уходу в глубь веков», и к практике замещения «советского» варианта истории «национальным»⁵. В результате с распадом СССР появились не только 15 новых независимых государств, но и 15 национальных нарративов, своего рода новых официальных версий прошлого каждой страны. При этом в посткоммунистическом мире никто не удержался от соблазна радикально нового прочтения истории своего народа (особенно истории XX века), идеологического присвоения исторического прошлого. Именно поэтому одной из приоритетных задач правящих элит новых независимых государств стала историческая политика, то есть «намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или переопределение отдельных фрагментов общественной памяти» (Л.Нияковский)⁶. Эта политика реализуется путем интерпретации тех или иных эпизодов истории, избранных по политически/партийным мотивам, путем создания новых школьных учебников истории, учебных планов и программ, учреждения новых «знаменательных дат» и праздников, строительства новых мемориалов и разрушения старых, установления контроля над деятельностью СМИ, поскольку именно через учебники истории, государственные праздники и мемориалы, исторические фильмы и программы радио и ТВ реализуется легитимационная функция исторической памяти. Это прекрасно понимали представители политической элиты Европы уже в XIX веке, достаточно вспомнить известное высказывание «железного

³ Мохаддам Ф.М. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. М., 2011. С.100

⁴ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей. М., 2011. С.10

⁵ Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Десять лет спустя / Под ред. Ф.Бомсдорфа, Г.Бордюгова. М., 2010. С. 117-118

⁶ Цит. по: Траба Р. Польские споры об истории XXI века // Pro et Contra. 2009. № 3-4 (46). С. 59

канцлера» О. фон Бисмарка о том, что «битву при Садовы выиграл учитель гимназии».

Однако во многих посткоммунистических странах государство и правящие элиты претендует на полное изъятие у историков их традиционной монополии на интерпретацию прошлого. «В последние десятилетия вопрос о школьной истории и о национальных версиях прошлого тесно переплелся с проблемами глобальных переоценок (истории) после окончания холодной войны или периода «большого противостояния», с проблемами государствовоительства после распада СССР и Югославии, с причудливыми трансформациями национализма и поисками национальной идентичности», – пишет В.А.Тишков⁷. При этом концепции национальной школы, которые разработаны и внедряются в постсоветских государствах, призваны не столько повысить уровень языковой и исторической компетенции учащихся, сколько сконструировать историческую память путем создания нового, антисоветского национального нарратива, актуализировать и сделать «видимыми» старые и создать новые культурные границы. Так, в результате «общая война (Великая отечественная война – прим. В.А.) в сознании школьников государств постсоветского пространства окончательно сменилась 15 отдельными войнами, вне зависимости от того, характеризуются они позитивно или негативно», при этом декоммунизация истории войны неизбежно вела к реабилитации коллаборационизма⁸.

Как известно, для самооценки национальной общности прошлое зачастую важнее, чем даже настоящее. Тем не менее, поражает размах, с которым в посткоммунистическом мире эксплуатируют историческое прошлое. Идеологическое переформатирование и перекодирование недавнего общего прошлого превратилось в течение последнего десятилетия в один из важнейших инструментов осуществления политического влияния внутри и вне новых государств. Так называемая «историческая политика», стала инструментом национального строительства (конструирования национальной идентичности), обеспечения внутренней и внешней легитимности государства, мобилизации и консолидации социума на всем посткоммунистическом пространстве.

Причем если в бывших странах «народной демократии» ведущим стал миф о «возвращении в Европу» (М.Кундера), которому всегда препятствовал СССР, принудивший народы стран региона пойти по исторически тупиковому коммунистическому пути, то в постсоветских государствах национальные нарративы конструировались на основе «постколониальной парадигмы», т.е. на основе мифа об избавлении от имперского господства и

⁷ Тишков В.А. Про разные истории (размышления по поводу статьи Сергея Нарышкина) // Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999 – 2011. 2-е изд. Оренбург, 2011. С. 217.

⁸ См.: «Расскажу вам о войне...». Вторая мировая и Великая отечественная войны в учебниках и сознании школьников славянских стран / Колл. авт. Т.С.Гузенкова (отв.ред.). М., 2012

национального угнетения. Изложение новых национальных историй осуществляется с явным акцентом на негативные аспекты истории советского/коммунистического периода. Подчеркивается беспрецедентность и уникальность страданий, испытанных народами новых государств в тоталитарном коммунистическом прошлом. Советская история предстает как цепь преступлений, совершенных преимущественно русскими и жертв, понесенных народами новых государств. Российские исследователи Л.Моисеев и П.Марциновский проанализировали около 20 учебников по истории Украины, издававшихся в 1995-2002 гг. По их мнению, «взаимоотношения Украины и России представлены как перманентное противостояние ... Украинцы на протяжении всей своей истории - борцы за независимость. Главная цель, которую ставят перед собой авторы учебников – это преодоление в сознании учащихся представления об истории Украины как части российской истории»⁹.

В то же время, это способ избавления от ответственности за негативно оцениваемое социалистическое прошлое. В результате, «историческая вина за тоталитаризм» ложится лишь на русских, а большинство населения посткоммунистических государств освобождается от подозрения в лояльности этому режиму или даже его поддержке. Хотя репрессивная политика времен «реального социализма» осуществлялась не только и не столько русскими, сколько представителями самих «угнетенных народов». Это лишь подтверждает то, что неотъемлемой частью политики памяти является и политика «забывания», которая может быть «вытесняющей», когда общество не касается определенных событий как очень болезненных для массового сознания и конфликтогенных, или «отрицающей», когда власти и те или иные общественные группы избегают признания и обсуждения определенных постыдных или преступных событий прошлого.¹⁰ На постсоветском пространстве чаще всего речь идет о целенаправленном «стирании памяти» об определенных событиях и лицах.

⁹ Цит. по: Медведев Р.А. История как средство самоидентификации // Россия в глобальной политике. 2006. № 4

¹⁰ См.: Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 2.

И.В. Никифоров
Центр информации по правам человека (Таллинн, Эстония),
А.С. Гагарин
ИФиП УрО РАН

ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Осмысление истории Великой Отечественной войны (ВОВ) является в настоящее время одним из ключевых и, по сути, системообразующих элементов исторической памяти многонационального российского общества, а также играет важнейшую роль в становлении исторической памяти ряда постсоветских государств. Как в России, так и в ряде стран СНГ и Прибалтики именно на осмыслении событий Второй мировой войны (ВМВ) и формировании массовых образов истории этого периода во многом строятся базовые политические ценности, национальное самосознание, культивируется патриотизм и единство политической нации. Таким образом, присвоенное в качестве габитуса историческое наследие ВОВ (в России) или Второй мировой войны (в некоторых других странах СНГ и Прибалтики) превращается в содержание/инструмент этнополитической идентичности граждан постсоветских государств. Этот процесс – во всем многообразии форм - является объектом политического действия, а политика исторической памяти – одним из основных инструментов формирования новой идентичности или сохранения и консервации элементов прежней идентичности, приспособленной/ «приватизированной»/ переформатированной под потребности новой идентичности.

В процессе становления и трансформации исторической памяти, связанной с Великой отечественной войной, на первый план выходит изучение практики формирования системной, целенаправленной и многоуровневой политики по руководству процессами исторической памяти, а также управления возможными конфликтами между различными субъектами исторической памяти. Такого рода конфликты могут достигать высокой степени интенсивности, иметь региональный, общенациональный или международный характер, оказывать существенное влияние на международную политику России, а также на межнациональные отношения внутри самой России. Одним из самых ярких и наглядных проявлений конфликта исторической памяти является описание и оценка событий Великой отечественной войны в странах Прибалтики. Примечательно и то, что возникновение, распространение и последующее доминирование тех или иных образов исторической памяти связано, прежде всего, с субъектами исторической памяти, с тем, какая этнополитическая и социо-культурная идентичность культивируется в том или ином историческом образе. Несмотря на особую важность феномена исторической памяти, изучаемого в

рамках культурологи, антропологии, исторической науки, политика, проводимая в отношении указанного феномена, изучена недостаточно.

Историческая память, осмысляемая, переформатируемая в ходе научной деятельности, художественного творчества, в разнообразных процессах (в т.ч. медийной) коммуникации представляет собой культурно-историческое наследие для социализации, самоидентификации - этнической, политической и корпоративной, для сохранения, поддержания или изменения личного, корпоративного, этнического, политического и социального статуса. Все это требует не только изучения историографии, в т.ч. историографии Великой Отечественной войны, но и описания и анализа связанных с исторической памятью разнообразных институтов, субъектов политического действия, политических инструментов и соответствующих дискурсов.

Таким образом, для исследования феномена исторической памяти, особенно применительно к такому ключевому этапу отечественной истории как Великая Отечественная война, нужно исходить из представления об истории не только как о науке, призванной *sine ira et studio* препарировать человеческие деяния прошедших времен, но и об истории как основе национальной и государственной идентичности, формулирующей коллективные ценности, представления о добре и зле, «своих» и «чужих», т.е. об истории как информационном и ценностном багаже текущей политики, в т.ч. и национальной политики (этнополитики).

Историческая память, понимаемая как создаваемое культурно-историческое наследие для социализации, самоидентификации, сохранения политического и социального статуса, как той или иной социальной группы, так и целого народа, реализуется, как правило, посредством разнообразным общественным институтам: начиная от системы академического образования, государственных архивов, музеев и т.д., заканчивая специфической «медийной» историей и стихийным народным мифотворчеством, а также семиотической организацией пространства (топонимы и памятники) и времени (календарь праздников и знаменательных дат).

Историческая память существует за счет актов постоянного воспроизведения в разнообразных процессах коммуникации. Этот сложный комплекс знаний, представлений, ценностей и символов неизбежно становится объектом политического действия, предметом политической борьбы, инструментом политического господства и символом политической власти. Изучение практик политического управления исторической памятью, особенно в отношении истории Великой отечественной войны, способствует становлению системной и целенаправленной политики исторической памяти, способной воспрепятствовать подмене в общественном сознании научных знаний медийным мифотворчеством, ограничить возможности фальсификации истории Великой отечественной войны и не допустить

превращения управляемой исторической памяти в инструмент манипуляции массами.

Закономерности становления политики исторической памяти, как на государственном, так и на региональном уровнях лучше и нагляднее проявляются в ходе сравнительного анализа. Так, этнополитика в странах Прибалтики представляет собой целый комплекс политических практик и идеологий, в том числе в нее органически включены и представления о национальной истории. Образы национальной истории кладутся в основу политики реституции, политики гражданства, языковой политики и политики в сфере образования, опираясь на представление о существующем государстве как национальном выстраданном веками достоянии. В рамках этнополитики организованная и целенаправленная политика исторической памяти позволяет избегать конфликта смыслов между профессиональной историографией и стихийно возникающими историческими мифами. Этнополитика, в частности в странах Прибалтики, опирается на культивируемую социальную идентичность (этническую, государственную, групповую, политическую и пр.). В отношении же иноязычных и инокультурных меньшинств проводится политика т.н. интеграции, в которой смена идентичности (сначала групповой и политической и исторической, а потом этнической) является ключевым и неотчуждаемым звеном.

Историческая память, как правило, предметна. Политика исторической памяти также концентрируется на формировании, поддержании и продвижении конкретных образов истории, связанных с событиями, персоналиями, организациями и регионами. Так, для регионов УрФО (Свердловская, Челябинская, Курганская области), Пермского края одним из ключевых предметов исследования и формирования политики исторической памяти (в рамках ВМВ) является история Уральского танкового добровольческого корпуса (УДТК), созданного работниками предприятий этих уральских регионов в годы Великой отечественной войны (с февраля 1943 года), во всех ее системных проявлениях от академической историографии до семиотической организации городского пространства. С 2013 года в Свердловской области происходит восстановление регионального компонента исторической памяти, связанного с УДТК, так, в марте 2013 года принят Указ о ежегодном праздновании регионального праздника «День народного подвига по формированию Уральского добровольческого танкового корпуса в годы Великой Отечественной войны».

Сравнительное изучение политики исторической памяти на постсоветском пространстве позволяет выделить и описать общие закономерности, а также изучить ключевые точки конфликтов исторической памяти. Таким образом, соединение аналитического материала изучения политики исторической памяти на российском и постсоветском пространстве позволяет выстроить исследовательскую «стереоскопию», которая

предоставляет широкие возможности для сравнительного анализа, выявления фундаментальных оснований для конфликтов политик исторической памяти.

Тема существования на постсоветском пространстве различных, в том числе и конфликтующих образов истории стала в последнее десятилетие предметом внимательного изучения. Наиболее обстоятельно эти вопросы рассматривались в работах исследователей Г. Бордюгова, В. Багдасаряна, Е.Зубковой, С.Исхакова, А. Куприянова Э. Абдулаева, В.Клычникова, А. Миллера, М. Липмана, В.Шнирельмана, А. Филиппова, А. Дюкова, В. Симендея и др. а также эстонского исследователя И. Никифорова и латвийских ученых Н. Муйжниекса, В. Зельче. Только в последние годы в России изданы такие работы, как: Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) *Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы*. М.: АИРО–XXI, 2002; Багдасарян В., Абдулаев Э., Клычников В. и др. *Школьный учебник истории и государственная политика*. М.: Научный эксперт, 2009; Миллер А., Липман М. *Историческая политика в XXI веке: Сборник статей*. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Шнирельман В. *Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье*. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003; Дюков А. Симиндей В. *Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению*. М.: Фонд «Историческая память», 2011; Данилов А., Филиппов А. (ред.) *История России и новых независимых государств в школьных учебниках: Кн. для учителя*. М.: Просвещение, 2010 и др.

Надо отметить, что в приведенных выше исследованиях, превалирует содержательный анализ «национальной историографии», собраны, классифицированы и описаны конфликтующие исторические концепции, указано на расплывчатость границ между академическими исследованиями, политически мотивированной публицистикой и современным мифотворчеством. Вопрос формирования новой идентичности по умолчанию рассматривается как результат политики исторической памяти. При этом, акцент на политическом и научном дискурсах оставил за скобками проблему идентичности. Однако дискурсивный анализ соотношения процессов формирования этнополитической и социально-культурной идентичности с одной стороны, и политики исторической памяти, с другой, демонстрируют диалектику цели и инструмента, постоянно меняющихся местами.

Распад СССР и последовавшие в связи с этим изменения 1990-х гг. в общественно-политическом устройстве, науке и культуре стран, прежде входивших в состав СССР, повлекли за собой обновление комплекса источников, изменения концептуальных исследовательских подходов к темам Великой Отечественной войны. Настоящий историографический период характеризуется выработкой новых исследовательских подходов к изучению истории Великой отечественной войны, значительным расширением источниковедческой базы в связи с рассекречиванием архивных материалов (в частности, информации о потерях Красной Армии в

личном составе и боевой технике в годы войны и др.). В условиях становления новой идентичности изменения научного исторического дискурса неизбежно сопровождается ментальными, эмоциональными, моральными конфликтами, в т.ч. и конфликтами идентичности.

Главной методологической особенностью сложившейся традиции изучения исторической памяти стало то, что предметом исследования и критического анализа становился, прежде всего, постсоветский исторический дискурс, его характерные черты, особенности и содержание. Практически не исследованными остаются на сегодняшний день вопросы формирования политики исторической памяти на региональном, общенациональном и международном уровне, особенно в отношении истории Великой Отечественной войны. Требуется дальнейшего исследования объект и предмет такой политики, ее субъекты, ее место в структуре политического действия, а также ее функции и необходимые процессы коммуникации. Не изучены типы и характер конфликтов политик исторической памяти, способы их существования и механизмы разрешения.

Переключение внимания исследователя с анализа дискурса на изучение вопросов кто, как, какими средствами и преследуя какие цели порождает и управляет исторической памятью, позволит выделить ее функциональный характер, описать социальные институты и структуры, связанные с исторической памятью. А так же появляется возможность разграничить историческую память как результат целенаправленной политики - научный исторический дискурс, с одной стороны, и стихийное историческое мифотворчество – с другой.

Описать и проанализировать политику исторической памяти как целостный феномен и обнаружить его проявления на примере истории Великой Отечественной войны можно лишь выйдя за пределы собственно исторического описания и используя теории и практики собственно истории, и особенно такой дисциплины как источниковедение, а так же методы социологии, культурной антропологии и политологии. Анализ объекта и предмета политики исторической памяти, основных форм и способов ее реализации, изучение взаимодействия (коммуникации) государственных политических институтов и институций гражданского общества, средств и институтов массовой коммуникации, анализ законодательства, действующего в России, в странах СНГ и Прибалтики, позволяют теоретически воссоздать процессы формирования новой идентичности как продукт целенаправленной, системной политики исторической памяти.

ПАФОСНАЯ ИДЕОЛОГИЯ, ПОПУЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА И ПОСТСОВЕТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В основе «советской» общности лежит определенная культурная традиция, которая не является ни суммой национальных культур народов империи, ни воплощением имперской идеологии как таковой. Традиция эта, может и была лишена «исторических корней», но развивалась быстро и бурно, породив многообразие и богатство, которому могут позавидовать многие формировавшиеся веками «национальные» культуры. В ее «активе» имелась отнюдь не только «романтика революции, воспеваемая бардами-шестидесятниками», как это утверждают некоторые авторы¹.

Формирование имперской общности частично является следствием проводимой государством целенаправленной политики идентичности. Однако во многом этот процесс носит самостоятельный характер и связан с объективной тенденцией превращения империи не только в единый политический, но и в единый экономический и социальный организм. Поэтому имперская культура действительно «развивается, в значительной степени, как воспевание власти»², но в столь же значительной степени может представлять собой и критику той же власти. И то, и другое может делаться талантливо и искренне. Знаменитая песня Виктора Цоя «Мы хотим перемен» останется таким же явлением и достижением советской (т.е. имперской) культуры, как и, например, фильм «Коммунист» Юлия Райзмана. Значительная же часть этого культурного потока, как и всякого другого, вовсе аполитична.

Каждая сфера жизни человеческого общества достаточно автономна. Поэтому состояние (периоды подъема и упадка) имперской культуры и имперской системы в целом вовсе не обязательно должны совпадать. Советская культура 1960-70-х годов, несмотря на назревший к концу этого периода кризис экономической и политической системы империи, оказалась столь значительным явлением, одновременно целостным и многообразным, что представляет собой мощный центр притяжения в течение уже более двадцати лет, последовавших после распада СССР. Ни культурная жизнь новой России, ни явления культуры большинства других бывших составляющих Союза, оказались не в силах в течение этого периода составить достойную конкуренцию данному культурному наследию. И наследие это в большинстве своем было невозможно разделить, разнести по новым национальным квартирам. Так, лучшие фильмы Георгия Данелия и в

¹ Травина Е. Старые мифы о главном // Звезда. 2007. № 11. С. 142

² Верхотуров Д.Н. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня. М., Владимир, 2009. С. 324

период своего создания, и в постимперских условиях невозможно отнести ни к русской (российской), ни к грузинской культурной традиции. Они остаются принадлежностью именно советского наследия.

Любое подобное деление, конечно, условно. Художник – это, прежде всего, индивидуальность. Речь идет о том, в каком культурном контексте, кем и как его творчество может быть востребовано. Проблемы идентичности, как представляется, играют здесь немаловажную роль. Идентичность самого художника и его творчества может быть двойной, тройной и так далее одновременно. Иногда, это четко прослеживается в его произведениях. Так, например, в творчестве Раймонда Паулса, одного из самых популярных композиторов СССР поздних лет его существования, все время присутствовали советская и латышская составляющие.

При этом география присутствия советской культурной традиции может после распада империи и не совпадать с ее бывшими границами, что отражает с одной стороны степень реального включения в имперскую общность населения тех или иных владений (где-то большую, где-то меньшую), а с другой миграцию наиболее интегрированных в эту общность групп населения. Интересно, с нашей точки зрения, было бы проанализировать в этом отношении состав Лиги КВН в 1990-е – 2000-е годы. В ней, например, никогда не был представлен Туркменистан, но зато участвовали команды из Израиля, Германии и США.

Наследие не может оставаться неприкосновенным и застывшим – иначе оно умирает, становится достоянием музеев и узких специалистов, перестает быть основой идентичности. Ностальгическая востребованность старой советской культуры, подразумевает в настоящее время и некоторое количественное умножение или развитие ее образцов, а также, безусловно, их различную интерпретацию.

У этой культуры не только в России, но и по всему постсоветскому пространству есть немало адептов, стремящихся подчеркнуть интеграционный потенциал популярности знаковых ее представителей. Особенно часто такой потенциал признается за творчеством Владимира Высоцкого, для чего действительно есть немало оснований. Интересно, что памятники Высоцкому установлены сейчас не только во многих городах России, но и на Украине (Киев, Мариуполь, Мелитополь, Одесса) и в Белоруссии (Новогрудок), а музеи, связанные с его именем есть в Риге и Шымкенте. И это на фоне многочисленных фактов демонтажа различных «идеологических» монументов советской эпохи. «Высоцкий оказался той фигурой, которая объединяет людей в независимости от национальности, политических взглядов», - заявил, например, молдавский журналист и политик Константин Старыш, автор телевизионного проекта «Высоцкий.

Мой Гамлет»³. «Практическая ценность Высоцкого – в наборе нравственных установок союзной идентичности, рассказанных доступным языком и сочными образами» - рассуждает политтехнолог Семен Уралов, озабоченный проблемами «евразийской интеграции». И предупреждает при этом, ставя практические задачи: «мы должны понимать, что ресурс у “народного поэта” Владимира Высоцкого для союзной идентичности — огромен. Но при всей огромности ресурса наследия Высоцкого — его необходимо срочно переводить в разряд безусловных символов»⁴.

Поскольку Высоцкий не дожил даже до периода Перестройки, можно строить самые разные версии по поводу того на чьей стороне, в каком политическом лагере он мог бы отказаться в настоящее время (в СМИ появлялись десятки высказываний на данную тему, а на различных Интернет-площадках неоднократно инициировались дискуссии по этому поводу). Однако, в некоторых других случаях позиция того или иного художника могла оказаться обескураживающей для радетелей возрождения державного единства. Примечательно, например, сколь болезненно была воспринята носителями подобных настроений в России позиция, которую занял в ходе российско-грузинского конфликта в 2008 г. Вахтанг Кикабидзе, тоже представляющий собой одну из ярких символических фигур, отнюдь не официальной и помпезной, но подлинной и популярной советской культуры. «Нынешнее огорчение от речей артиста является глубоко советским. Слово "советский" здесь ничуть не ругательно, но есть лишь указание на культурный первоисточник» - признавал критик Максим Соколов. По его словам, «огорчившиеся путали образ и артиста и, предъявляя претензии Вахтангу Константиновичу Кикабидзе, в действительности адресовались к живущему в 1978 г. пилоту Ми-2 Валентину Константиновичу Мизандари»⁵. И это действительно так. «С какой страной вы хотите покончить, уважаемый? С Россией, где вас до сих пор любят? С вашими зрителями, для которых ваш бархатный голос стоит намного больше, чем все уверения в любви между народами? Вы призываете покончить со страной, которая дала практически все, включая ваше громкое имя?» - упрекал артиста журналист «Комсомольской правды» за слова о том, что с Россией «надо покончить». При этом он признавал право Кикабидзе быть «патриотом» и претендовал на некое понимание его чувств⁶. Но, в этих суждениях, на самом деле, заложено

³ Сидорина А. Интервью и видео со съемочной площадки проекта Константина Старыша «Высоцкий. Мой Гамлет» // Портал «ГРЕНАДА». 04.02.2013. URL: http://grenada.md/post/interviu_proekt_starisha4

⁴ Уралов С. Высоцкий. Энциклопедия и драйвер союзной идентичности // Однако. 26.01.2013. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_23407/

⁵ Соколов М. Памяти имперской культуры // Известия.Ру, 26.08.08. URL: <http://www.izvestia.ru/sokolov/article3119858/>

⁶ Ворсобин В. Вахтанг Кикабидзе больше не хочет Ларису Ивановну. Артист собрался покончить с Россией // Комсомольская правда. 27.08.2008. URL: <http://www.kp.ru/daily/24153/369376/>. Сам Кикабидзе потом заявил, что его слова неправильно перевели и он на самом деле сказал: «Надо ОТОЙТИ от этой страны». См.: Сапожникова Г. Вахтанг Кикабидзе: Сейчас Мимино стал бы инструктором военных вертолетчиков.

полное противоречие. Если Кикабидзе может быть патриотом новой Грузии это полностью освобождает его от обязательств перед новой Россией, ибо страной, «которая дала ему практически все, включая его громкое имя» для него был Советский Союз, в котором в сегодняшнем понимании не было ни России, ни Грузии, и страной где его «до сих пор любят» является не Россия как таковая, а бывший СССР, прекративший свое существование в качестве политической системы и экономического организма, но продолжающий существовать, как культурная общность.

Ситуация с отношением к наследию Высоцкого и поступкам Кикабидзе достаточно показательна и интересна с точки зрения изменения самой структуры ностальгии по советскому прошлому. Есть основания утверждать, что пафосная державная тематика в ее рамках сменяется более частной, приземленной, как правило, резонирующей с лучшими достижениями популярной культуры, а не с наполненными высокопарным патриотическим содержанием символами.

Характерно, например, что в конце января - начале февраля 2013 г. в России два юбилея, выпавшие на эти дни – 70-летие завершения Сталинградской битвы и 90-летие со дня рождения автора культовых советских кинокомедий Леонида Гайдая – вызвали, по крайней мере, равный резонанс в обществе (тематические передачи на большинстве телеканалов, многочисленные публикации и акции в Интернете, вечера памяти и т.д.). Примечателен в этом отношении заголовок обзора теленедели, опубликованного в газете «Трибуна»: «Гайдай против Сталинграда: кто кого?»⁷. И точно так же как Волгоград в эти дни стал центром празднования одного юбилея, Иркутск, где прошли молодые годы известного кинорежиссера, стал центром празднования другого⁸. При этом помимо России юбилей Гайдая (так же как, впрочем, юбилей победы под Сталинградом) не прошел незамеченным еще, по крайней мере, в ряде бывших советских республик.

«Сталинград навеки останется символом единства и непобедимости нашего народа» - заявил 2 февраля 2013 года в своем выступлении Владимир Путин⁹. Однако, вполне возможно предположить, что творческое наследие Гайдая для единства россиян и всех жителей постсоветского пространства к этому времени значило даже больше, чем память о битве, ставшей переломной в ходе второй мировой войны. Подлинно популярные произведения культуры, плюс во многом формируемая ими память о

Интервью грузинского актера, которое так ждали россияне // Комсомольская правда. 06.09.2008.
URL: <http://www.kp.ru/online/news/136813/>

⁷ Трибуна. 29.01.2013

⁸ См. например: Юбилей Леонида Гайдая в Иркутске проходит с размахом // Портал Gorod Irkutsk.
URL: <http://www.gazetairkutsk.ru/2013/01/30/id68457/>

⁹ Цит по: Путин назвал Сталинград символом единства россиян // Lenta.ru 02.02.2013. URL: <http://www.lenta.ru/news/2013/02/02/volgograd/>

«добрых старых временах», становятся чуть ли не основным якорем, привязывающим новые поколения и новые реалии к советскому прошлому.

Это полностью осознают и противники советского наследия. 2 января 2013 года, бывший высокопоставленный сотрудник латвийского МИДа Нормунд Васариньш в своем блоге в Twitter высказался по поводу традиционного показа в новогодние праздники в Латвии, как и в других бывших республиках СССР комедии «Ирония судьбы или С легким паром!». С его точки зрения, фильм Эльдара Рязанова «мешает латвийскому обществу стать по-настоящему западным». Дипломат уточнил, что, по его мнению, в новогодние праздники лучше смотреть западные фильмы, поскольку «они не инфицированы советским мышлением и ностальгией»¹⁰. При этом в качестве примера «неинфицированных» фильмов приводилась американская комедия «Один дома», про которую сам Васариньш высказался следующим образом: «по-моему, упомянутое кино слабое и, позволю себе так сказать, глупое»¹¹. Высказывания Васариньша вызвали бурный интерес и обсуждение, как в Латвии, так и в России¹².

Однако, с нашей точки зрения, вывод о том, что популярная культура в настоящее время служит наиболее прочным основанием постсоветской идентичности, если он верен, неутешителен не только для ненавистников всего советского, но и для тех, кто, напротив, хотел бы восстановления под доминированием России новой державы, которая станет преемницей СССР. Вряд ли такая держава может быть выстроена на умных и трогательных фильмах, бардовских песнях и игре в КВН.

¹⁰ Цит. по: «Ирония судьбы, или С легким паром!» поссорила латвийских политиков // Lenta.ru, 03.01.2013. URL: <http://www.lenta.ru/news/2013/01/03/latvia/>

¹¹ Цит. по: Экс-дипломат: Латвия станет западной, когда перестанет смотреть «Иронию судьбы» // ИА REGNUM. 02.01.2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1610375.html>

¹² См. об этом, например: Бондар В. Минобороны и кино: ненависть к «Иронии судьбы» опозорила латвийских русофобов // ИА REX. 05.01.2013. URL: <http://www.iarex.ru/articles/32805.html>

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА

Глубокие структурные изменения, переживаемые Россией на протяжении последних десятилетий, требуют обоснования новой концепции идентичности, формирование которой сопряжено со множеством трудностей. Идентификационный кризис имеет не только внутреннее, но и внешнее измерение, поскольку на формирование новой устойчивой интегральной идентичности россиян, наряду с ценностными и мировоззренческими аспектами, оказывают влияние и геополитические процессы.

В связи с необходимостью теоретического осмысления новаций действительности в ее геополитическом выражении представляется своевременным обращение к обозначенной теме. Актуальность проблемы определяется объективно существующей необходимостью анализа геополитических трансформаций в России, важностью выбора ею новых, адекватных современным мировым процессам ориентиров в политике, во взаимоотношениях с другими государствами. Кроме того, поиски новой идентичности являются необходимым условием выработки государственной стратегии в области внутренней и внешней политики, а также обеспечения национальной безопасности России.

В период кардинальных трансформаций идентичность россиян подверглась мощному воздействию изменяющихся приоритетов и ценностей. Переход к открытости обусловил ее максимальную подверженность влияниям извне. Российское общество стало представлять собой новую реальность, сформировавшуюся за годы реформ. В этих условиях идентичность россиян значительно преобразилась в плане своего содержания и форм проявления. Взаимоисключающие тенденции в развитии социума привели к формированию многоуровневой модели идентичности, включающей наряду с традиционными формами, новые, в том числе и геополитическую, представляющую собой ключевой элемент конструирования социально-политического пространства, который проявляется в самобытности той или иной страны и ее народа, а также связанные с этим представлениями о месте и роли страны в глобализирующемся пространстве.

Исходя из этого, можно сформулировать положение о том, что поиск консолидирующих оснований идентичности в современном мире не представляется возможным без анализа его геополитической составляющей, то есть без объединения проблем геополитики и идентичности в единый комплекс. Это предполагает не механическое соединение под одной

рубрикой «геополитики» и «идентичности», а анализ взаимного влияния трансформаций, протекающих в геополитическом диапазоне, с одной стороны, и в социокультурной сфере, с другой.

В данной статье мы не будем обсуждать модели, в рамках которых разные авторы объясняют и прогнозируют идентификационные стратегии российских граждан. Вопросы эти достаточно подробно излагаются в ряде политологических изданий. Задача данной статьи конкретна – анализ взаимосвязи геополитики и идентичности в контексте развития полицентрического мира.

Одна из первых попыток анализа обозначенной проблемы была предпринята нами в 2007 г. Мы исходили из представления о том, что геополитическая идентичность в современных глобализационных процессах представляется в виде геополитического мировоззрения и мироориентации, конструируется на определенном этническом пространстве в такой форме, что этническая и региональная идентичности являются доминантой процессов конструирования геополитической идентичности в современной России¹. Поскольку наши публикации вызвали интерес и дискуссию в отечественной науке, остановимся еще раз на этом феномене. Не собираясь заняться «разъяснительной работой» или навязыванием утопичных мыслей, попробуем вступить в диалог, поразмышлять, переосмыслить геополитическую идентичность в новых условиях.

Учитывая сложность и неоднозначность понятийного ряда, отметим, что в социогуманитарных науках идентичность рассматривается как множественная, изменчивая, гибкая, конструируемая структура, модифицирующаяся в зависимости от исторического и политического контекста и стратегии акторов. Чаще всего она рассматривается как фактор, определяющий качество общественных связей и отношений, степень сплоченности и солидарной мотивации поведения граждан.

Далее обратим внимание на то, что возможность преодоления кризиса идентичности, существующего в современном российском обществе и представляющего угрозу его стабильному существованию, связана, в первую очередь, с возрождением базовых ценностей социума, с восстановлением статуса сверх-державы. Преодоление кризиса идентичности является важнейшим геополитическим проектом, поскольку представляет собой один из главных факторов обеспечения национальной безопасности, сохранения и развития самобытности России в условиях модернизации.

Согласно авторитетным специалистам в области российской идентичности, в недалекой перспективе, если не будут предприняты энергичные и эффективные шаги по развитию и укреплению общероссийской идентичности, вероятно дальнейшее обострение кризиса

¹ Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности. Майкоп: ООО «Качество», 2007. – с. 290.

идентичности и, как следствие – потеря нравственных и ценностных ориентиров у молодежи и других слоев общества².

Не развивая эту тему дальше, отметим, что всем россиянам предстоит, преодолевая издержки глобализации, идти по долгому пути поиска своей идентичности. Российское общество действительно нуждается в формировании национальной идентичности, ведь Россия является, как и все современные государства, государством национальным. Перед россиянами стоит задача осознания себя как нации – политического сообщества граждан.

Частью этой проблемы является вопрос о геополитической идентичности России, поскольку важнейшие грани и контуры идентичности любого государства определяются его местом, весом и влиянием в мировом сообществе, а также отношением к нему остального мира. Аргументируя данное положение, отметим, что в практике анализа идентификационных стратегий признан тезис о геополитике как компоненте любых структур идентичности. Поэтому неслучайно внимание, уделяемое идентичности в последние годы, совпало с повышенным интересом к геополитическим проблемам. В то же время, несмотря на то, что наличие тесной связи между этими феноменами признается, ее природа на сегодняшний день остается недостаточно освоенной.

Важную роль в ее изучении играет обращение к опыту западной науке, в которой обозначенная проблема частично затрагивается в трудах классиков геополитики. Определенное внимание этой теме уделили М. Бассин, Х. Дайкинк, И. Нойманн, Дж. Тоал и др. Так, географические аспекты проблемы идентичности рассмотрены М. Бассиным, согласно которому, географические объекты становятся существенными для структур идентичности только тогда, когда они оказываются психологически включенными в эти структуры³. В процессе географического самоопределения ученый выделяет проблему национальных границ, которые играют важную роль в формировании групповой идентичности. Х. Дайкинк понимает под геополитическим видением мира набор представлений о соотношении между различными элементами политического пространства, о национальной безопасности и угрозах ей, выгодах и невыгодах определенной внешнеполитической стратегии⁴. Геополитическое видение мира включает также представления о территории этнической группы или политической нации, ее границах, моделях государственного устройства, своей исторической миссии и внешних или внутренних силах, благоприятствующих или препятствующих ее осуществлению, геополитических кодах. И. Нойманн предлагает четыре подхода к изучению

² Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3. С. 56.

³ Бассин М. К вопросу о географии национальной идентичности // Идентичность и география в современной России. СПб.: Геликон Плюс, 2003

⁴ Dijkink G. National Identity and Geopolitical Visions: Maps of Pride and Pain. London: Dodds K, 1996

идентичности, актуальных для геополитики и международных отношений: этнографический, психологический, подход континентальной философии и восточный экскурс⁵. Разрабатывая новый методологический подход в геополитике, Д. Тоал выделяет такие направления исследований в геополитике, как изучение национальных геополитических традиций, анализ геополитической идентичности, исследование значения пространственных концепций в разных традициях и культурах⁶. Наиболее существенное влияние на современные зарубежные версии теории идентичности оказывают в последние годы такие исследователи, как П. Бурдые, Э. Гидденс, Ю. Хабермас и С. Хантингтон, стоящие на принципиально различных методологических позициях.

Российские исследователи используют понятие «геополитика» в связи с границами и распространением идентичностей, и в этом смысле рассматривают ее как составляющую геополитических процессов. Особое значение в осмыслении взаимосвязи геополитики и идентичности имеют идеи К.С. Гаджиева, А.Г. Дугина, Д.Н. Замятина, М.В. Ильина, А.А. Карамурзы, В.А. Колосова, Э.Г. Соловьева и В.Л. Цымбурского. Одни авторы считают, что идентичность является ключевым понятием в современном прочтении геополитического дискурса. По мнению других, идентичность может выступать объясняющим фактором внешней и внутренней политики государства.

Нетрудно заметить, что даже в рамках активного возрождения геополитической феноменологии в России, при наличии достаточно внушительного перечня научных работ, в которых рассматриваются новые модели идентичности, проблема взаимосвязи геополитики и идентичности практически не представлена в социально-гуманитарной науке.

Несмотря на это, можно констатировать, что мировое социогуманитарное знание переживает всплеск интереса к проблеме геополитической идентичности, актуальность которой определяется объективно существующей необходимостью геополитического позиционирования стран в динамично развивающемся мире, важностью выбора новых ориентиров во взаимоотношениях с другими государствами и их союзами, связанных с обеспечением национальной безопасности, которая в значительной мере определяется геополитической идентичностью, соответствующей реальному потенциалу укрепления имиджа государств. В условиях ускорения процессов глобализации геополитическая идентичность выступает в качестве индикатора, позволяющего судить о характере и направленности интеграции государств в мировое сообщество, основных векторах их внешнеполитической стратегии.

⁵ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004

⁶ O'Toal G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis. MN.: University of Minnesota Press, 1996

Рассматриваемая проблема чрезвычайно актуальна для России, в которой изменения характера геополитической реальности требуют новой идентификационной концепции в условиях кризисного мироощущения. Выделение и обоснование данного феномена позволит выработать меры по укреплению российской государственности и сформировать имидж страны как великой державы.

Как уже отмечено выше, переосмысление геополитической идентичности осуществляется в связи с формированием общероссийской идентичности. Многие ученые признают сегодня, что геополитическая идентичность представляет собой реально существующий феномен. Она, как и другие уровни идентичности, иллюстрирует многообразие модернизирующегося социума. В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что в современных условиях рассматриваемый феномен не следует мифологизировать и идеализировать. Но и без его анализа трудно разобраться с реалиями меняющегося миропорядка.

РАЗДЕЛ II. БОРЬБА ЗА ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.С. Куква,
Адыгейский государственный университет

МАКРОИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОСТСОВЕТСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ¹

Современную конфигурацию российской национальной идентичности, рассматриваемой для отечественных социально-политических реалий как вариант макроидентичности, составляют две наиболее значимые, крупные размерности: социокультурная и политическая. Этнокультурная идентичность, представляя собой социокультурную, участвует в формировании национальной идентичности. Это становится возможным при определенных обстоятельствах: когда этнокультурная идентичность находится в актуализированном состоянии и сопрягается с солидарностью, соединенной с толерантными установками и доверием власти². Благоприятные социально-экономические условия и равный доступ населения к ресурсам способствуют данному процессу. Например, исследование Ю.В. Арутюняна показало, что «утверждение макроидентичности «россияне» происходит в наиболее благоприятных частях Российской Федерации», таких как Москва и Краснодарский край, выступающих в качестве модельных регионов с точки зрения закладывания основ и испытания на прочность российской гражданской нации. При этом ряд республик Северного Кавказа, таких как Дагестан, Чечня и Ингушетия, с точки зрения ученого, не могут претендовать не только на наличие формирующейся, но даже сколько-нибудь выраженной полиэтничной гражданской общности³. Для данных регионов характерно преобладание в коллективном сознании традиционалистских (этнонационалистических), а не модернизационных (интегративных) трендов. Причем такая слабая включенность названных республик в обозначенный процесс наблюдается на фоне вполне отчетливо прослеживаемой государственной политики формирования российской нации.

По мнению экспертов, на рубеже 1990-2000-х гг. в стране начала артикулироваться важность управления этнокультурными различиями, противодействия «формам крайнего национализма и экстремизма», консолидации российского общества. Задача формирования общероссийской

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 12-06-31146 мол_a

² Рыжова С.В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности. Автореф. дисс. к.с.н. М., 2008. С. 11.

³ Арутюнян Ю.В. Россияне: проблема формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 91-92.

нации ставится в этот период в рамках политического дискурса в выступлениях президентов РФ В.В. Путина и Д.А. Медведева. «Наметилась линия на более определенную поддержку модели российской нации-согражданства»⁴. В связи с чем актуализировалась замена понятия «национальная политика» на «политику этнокультурную», или «политику в сфере межэтнических отношений», когда речь шла о политике в отношении народов России. В этом контексте «национальная политика» начинает пониматься как «политика обеспечения национальных интересов страны». Следует отметить, что задача сохранения этнокультурного многообразия на федеральном уровне формулировалась не как самоцель, а как способ «интеграции граждан любой этнической принадлежности в общероссийское социально-экономическое и культурное пространство»⁵. Обстоятельный анализ использования идеи «общероссийской нации» в государственных документах этого периода осуществила Г.И. Зверева. Исследователь полагает, что впервые идея коллективной российской идентичности - «многонациональный народ России» была высказана в Конституции в 1993 г. Текст «Концепции государственной национальной политики РФ» 1996 г. использует понятие «многонациональное государство». В роли гаранта устойчивости «многонационального государства» выступает русский народ, понимаемый как этническая общность, который «является опорой российской государственности.

Следующим документом, отражавшим поиск и становление объединительной идеи, стал проект Федерального закона «Об основах государственной национальной политики РФ» (2003 г. и 2006 г.). В документе 2003 г. более четко, по сравнению с текстом «Концепции национальной политики» 1996 г., выражена мысль о приоритете этнического по отношению к общегражданскому началу и сделан акцент на этнофедералистском принципе организации «государства–нации». В переработанном варианте законопроекта 2006 г. в текст документа вводятся новые понятия: «общегражданская идентичность», «российская нация». «Российская нация», говорилось в документе, – это «историческая, социально-политическая общность многонационального народа России с общей исторической судьбой, совместной созидательной деятельностью по укреплению единого государства»⁶. Несколько позже сам проект закона стал называться иначе: «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений». По характеру изменений этого проекта Федерального закона заметно, что в содержании понятия «российской

⁴ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 99.

⁵ Тишков В.А. Как обновить концепцию национальной политики? URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/kak_obnovi.html

⁶ Цит. по: Зверева Г.И. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. 2009. №1. (январь-март). С. 73.

нации» несколько усиливалось гражданское звучание. Трактовка «многонациональный народ» претерпела ряд изменений и понималась как «общность граждан Российской Федерации различных национальностей, объединенных государственным единством, общими интересами и духовными ценностями и осознающих свою принадлежность к общности российской нации». Факт акцентирования на идее политической нации привел к серьезной критике и негативным оценкам документа, и его рассмотрение было снова отложено.

Дальнейшее развитие объединительной идеи вылилось, по утверждению Г.Зверевой, в «официальное учреждение российской нации», которое состоялось весной 2008 г. через создание Общероссийского союза общественных объединений (ОСОО) «Российская нация». В Совет этого Общероссийского союза, как отмечалось в средствах массовых коммуникаций, вошли «видные государственно-политические и общественные деятели, руководители всех крупнейших федеральных национально-культурных общественных объединений». Цель движения – распространение и упрочение в обществе идеи политической и гражданской нации в России. Согласно мнению участников нового движения, впервые эта идея «была утверждена» высказыванием В. Путина о российской нации, которое содержалось в его выступлении по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений 5 февраля 2004 г.⁷

Принятая в конце 2012 года «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» провозглашает в качестве цели «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»⁸. При этом формулируется параллельная цель «сохранения и развития этнокультурного многообразия народов России». Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», принятая в рамках реализации названной стратегии, строится также на сбалансированном подходе «единство-разнообразие». Обе цели формируются как равнозначные⁹.

Специфика Северного Кавказа с позиций анализируемой проблемы заключается не только в полиэтничности и поликонфессиональности, говорят даже о «предельной выраженности» этнического и конфессионального разнообразия. Базовой системообразующей характеристикой для региона и многих процессов, происходящих в нем, является *неравномерность*¹⁰. Она

⁷ Там же. С. 80.

⁸ «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PDA/linkProxy?subjectId=70284810&linkType=65537>

⁹ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». URL: <http://government.ru/docs/4022>

¹⁰ Хлынина Т.П. Диагностический потенциал современного исторического знания и его возможности в определении уровня фоновой напряженности на Юге России // Проблемы и перспективы социально-

выражается в экономических, политико-идеологических диспропорциях, в сосуществовании глубоко укорененных традиционных институтов и проявлений постиндустриального мира, в несоответствии статуса этнических меньшинств и большинства их реальным социокультурным статусам, а также в различной степени консолидационных процессов у населения региона.

Исследователи обнаружили закономерность, согласно которой неравномерность гражданской консолидации населения и уровня социально-политической стабильности по региону зависит от типа идентичности групп, входящих в его социальную структуру. Например, идентичность этнических групп, имеющих длительный опыт совместного существования (русские (либо казаки) и армяне в Ростовской области, Краснодарском крае, русские (либо казаки) и адыги в Краснодарском крае, Республике Адыгея), расценивается как конструктивная основа для преобладания консолидационных процессов (и соответственно, формирования российской идентичности) над процессами дифференциации. Противоположно выглядит ситуация с идентичностью этносоциальных групп, взаимодействие между которыми в настоящее время только складывается или восстанавливается (русские (казаки) и турки-месхитинцы в Краснодарском крае, русские (казаки) и чеченцы и даргинцы в Ростовской области, старожильческое население и мигранты)¹¹. Подобные выводы ставят под сомнение имеющую широкое распространение точку зрения, что, осуществляя внутриэтническую интеграцию, этническая идентичность оказывает влияние на развитие дезинтеграционных тенденций в обществе в целом и, в частности, в этносфере.

Таким образом, учет этнокультурного многообразия при определении солидаризирующей идеи для российского общества является одним из ключевых факторов при реализации политики и практики формирования национальной идентичности. А использование культурных, образовательных, медиа «каналов» для продвижения этой идеи может стать главным механизмом формирования и укрепления национальной российской идентичности.

экономического и научно-технологического развития южных регионов: Материалы Всероссийской научной конференции (21-22 сентября 2009 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2009. С. 343.

¹¹ Хоперская Л.Л. Общегражданская идентичность как фактор обеспечения стабильности на Северном Кавказе // Миграционные процессы на Юге России: реалии, проблемы, перспективы. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Выпуск первый. Ростов-на-Дону, 2008. С. 40.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ «РУССКОГО ПРОЕКТА» ОБЩЕСТВЕННОГО РОССИЙСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ)

Распад СССР повлек за собой кризис, проявившийся во всех сферах постсоветской культуры. Разрушение прежней системы социально-политических ориентиров привело к дефициту ценностей настоящего, недостатку позитивных коллективных представлений об актуальном, механизмов коллективного самоуважения. Эти негативные факторы обусловили поиск новых мировоззренческих основ и устойчивой социальной идентичности в постсоветском культурном пространстве. Если воспользоваться конструктивистской парадигмой, то национальную идентичность можно рассмотреть как «форму нарратива (повествования) и перформанса (спектакля)», которая транслируется «образованной интеллектуальной элитой и правящей властью при помощи различных медиа»¹. «Образ себя» любого народа обычно разделен на две составляющие – «образ для себя» (характер представлений о себе и о своем месте в мире) и «образ для других» (ориентированный на представления о стране, сложившиеся за пределами национального культурного поля)². По мнению К.С. Гаджиева, «образ для себя» представляет собой «понимание народом самого себя как бы изнутри, которое складывается из комплекса традиционных для него исторических, социально-экономических, общественно-политических, социокультурных, политико-культурных и иных реальностей, обычаев, национальных мифов, символов, верований, стереотипов и т.д.»³. В эпоху поиска национальной идентичности в середине 1990-х гг. массовая культура — прежде всего, кино и телевидение, — смогла стать транслятором подобного комплекса традиционных установок и общечеловеческих ценностей.

Среди наиболее успешных попыток конструирования национальной идентичности ещё в 1990-е гг. был признан «Русский проект» Общественного российского телевидения, серия имиджевых роликов, появившихся на ОРТ в 1995 г.⁴. По словам автора идеи К.Л. Эрнста, короткие видео должны были служить цели идентификации нового канала (ОРТ),

¹Лукина А.В. Технологии производства и утверждения национальной идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006. С. 234

²Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. 2008. № 5. С. 10

³Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400&Itemid=52

⁴Дерябин А. "Русский проект": конструирование национальной истории и идентичности // Русский журнал. 1998.04.15. URL: <http://old.russ.ru/journal/media/98-04-15/deryab.htm#5>

«который хотел выйти из хаоса первой половины 1990-х»⁵. Чтобы достичь этого, авторы решили апеллировать к простым эмоциям, добрым чувствам и непреходящим ценностям, таким, как дружба, любовь, семья. Для художественного воплощения К.Л. Эрнст и режиссер проекта Д.Е. Евстигнеев обратились к «большому советскому стилю», поэтому важным было участие актёров первой величины, прославившихся ещё в советском кино⁶. Большинство роликов, действительно, так или иначе, обращаются к теме советского прошлого.

Сознание общества, коллектива, как и сознание человека, во многом питается памятью о прошлом, поэтому она является важным фактором сохранения идентичности. Советское по-разному проявляется в «Русском проекте». В эпизоде «Верь в себя» использован образ самой популярной представительницы массовой культуры СССР/России Аллы Пугачевой, которая появляется в конце с комментарием «надо просто верить в себя и всё получится».

Первые серии проекта снимались в год 50-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне, что нашло отражение в эпизодах «Мы вас любим» и «Мы помним». Сама идея «Русского проекта» родилась из сценария короткометражного фильма, придуманного Д.Е. Евстигнеевым для конкурса в канун 50-летия Победы. По этому сценарию был снят ролик «Мы вас любим» с актером-ветераном З.Е. Гердтом в главной роли.⁷ А. Дерябин обратил внимание, что для построения нарратива авторами в данном случае были выбраны «очевидно позитивные моменты в российской истории» — победа 1945 г. и хрущевская оттепель 1960-х гг.⁸

В нескольких эпизодах актуализируется тема достижений страны, которая традиционно ассоциируется с покорением космоса: главными героями сюжетов «Это моя страна» и «Дома лучше» являются космонавты в исполнении Н. Михалкова и В. Машкова.

Тема ударного труда реализуется в привычном советском стиле. В ролике «Всё у нас получится» героями являются водитель и комбайнёр во время уборки урожая. Такой образ, несомненно, напоминает советские плакаты аграрной тематики, самыми популярными сюжетами которых были уборка урожая и посевная.

В некоторых эпизодах, лишенных прямых отсылок к советскому прошлому, эффект связи с СССР достигается за счёт стилистики. По меткому замечанию А. Тимофеевского, на эстетическом уровне «Русский проект» был похож на фильм В. Меньшова «Москва слезам не верит»⁹. В таком стиле

⁵ 1995. "Русский проект" на ОРТ // Афиша. 2012. № 335. URL: <http://www.afisha.ru/article/ad/page10/>

⁶ 1995. "Русский проект" на ОРТ

⁷ 1995. "Русский проект" на ОРТ

⁸ Дерябин А. Указ. соч.

⁹ Тимофеевский А. "Русский проект" - полхода на две серии // Коммерсантъ Власть. 1996. № 19 (178). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/12532>

снят, например, ролик «Ставьте перед собой реальные цели», действие которого разворачивается в женском общежитии, а девушки-участники рисуют картины собственного будущего в духе героинь фильма В. Меньшова.

Как считает А. Тимофеевский, фильму «Москва слезам не верит» соответствует образ российской столицы, представленный в «Русском проекте»¹⁰. Москве посвящен эпизод «Это мой город», аккумулирующий, по нашему убеждению, скорее образы кино 1960-х, нежели фильма В. Меньшова: изображение города имеет первостепенное значение в творчестве М. Хуциева, Г. Шпаликова и в целом ряде картин эпохи оттепели, с которыми можно найти параллели в этом ролике («Я шагаю по Москве», «Застава Ильича», «Июльский дождь», «Три тополя на Плющихе»).

Сюжет «Это мой город» позволяет говорить и о других аспектах национальной идентичности, помимо исторического — пространственно-географическом и символическом.

Пространственно-географические параметры — размеры и масштабы территории государства, его расположение, топография, климат и т.д. — являются важным измерением национальной идентичности. Отчасти эти элементы использованы в ролике «Эта моя страна», где космонавты, глядя на Россию из космоса, вспоминают названия отечественных городов и связанных с ними стереотипичными представлениями.

Неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются национально-государственные символы и идеалы. В этом отношении важным является сюжет «Помни о близких», действие которого разворачивается на Красной площади, а в роли главного героя — солдат почётного караула. Для воскрешения знакомого образа авторы поместили «Пост № 1» к Спасской башне Кремля. Это позволило, с одной стороны, уйти от прямых политических ассоциаций, которые неизменно воплощает Мавзолей Ленина, с другой стороны, получилось соединить хорошо знакомые зрителю государственные символы: Кремль, Красную площадь и почётный караул.

Среди других символов, типичных для России, были использованы алкогольные напитки — пиво и водка. В отечественной культуре они давно перестали быть просто напитками: есть смысл говорить об их социокультурной значимости, поскольку они являются предметом укоренившихся суждений и стереотипов¹¹. Водка ко всему прочему часто называется в числе устойчивых стереотипных ассоциаций с образом

¹⁰ Тимофеевский А. Указ. Соч.

¹¹ Морель Морель Д.А. Репрезентация пива и водки в картине мира россиян: половозрастные особенности // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-piva-i-vodki-v-kartine-mira-rossiyan-polovozrastnye-osobennosti-empiricheskoe-issledovanie-v-sinhronii>

России¹². Неслучайно, поэтому, употребление алкоголя нашло отражение в культуре, в частности, в советском кинематографе. В «Русском проекте» не употребление, но разговор об алкоголе сближает немолодых людей с очевидно разным бэкграундом. Действие происходит в больнице, в главных ролях героев-пациентов — бывшие советские актеры разного амплуа: О. Ефремов, В. Кикабидзе, О. Табаков, Л. Дуров. Все персонажи делятся своим видением культуры питания, тем не менее, каждый монолог формирует, безусловно, позитивный образ алкоголя.

Идентичность не обходится без представления об антиподе, и национальная идентичность может проявляться с помощью образа или образов «Другого», противника, который служит мощным стимулятором достижения консолидации и эффективности человеческих сообществ. Серий Русского проекта, где показывался бы образ «Другого» снято не было, однако, по словам генерального директора ОРТ К.Л. Эрнста, подобные сюжеты были в планах у телевизионного руководства: «Те же основные герои «Русского проекта», сохраняя свои образы, проявят себя в столкновении с иностранцами»¹³. Тем не менее, были сняты два эпизода на военную тематику («Спаси и сохрани», «Я вернусь, мама»), где образ «Другого» предлагалось додумать самим зрителям: напрямую он не показывался. Оба видео снимались во время Первой чеченской кампании до подписания Хасавюртовских соглашений в августе 1996 г. По мнению исследователей, со второй половины 1990-х гг. слово «Чечня» все отчетливее стало выражать себя в коллективном сознании как совокупный образ Войны в России.¹⁴ Указанные серии «Русского проекта» можно считать первыми репрезентациями этой тенденции, хотя ни район боевых действий, ни враги в данном случае не называются.

Таким образом, серии «Русского проекта», показанные по телевидению в 1995-1996 гг., явились не только важным этапом в самоидентификации нового канала ОРТ, но также инструментом формирования национальной идентичности по разным направлениям: пространственно-географическому, историческому, традиционному, социокультурному и символическому. Анализ отечественной телепродукции более позднего времени, проведенный А.П. Глуховым, показал, что традиционные российские топосы включают, прежде всего, деревню, сельскую местность, русскую избу, баню, образы Кремля, сталинских высоток и географической карты России. Все они относятся к образу России как «обширной, наделенной бескрайними

¹² Семененко И.С. Культура, общество и образ России // Неприкосновенный запас. 2007. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/se5.html>

¹³ По звездному признаку // Огонек. 1997. № 10 (4493). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2284790> (дата доступа 14.10.13)

¹⁴ Зверева Г. "Работа для мужчин?" Чеченская война в массовом кино России // Неприкосновенный запас. 2002. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/zver.html> (дата доступа 14.10.13)

просторами аграрной державы».¹⁵ Эти топосы нашли отражение и в сериях «Русского проекта», задачей которого было обращение к традиционным ценностям. И в этом плане «Русский проект» предвосхитил многие тренды развития современных медиа: культурную реабилитацию СССР, возрастающую роль патриотизма, значимость официальных праздников как элементов утверждения позитивной национальной идентичности. Опираясь на проведенные российскими и зарубежными учеными исследования, можно сделать вывод, что появление подобных практик в середине 1990-х гг. было обусловлено исчерпанностью риторического потенциала «перестройки» и либерально-демократических концепций начала десятилетия¹⁶, а также усталостью от мрачных образов России, характерных для кинематографа тех лет, и чуждостью западной телепродукции (прежде всего, рекламы) для отечественного зрителя¹⁷.

¹⁵ Глухов А.П. Медиаобраз современной России в телевизионной рекламе: модернизация или традиционализм // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315. № 6. С. 126

¹⁶ Зверева Г. Русский проект: конструирование позитивной национальной идентичности в современном российском государстве и обществе // Eurasian Reviews. 2008. Vol. 1. P. 15

¹⁷ Beumers B. National identity through visions of the past: contemporary Russian cinema // Soviet and Post-Soviet Identities. Cambridge University Press, 2012. P. 58-59

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПЕРВОГО СОЗЫВА.

Распад Советского Союза и смена политического режима в постсоветской России привела к смене политического языка. Концепт «советский народ», который был записан в конституции СССР, исчез вместе со сменой политического режима. В новой стране под названием Россия, «гражданам» необходимо было создать коллективное имя. С названием коллективного имени возникли достаточно большие проблемы, даже основной закон страны, конституция Российской Федерации, не даёт ответа, а ещё более запутывает в понимании коллективного имени.

В Конституции России записано, что «источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ»¹, из имени собственного, которое существовало в конституции СССР, коллективное имя «советский народ» превратилось в безымянное название, с которым можно манипулировать по своему усмотрению.

Тем не менее, в лексиконе депутатов Государственной Думы первого созыва, часто употреблялись термины «коллективного имени»: россияне, граждане (гражданский мир, гражданское согласие), нация (национальный праздник, национальный мир). Однако прослеживается переименование смысла «коллективного имени» в выступлениях депутатов Государственной Думы и иное толкования, выше перечисленных терминов.

Примером может служить стенограмма Государственной Думы от 23 февраля 1994 года, и в частности выступление депутата Государственной Думы С.Шахрай, лидера избирательного объединения «Партия российского единства и согласия».

В выступлении С.Шахрай шла речь о комиссии Государственной Думы по расследованию причин событий 3 - 4 октября 1993 года. Так С.Шахрай постоянно указывал на гражданское примирение, гражданское согласие. Это был основной посыл в выступлении представителя объединения «ПРЕС». Тем не менее, говоря о гражданском мире и согласии, С.Шахрай не связывал данные термины с коллективным именем, эти термины относились к государству, а не к «человеку». По мнению депутата С.Шахрай «элементы гражданского примирения, состоят в политическом перемирии, в социально-экономическом перемирии и в международном перемирии»². «Международное перемирие», для данного депутата, это не

¹ Конституция Российской Федерации. М.: Астрель, 2005.

² Стенограмма заседания 23 февраля 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3233/>

перемирие всей нации, а категория межэтнического согласия, и употреблённый термин «межнациональный» не имеет ничего общего с политическим термином «нация». В доказательство этому является следующая фраза С.Шахрая: «Элементы межнационального согласия должны состоять в отказе от передела границ внутри Российской Федерации, в комплексном решении проблем беженцев».³

В высказываниях депутата наблюдаем игру слов. Лидер фракции «ПРЕС» обращается ко всем и не к кому, каждый может услышать то, что желает слышать.

Вот как трактует осетино-ингушский конфликт С.Шахрай на пленарном заседании Думы, от 6 апреля 1994 года: «...это не конфликт двух народов, народов-соседей, осетин и ингушей, это по своей сути гражданский конфликт, вооруженный конфликт»⁴. Утверждая что это гражданский конфликт, а не конфликт двух народов, С.Шахрай прав, ибо каждый из участников данного конфликта является де-юре гражданином Российской Федерации, и конфликт происходил между гражданами Российской Федерации. Однако участники конфликта, фактически, ассоциировали себя не как граждане Российской Федерации, а как представители этнических сообществ.

Тем не менее, в высказываниях С.Шахрая отсутствует последовательность, уже в следующем предложении С.Шахрай говорит что необходимо «...помочь народам Осетии и Ингушетии из этого конфликта выйти совместными силами»⁵.

Из приведенных высказываний представителя партии «ПРЕС» в Государственной Думе обнаруживаем удивительную метаморфозу. Говоря об осетино-ингушском конфликте, С.Шахрай указывал, что это не конфликт двух народов, а гражданский конфликт. Однако в следующем предложении говорит, что необходимо помочь народам Осетии и Ингушетии выйти их конфликта. Если исходить из высказывания В.Макаренко что «реальная политика в большинстве случаев является реализацией абсурда»⁶, тогда всё становится на свои места. Не может быть не абсурдна политика, когда «политики» излагают политические реалии языком абсурда.

Однако существует и иная сторона политического абсурда. Если умиротворению конфликта способствует названия чёрного белым, тогда этот абсурд уже не просто абсурд, а вполне политически осмысленный, значит, политически это уже не абсурд.

Игра словами для победы над оппонентами в Государственной Думе, с призывом к определённом этносу продемонстрировал К.Затулин депутат от партии «ПРЕС».

³ Там же.

⁴ Стенограмма заседания 6 апреля 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3219/>

⁵ Там же.

⁶ Макаренко В.П. Идея и концепт национальной самокритики // Политическая концептология, 2010. №3. С.4

Партия «ПРЕС» была инициатором рассмотрения вопроса о договоре с Татарстаном. Это постоянно подчёркивалось депутатом от «ПРЕСа» К.Затулиным, при обращении к оппонентам в Думе: «что договор с Татарстаном укрепляет нашу Федерацию и способствует укреплению интеграции в СНГ»⁷, что «...если вы думаете, что не взаимозавязаны проблемы поведения крымских татар в Крыму...и проблемы договора с Татарстаном, то вы ошибаетесь»⁸. Депутат К.Затулин являясь сторонником восстановления империи на постсоветском пространстве, пытается связать не связываемые вещи, на первый взгляд, проблему крымских татар и проблему подписания договора с Татарстаном.

Если исходить из рационального понимания высказывания депутата партии «ПРЕС», создаётся впечатление абсурда, политического абсурда. Однако если этот абсурд даёт возможность влиять на политику постсоветских государств, то это уже не абсурд, а вполне осмысленная позиция.

Стенограмма от 17 февраля 1994 года, партия «ПРЕС». Депутат К.Затулин в выступлении по поводу подписание «Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве с Республикой Грузия» и целого ряда совместных российско-грузинских документов использует двоякое трактование термина «нация». Первая трактовка, это понимание населения страны как единой политической общности: «долговременные исторические интересы России и ее граждан»⁹. Это единственный пример связи термина «граждане» с государством, в выступлении К.Затулина. Дальнейшее выступлении депутата Затулина показывает, что данный депутат является сторонником построения империи в пределах постсоветского пространства, с натягиванием «тонкой кожи нации» на обширное тело империи, и от политической составляющей термина граждане он переходит к термину народы: «...спокойному общежитию народов в пределах Российской Федерации»¹⁰, «...обращения от народов Северного Кавказа, от жителей России (не только Абхазии и Южной Осетии - это своим чередом)...»¹¹, «за вопросами внешней политики стоят судьбы не только отдельных лиц, но и народов»¹² (термин «народов» применяется в тексте к Российской Федерации), «Что касается интересов всяких других народов, республик, краев, областей,...»¹³, «Мы как раз хотели бы призвать (и в рекомендациях это есть) народы Северного Кавказа к тому, чтобы проявить спокойствие, выдержку и не допускать никаких действий, способных дестабилизировать,

⁷ Стенограмма заседания 6 апреля 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3219/>

⁸ Там же

⁹ Стенограмма заседания 17 февраля 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3237/>

¹⁰ Там же

¹¹ Там же

¹² Там же

¹³ Там же

осложнить обстановку на Кавказе».¹⁴ Данные цитаты К.Затулина являются прекрасным примером попытки конструирования официального российского национализма.

Одновременно к жителям России данный депутат относит жителей Абхазии и Южной Осетии, которые де-юре являются субэтносомами в рамках официального грузинского национализма. Однако это не смущает депутата К.Затулина, и он в своих выступлениях пытается натянуть «одеяло» государственного российского национализма на абхазский и южноосетинский этнос грузинской нации.

Иное трактование коллективного имени демонстрирует председатель партии «Выбор России» Е.Гайдар. На заседании Государственной Думы 11 марта, обсуждая послания президента Б.Ельцина, говорит о «россиянах», имея в виду политическое имя, связанное с государством.¹⁵ Связывание коллективного имени с государством, говорит о модернистской концепции в понимании коллективной идентичности председателем партии «Выбор России».

Стенограмма от 21 апреля 1994 года. В связи с рассмотрением вопроса о ходе подготовки Соглашения о достижении гражданского согласия в России, представитель партии «Выбор России» Е.Гайдар призывал для достижения согласия в обществе (Российской Федерации) не идти на конфронтацию, с отменой выбранного политического курса и отставкой президента. Достижения национального согласия должно начинаться с примирения, политические разногласия должны решаться на избирательных участках, в процессе выборов в местные органы власти, депутатов, президента.

«Общественное согласие» и «национальное согласие» у Е.Гайдара являются синонимами, и несут единый смысл. Терминология выступления созвучна с эссе Э.Ренана «Что такое нация?», с желанием (согласием) жить вместе. Именно через согласие, через примирение рождается коллективная общность, которую мы называем нация. Другим не менее важным подтверждением понимания нации как коллективной политической общности, является утверждение Е.Гайдара о приоритете демократических институтов. В частности института выборов, и парламента как места для дискуссий.

Для легитимности власти, периода девяностых годов, необходимо было активное участие «населения» в политическом бытии государства. Только через участие в политических процессах государства «население» становится «гражданами», которым присуще «собственное коллективное имя». Данный подход к пониманию «нации», сторонников Е.Гайдара, относится к модернистской парадигме концепта «нация». Где нация

¹⁴ Там же

¹⁵ Стенограмма заседания 11 марта 1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3229/>

является политической категорией, которая постоянно создаёт себя, через участие в политическом бытии государства.

Иные взгляды на создание коллективной идентичности демонстрировала фракция «ПРЕС». Представители данной партии являлись сторонниками «официального национализма», с желанием натянуть тонкую кожу нации на обширное тело империи¹⁶.

¹⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении. М.: «КАНОН-Пресс», «Кучково поле», 2001. С. 108.

ИДЕНТИЧНОСТЬ УКРАИНЦЕВ В ПРОГРАММАХ УКРАИНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Целью данной работы является анализ программ современных украинских политических партий на предмет их представления об украинской идентичности и обращения к этому вопросу. Под «украинской идентичностью» мы будем понимать не только этническую принадлежность индивида (его этническую идентичность), но и осознание себя украинцем как гражданином Украины (гражданская идентичность). В данной работе проводится анализ программ действующих политических партий Украины, остановившись на партиях-членах Верховной Рады, и попытаемся рассмотреть, как в них отображается тема украинской идентичности.

Первое место по партийным спискам заняла «Партия регионов», получившая 30% голосов избирателей¹. Партия победила в 10 регионах Юго-Востока Украины, а также в Закарпатской области. Программа партии называется «От стабильности — к благополучию» и характеризуется большим количеством лозунгов, таких как «Партия регионов взяла на себя ответственность за судьбу государства» и «Украина — многомиллионная европейская страна успешных людей» и обещаний наподобие «Каждый украинец будет иметь достойную зарплату и возможность трудоустройства»². Некоторая информация, относящаяся к теме нашего исследования, размещена в разделе под названием «Страна свободных людей». В нём указано, что «Партия регионов» «выступает за интеллектуальную свободу, свободу слова, равные возможности для женщин и мужчин во всех сферах жизни, законодательно утверждённое право гражданина на второй язык; предоставление русскому языку статуса второго государственного»³. Партией также предлагается «объединить усилия ради национального прогресса и процветания». Однако, отсылки к проблеме этнической идентичности в программе партии обнаружить не удалось. Хотя некоторые заявления на эту тему со стороны членов партии всё-таки существуют. В частности, на антифашистском марше, который прошёл 18 мая 2013 года в Киеве и был организован «Партией регионов», с заявлением выступил член партии Александр Ефремов. Он заявил: «Мы категорически осуждаем провокации представителей объединения «Свобода», которые

¹ Вибори народних депутатів 2012 // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/vnd2012/wp300pt001f01=900.html> (дата обращения 15.12.2013)

² От стабильности-к благополучию: Предвыборная программа Партии регионов // Партия регионов. URL: http://partyofregions.ua/program_ru/index.html (дата обращения 15.12.2013)

³ От стабильности-к благополучию: Предвыборная программа Партии регионов // Партия регионов. URL: http://partyofregions.ua/program_ru/index.html (дата обращения 15.12.2013)

сознательно провоцируют противостояние в нашем обществе, сеют вражду и ненависть между представителями разных национальностей и вероисповеданий ... для нас принципиальным является равенство человека по языку, по религиозным убеждениям, по национальным признакам, потому что в этом многообразии - будущее и богатство единой Украины»⁴. Таким образом, позиция «Партии регионов» заключается в поддержке гражданской идентичности украинцев, которая должна преобладать над этнической идентичностью.

Второе место на выборах заняла коалиция «Батьківщина», набравшая 25,54% голосов⁵. Партии удалось одержать победу в 15 регионах страны. В размещённом на сайте «Батьківщини» уставе партии, её позиция по национальному вопросу выражена достаточно чётко. В частности, в уставе указаны такие задачи: «Содействие формирования у населения Украины гражданского сознания, основанного на национальных интересах государства и общечеловеческих ценностях. Содействие консолидации украинского общества, единению национальностей и этнических групп на принципах равенства и братства»⁶. В предвыборной программе партии сказано, что приоритетной целью партии станет «формирование современной украинской нации с неповторимой национальной идентичностью, собственной историей и общим европейским будущим»⁷. Касаемо языковой политики, в программе указано следующее: «Наполним реальным смыслом статус украинского языка как единственного государственного. Создадим условия для свободного развития всех языков, гарантируем права национальных меньшинств в соответствии с европейскими стандартами»⁸. Таким образом, в программе «Батьківщини» прослеживается комбинация гражданской и этнической идентичности, предусмотрена поддержка культурных ценностей непосредственно украинского народа, однако важнейшей идеей по-прежнему остаётся консолидация украинского общества.

Успешно выступило на выборах новое политическое образование — партия УДАР (Ударный Демократический Альянс за Реформы) Виталия Кличко. Партии удалось набрать 13,96% голосов⁹, при этом у УДАРа были хорошие показатели на всей территории Украины, за исключением Крыма, Донецкой и Луганской областей. В уставе партии главной целью обозначено

⁴ Всеукраинский антифашистский марш «В Европу — без фашистов» [Электронный ресурс] // Партия регионов [сайт] URL <http://partyofregions.ua/news/event/5197a8fec4ca42047c00038b> (дата обращения 15.12.2013)

⁵ Вибори народних депутатів 2012 // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/vnd2012/wp300pt001f01=900.html> (дата обращения 15.12.2013)

⁶ Статут Всеукраїнського об'єднання «Батьківщина» // Батьківщина – Київська область [сайт] URL <http://www.batkivschyna-kievobl.com.ua/ru/text/Statut> (дата обращения 15.12.2013)

⁷ Передвиборча програма Всеукраїнського об'єднання «Батьківщина» // Батьківщина – Київська область [сайт] URL <http://www.batkivschynakievobl.com.ua/ru/text/programma> (дата обращения 15.12.2013)

⁸ Там же

⁹ Вибори народних депутатів 2012 // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/vnd2012/wp300pt001f01=900.html> (дата обращения 15.12.2013)

«реформирование украинской государственности и общества на принципах свободы и демократии»¹⁰. В программе партии УДАР чётко изложена позиция, подтверждающая стремление партии сформировать в Украине гражданское общество с украинской гражданской идентичностью. Приведём эту позицию: «Украинское общество до сих пор раздроблено по этническим и языковым критериям. Мы уверены, что только консолидированная страна может быть эффективной и конкурентоспособной в мире. Для этого требуется формирование в Украине гражданской нации. Единственным критерием принадлежности к ней должно быть стремление реализовать себя в общем для всех государстве. Создание гражданской нации требует от каждого из нас рациональных компромиссов во взглядах на прошлое. Оно также требует создание общего видения будущего на основе новых современных ценностей. Мы должны осознать, что цели, которые нас объединяют, важнее, чем исторические мифы и идеологии, которые могут нас разделять. Успех государства в современном мире зависит от уровня доверия между его гражданами, активной взаимопомощи и способности объединяться ради общих интересов»¹¹. Также в программе УДАРа подробно изложена программа взаимодействия с национальными меньшинствами. «Гармоничное социокультурное развитие национальных меньшинств, политика межкультурного диалога, уважение к культурному разнообразию и гарантированные механизмы защиты прав национальных меньшинств, проведение политики общественной интеграции гарантирует развитие толерантности в украинском обществе, повысит уровень социального взаимодействия и обогащения многогранной культуры гражданской нации»¹². Отдельным пунктом программы УДАРа идёт «культурная и языковая политика». Этот раздел является одним из главных для УДАРа (в отличие от других партий, делающих акцент на социально-экономических преобразованиях). Приведём позицию партии по этому вопросу, закреплённую в программе: «В Украине сегодня доминируют представления о том, что сфера культуры является вторичной по отношению к экономике. Но, как показывает опыт, экономика как таковая не способна обеспечить политическое и гражданское единство нации. Лишь национальная самобытная культура является той почвой, на которой формируются, а затем транслируются в будущее общие для всего общества ценности и цели. Эти общие ценности и цели всех граждан Украины, независимо от языковых, культурных, религиозных и других отличий, должны стать основой для формирования единой гражданской нации. Цели, которые нас объединяют,

¹⁰ Статут Партії // Партія УДАР Віталія Кличка. URL: <http://klichko.org/ua/about/statut> (дата обращения 15.12.2013)

¹¹ Програма Партії // Партія УДАР Віталія Кличка. URL <http://klichko.org/ua/about/programma/preambula> (дата обращения 15.12.2013)

¹² Програма Партії // Партія УДАР Віталія Кличка. URL <http://klichko.org/ua/about/programma> (дата обращения 15.12.2013)

важнее, чем исторические мифы и идеологии, которые могут нас разделять»¹³. Таким образом, партия ещё раз подчёркивает важность становления Украины как гражданской нации, которое должно состояться с формированием у украинцев гражданской идентичности или коллективного самосознания.

Четвёртое место с неожиданно высоким результатом 13,18% голосов¹⁴ получила Коммунистическая партия Украины. Партия получила хорошие показатели, прежде всего, на Юге и Востоке страны, а также в некоторых центральных областях. Коммунисты рассматривают украинцев как некую составную часть большого советского народа: «Пролетарский интернационализм, выражающий общие нужды и интересы трудящихся вне зависимости от их национальной принадлежности ... стал основой формирования новой исторической общности — советского народа, составной частью которого был и народ Украины»¹⁵. В связи с этим КПУ ставит перед собой цель объединения, но не украинского народа (как мы наблюдали в программах ряда партий), а нескольких народов (русских, украинцев, белорусов) в единой социалистической державе. «Цель партии — завоевание власти трудящимися, построение в Украине социализма, обновление союза братских народов, объединение их в едином социалистическом союзном государстве. Партия выступает против дискриминации по языковому признаку, за всестороннее развитие украинского языка и культуры, за придание статуса государственного языка русскому языку, который для большей части граждан страны является родным языком или языком повседневного общения, общепринятым языком межнационального общения, за дальнейшее развитие украино-русского двуязычия, которое исторически сложилось в нашей стране. Партия считает необходимым заменить символику Украины, текст и музыку её государственного гимна»¹⁶. То есть фактически КПУ предлагает отказаться от всего украинского и вернуть советский режим, советский народ и советскую культуру. Таким образом, в их программе мы имеем дело уже с политической идентичностью — самосознанием людей, принадлежащих к коммунистической идеологии и советскому обществу.

Пожалуй, наиболее обсуждаемая и критикуемая партия в Украине — Всеукраинское объединение «Свобода». Многими украинскими политиками она воспринимается как фашистская. Тем не менее, партия не только успешно преодолела пятипроцентный барьер и вошла в Верховную Раду, но

¹³ Культурна та мовна політика // Партія УДАР Віталія Кличка. URL: <http://klichko.org/ua/about/programma/kulturna-ta-movna-politika> (дата обращения 05.06.2013)

¹⁴ Вибори народних депутатів 2012 // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/vnd2012/wp300pt001f01=900.html> (дата обращения 15.12.2013)

¹⁵ Програма Комуністичної партії України // Комуністична партія України. URL: <http://www.kpu.ua/programmaкпу/> (дата обращения 15.12.2013)

¹⁶ Там же.

получила 10,44% голосов¹⁷. ВО Свобода победила во Львовской области, получила более 17% голосов в Киеве. Действующая программа партии начинается со слов: «Мы — Украинцы. Мы — в своей, Богом данной стране. Дай нам, Боже, победу, чтобы стать творцами Великой Державы»¹⁸. Уже здесь партия показывает важность этнической принадлежности индивида и рассчитывает на построение национального, украинского государства. «Главной целью ВО Свобода является построение мощного Украинского Государства, базирующееся на принципах социальной и национальной справедливости. Украинское Государство должно занять достойное место среди ведущих стран мира и обеспечит постоянное развитие украинской нации»¹⁹. Далее в программе ВО Свобода обозначены достаточно жёсткие меры, связанные с регламентацией национальности индивида. Так, предлагается «установить в паспорте и свидетельстве о рождении графу «национальность». Определять национальность по свидетельству о рождении или по свидетельству о рождении родителей, учитывая пожелания гражданина Украины»²⁰. То есть человек, мыслящий себя украинцем, но имеющий иную этническую принадлежность, по мнению «свободовцев», не должен считаться украинцем. В этом состоит ключевое отличие между ВО Свобода и остальными украинскими партиями, которые, во-первых, признают право индивида на самоопределение и самосознание, а во-вторых, считают гражданскую идентичность более важной, нежели этническая принадлежность. Однако ВО Свобода фактически стирает грань между гражданской и этнической принадлежностями, предлагая такие меры как «принять новый Закон о гражданстве, согласно которому гражданство будет даваться только тем людям, которые родились в Украине или являются этническими украинцами, вернувшимися из-за границы для постоянного проживания и работы в Украине»²¹. Далее ВО Свобода концентрируется на культурно-языковой политике под лозунгом «Сохранение идентичности и развитие культуры». Партией предлагается «принять Закон «О защите украинского языка». Создать Государственный комитет языковой политики, ответственный за защиту и распространение украинского языка. Регламентировать использование украинского языка в СМИ в соответствии с численностью украинцев — не менее 78% от площади или эфирного времени СМИ. Ввести обязательный экзамен по украинскому языку для государственных служащих и обязать их использовать украинский язык на

¹⁷ Вибори народних депутатів 2012 // Центральна виборча комісія України. URL: <http://www.cvk.gov.ua/vnd2012/wp300pt001f01=900.html> (дата обращения 15.12.2013)

¹⁸ Програма ВО Свобода (чинна) // ВО Свобода. URL http://www.svoboda.org.ua/pro_partiyu/prohrama/ (дата обращения 15.12.2013)

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Програма ВО Свобода (чинна) // ВО Свобода. URL http://www.svoboda.org.ua/pro_partiyu/prohrama/ (дата обращения 15.12.2013)

работе и во время публичных выступлений»²². Также, как и КПУ, ВО Свобода в своей программе обращается к истории. Партия предлагает восстановить историческую справедливость, в частности, «указать в Конституции Украины, что современное Украинское Государство является правопреемником Киевской Руси, Галицко-Волынского княжества, Казацкой Республики периода Гетманщины, Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной Республики и Карпатской Украины и что Независимая Украина образовалась вследствие трёхсотлетней национально-освободительной борьбы украинцев. Признать факт оккупации Украины большевистской Россией в 1918-1991 годах, следствием чего стал беспрецедентный геноцид Украинцев. Разработать и применить государственную просветительскую программу «Правда про геноцид украинцев». Ввести отдельную учебную дисциплину «История геноцида украинцев в XX в.» во всех учебных заведениях. Признать борьбу, которую до конца 50-х годов проводила ОУН и УПА, национально-освободительной борьбой Украинского народа»²³. Все эти позиции, закреплённые в программе ВО Свобода показывают, что для представителей этой партии прошлое важно не меньше, чем будущее. Безусловно, этот подход не столь конструктивен, как идея о консолидации всех граждан Украины. Более того, он несёт в себе опасность ещё большего раскола внутри украинского общества. И тем не менее, исходя из программы ВО Свобода, эту политическую силу нельзя назвать «фашистской» (как утверждают некоторые члены других украинских партий), она придерживается националистической идеологии.

Если подводить краткие итоги, оценивая программы ведущих политических партий Украины, можно разделить их на несколько условных групп по ряду критериев. Вопросы, связанные с идентичностью, интересуют в первую очередь УДАР и ВО Свобода, в меньшей степени — «Батькивщину» и КПУ и практически не затрагиваются «Партией регионов». Причём для ВО Свобода наиболее важна украинская этническая идентичность (осознание себя в первую очередь украинцами), для «Батькивщины» и УДАРа — украинская гражданская идентичность (осознание себя в первую очередь гражданами Украины). КПУ обращается к политической советской идентичности, которая сегодня может быть выражена как осознание украинцами себя частью социалистической сверхдержавы, наподобие Советского Союза. В целом, можно отметить вновь появившийся интерес к вопросам, связанным с идентичностью, со стороны политических партий Украины. Если до этого данный вопрос поднимал исключительно Виктор Ющенко и его партия, то сегодня многие политические силы, так или иначе, затрагивают эту тему в своих программах.

²² Там же.

²³ Програма ВО Свобода (чинна) // ВО Свобода. URL http://www.svoboda.org.ua/pro_partiyu/prohrama/ (дата обращения 15.12.2013)

Это означает, что вопрос украинской идентичности по-прежнему актуален, поэтому в дальнейшем необходимо продолжить работу по этой теме, так как она является перспективной для исследования постсоветской идентичности в современном политическом дискурсе.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ УКРАИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Распад Советского Союза сопровождался всплеском национализма, стремлением к самоидентификации, в том числе со стороны руководства бывших союзных республик. Не стала исключением и Украина. Появившееся украинское государство оказалось расколотым по этнокультурному признаку. В силу этого особенно остро встал вопрос о формировании новой общеукраинской идентичности. Закономерно, что в это время легализовались, легитимировались, проявили устойчивость и способность к расширению социальной базы, к взаимодействию с другими политическими силами националистические организации Украины, использовавшие самоидентификацию государствообразующего украинского народа в качестве политического ресурса, способного повлиять на процесс принятия решений.

Первый президент Украины Л.М. Кравчук, являясь выходцем из советской партноменклатуры, отстаивал идею строительства национального государства, выступал за развитие рыночной экономики и стремился к полной экономической независимости от России. Такая позиция президента получила название «коммунистическо-националистической». Она позволила ему на некоторое время сгладить идеологические противоречия, поскольку политическая система Украины состояла из множества сегментов, ведущих между собой ожесточенную борьбу. Идеологическая позиция президента Кравчука способствовала консолидации политической элиты Украины на начальном этапе строительства государства. Диалоговый процесс согласования решений президента с парламентом специалисты сопоставляют с восточноевропейскими «бархатными» революциями, а альянс экс-коммуниста Л.Кравчука с национально-демократическим движением («Рух») А.В. Кынев сравнивает с восточноевропейскими «круглыми столами»¹. Передача сферы культуры и образования в руки национал-демократов способствовала ускоренному строительству национальной идеологии Украины.

Тем не менее, политика лавирования между национал-демократами НРУ (Народного Руха Украины) и левыми партиями (КПУ, СПУ) в конечном итоге привела к тому, что президент Л.Кравчук не смог опереться ни на одну из существовавших политических сил. «Почти для всех партий Л.Кравчук «проецируется» невыгодным образом. КПУ и СПУ обвиняют в

¹ Кынев А.В. Эффекты «Майдана»: политическая система Украины после кризиса 2004 г. // Полис. 2005. № 1. С. 65.

«бандеровщине», поскольку для них он находится на той же стороне, что УРП (Украинская республиканская партия) и УНА (Украинская национальная ассамблея). Для Руха он слишком «социалистичен», по крайней мере, чересчур связан с силами, представляющими старый режим»², - писал А.К. Толпыго.

Отсутствие поддержки со стороны основных политических сил страны, а также пагубные последствия экономических реформ привели к тому, что Л.Кравчук проиграл досрочные президентские выборы в 1994 году.

Президентом стал Л.Кучма, пришедший к власти с пророссийскими лозунгами. Несмотря на это, Л.Кучма продолжил реализацию идеологических принципов национал-демократов. Пророссийская риторика президента способствовала существенному замедлению воплощения в политике принципов национал-демократов, что получило название тихой, ползучей «украинизации».

Президент стремился не обострять существующие в обществе ценностные противоречия. По мнению В.Середы, «в большинстве своих исторических выступлений Л.Кучма использовал «эффект национальной амнезии», конструируя именно такую модель исторического прошлого, которая способствовала «консолидации нации» благодаря отказу от любых идеологических императивов, а также замалчиванию конфликтных и противоречивых событий»³. В.Середа также отмечает, что «Л. Кучма в своих выступлениях, посвященных Второй мировой войне, полностью игнорировал представления части украинских граждан об украинском подпольном движении ОУН-УПА»⁴. Это, в свою очередь, является основным элементом идеологии украинских националистов.

Таким образом, Л.Кучма стремился представить себя в качестве цементирующего и объединяющего начала между двумя полюсами (националистическим и контрнационалистическим).

Практическое воплощение украинской идеологии вылилось, по мнению политолога А.В.Ципко, «в экспансию этнического самосознания украинцев, существовавшего до распада СССР преимущественно в Галиции, на просторы Восточной Украины, вытесняя старую, советскую, во многом территориальную украинскую идентификацию. Украинизация Украины становится историческим фактом, несмотря на то, что проходит она во многом насильственно, с использованием административного фактора»⁵.

В целом, внутривластная борьба в Украине в 1990-е годы представляла собой соперничество «восточно-украинского» и «западно-

² Толпыго А.К. Украинские политические идеологии // Полис. 1994. № 1. С. 116.

³ Середя В. Исторический дискурс в официальных речах президентов России и Украины. URL: <http://www.polit.ru/analytics/2007/04/05/politdiskurs.html> (дата обращения - 26.08.2013).

⁴ Там же.

⁵ Ципко А. О различиях в процессах формирования новых российской и украинской национальных идентификации. // Полития (весна). 2001. №1. С. 172.

украинского» проектов строительства нации и государства. При этом «восточно-украинский» проект первоначально базировался на коммунистической основе и не был четко оформлен в политическую идеологию, представляя собой в основном меры, направленные против украинизации.

«Западно-украинский» культурно-исторический проект, в условиях краха коммунистической идеологии и порождения ценностно-нормативного вакуума, по мнению украинского политолога М.Б.Погребинского⁶, имел гораздо больше возможностей заполнить освободившуюся идеологическую нишу.

Тем не менее, «украинизация» в эпоху Л.Кучмы проходила замедленными темпами. Даже после переизбрания в 1999 г. на должность президента при поддержке наиболее национально ориентированных жителей Западной Украины, Л.Кучма проводил «многовекторную» политику, сглаживая основные национально-культурные противоречия.

Это вызвало недовольство политикой Л.Кучмы среди радикальных и значительной части умеренных националистов, что нашло воплощение в их активном участии в антикучмовских выступлениях. При этом умеренные националисты успешно применяли и легальные методы борьбы. Придя к власти в результате «Оранжевой революции» новый президент Украины В.Ющенко реализовывал на практике ценностные установки умеренных украинских националистов.

В.Ющенко реанимировал тему преступлений советского режима, приведших, по его мнению, к истреблению значительной части украинского народа. Ранее эта тема широко пропагандировалась лишь среди украинских националистов, но на государственном уровне почти не поднималась. Теперь же в выступлениях официальных лиц муссировалась тема голодомора 1932 – 1933 гг., которая преподносилась в качестве целенаправленной политики Москвы, направленной на уничтожение украинского народа⁷. В.Ющенко уравнил сталинизм и фашизм⁸. По мнению президента, именно коммунистическая Россия была наиболее последовательным врагом Украины и украинцев⁹.

Одной из стратегических задач нового режима стало искоренение символов советского прошлого. В.Ющенко привел следующие данные: «В течение 2007-2008 годов в Украине демонтировано более 400 памятников деятелям коммунистического режима - организаторам Голодомора и политических репрессий 1937-1941 гг. Переименовано более 3 тысяч

⁶ Погребинский М.Б. Украина без Кучмы. Год оранжевой власти. Киев 2007. С. 50.

⁷ Обращение Президента к Украинскому народу по случаю 75-й годовщины Голодомора 1932-1933 годов. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/12121.html> (дата обращения - 04.12.2009).

⁸ Выступление Президента Украины Виктора Ющенко в Быковне в День памяти жертв политических репрессий 17.05.2009. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/13811.html> (дата обращения - 05.12.2009).

⁹ Выступление Президента Украины Виктора Ющенко в Быковне в День памяти жертв политических репрессий 17.05.2009. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/13811.html> (дата обращения - 05.12.2009).

топографических названий, которые носили их имена»¹⁰. Теперь населению страны преподносится иная трактовка советского периода Украины: «В наших городах уже открываются центры, где каждый имеет доступ к актам коммунистического террора»¹¹.

На фоне демонизации советского прошлого происходила героизация воинов УПА, рассматривавшихся в качестве героев, «вставших на борьбу против двух главных врагов – нацизма и коммунистического террора»¹². В знак особого уважения к воинам УПА, В.Ющенко посмертно награбил высшей наградой Украины видного деятеля украинского подполья Романа Шухевича. Одним из последних указов В.Ющенко (после поражения в первом туре президентских выборов) стало скандальное решение о присвоении звания героя Украины руководителю УПА С.Бандере¹³. Данные действия в полной степени соответствовали идеологическим ориентациям украинских националистов.

В.Ющенко сближало с националистами и международное позиционирование Украины в качестве европейской страны. Согласно политологу М.Б.Погребинскому, европейский выбор Украины является «не только политическим, но и цивилизационным проектом»¹⁴, означающим размежевание с Россией.

Избрание на пост президента Украины В.Януковича при поддержке восточных регионов в 2010 году ознаменовало ослабление политики насильственной «украинизации». Тем не менее, новый президент сохранил некоторые тенденции предшествующих лидеров государства. В частности, В.Янукович неоднократно заявлял о том, что «курс на евроинтеграцию является приоритетом внешней политики Украины... политика на сближение с ЕС - основа для национальной платформы стратегического развития украинского государства»¹⁵. Позиция В.Януковича была поддержана украинскими парламентариями, которые сохранили курс на евроинтеграцию в новой редакции закона «Об основах внутренней и внешней политики Украины». В данном документе отмечается, что «парламент (*как и президент-курсив мой*) намерен сохранить в перечне основных направлений госполитики в сфере нацбезопасности стремление к приобретению членства в ЕС при сохранении добрососедских отношений и стратегического партнерства с Россией, другими странами СНГ»¹⁶.

¹⁰ Там же

¹¹ Там же

¹² Президент поздравил ветеранов УПА с 65-летием основания Украинской повстанческой армии 14.10.2007. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/7836.html> (дата обращения - 08.12.2009).

¹³ Указ Президента Украины №46/2010 «О присвоении С.Бандере звания Герой Украины». URL: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/10353.html> (дата обращения - .25.02.2010).

¹⁴ Погребинский М.Б. Украина без Кучмы. Год оранжевой власти. Киев, 2007. С. 52.

¹⁵ Глава украинского правительства заявил, что курс на евроинтеграцию является приоритетом внешней политики. URL: <http://www.telegraf.by/world/2007/09/14/outer/> (Дата обращения: 17.09.2013).

¹⁶ Колосов В.А. Российско-украинские отношения в эпоху интенсивного национального и государственного строительства // Полития (весна). 2001. № 1.

Таким образом, после распада СССР, в связи с крушением советской политической системы, кризисом коммунистической идеологии именно взгляды украинских националистов стали доминировать в политическом пространстве Украины. Либерально-националистические принципы послужили основой для строительства новой украинской идентичности. Ключевыми принципами являются: прозападная внешнеполитическая ориентация, вытеснение русского языка и русской культуры из сферы образования и кинематографа, акцентирование внимания на украинской самобытности и «европейскости», формирование новых национальных героев, мифологизация истории и декоммунизация. Ускоренное внедрение этих принципов было наиболее характерно для периода президентства В.Ющенко. Избрание на пост президента В.Януковича привело к ослаблению указанных тенденций и их корректировке (в частности, В.Янукович отказался от планов вступления Украины в НАТО, что было одним из приоритетных направлений внешней политики В.Ющенко).

Из этого следует, что в современной Украине национально-либеральный проект по-прежнему претендует на статус официальной идеологии. Предложение серьезной альтернативы данному проекту является острой политической проблемой. Формирование украинской идентичности не завершено, вектор дальнейшего развития политического процесса Украины еще не четко определен.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ, СЛИШКОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ: ДИВЕРГЕНЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ВНУТРИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛДАВИИ¹

Постсоветское пространство является полем для разнообразных экспериментов с построением тех или иных проектов идентичности. Эти проекты не вписываются четко в национальные границы, соперничая иногда внутри одного и того же государства. Постсоветская Молдавия является этому хорошим примером: линии раздела пролегают здесь, во-первых, между собственно Республикой Молдова и Приднестровьем, которое с 1991 года существует как автономное сепаратистское образование. И, во-вторых, в самой Республике Молдова в последние годы лишь усиливается поляризация между различными политическими силами, которые условно можно дифференцировать на «европеистов» и «изоляционистов». Спор «румынофилов», выступающих за слияние Молдовы с Румынией, и «молдавенистов», отстаивающих молдавскую государственность, в значительной степени маргинализировался, хотя и не ушел полностью в прошлое².

В настоящей статье особое внимание будет уделено идеологическим элементам, которые содержатся в конструктах идентичности в современной Молдавии и которые связаны с противостоянием Кишинева и Тирасполя. Именно наличие идеологем лишает эти политические проекты идентичности инклюзивности, делает маловероятным их сосуществование в рамках одного стабильно функционирующего общественно-политического механизма.

Приднестровский фактор в молдавской политике

После «Меморандума Козака» 2003 года, когда Россия в одностороннем порядке попыталась разрешить приднестровский вопрос, оба берега Днестра вот уже десять лет лишь стремительно удаляются друг от друга. Как в Кишиневе, так и в Тирасполе на политическом уровне доминирует нежелание идти на серьезный компромисс в процессе урегулирования, а также взаимная отстраненность и культивирование стереотипов.

На правом берегу приднестровский вопрос окружен многочисленными табу. Во-первых, любые обсуждения политического урегулирования за пределами автономии для Приднестровья наталкиваются на разговоры о возможности «приднестровизации» Молдовы. Под этим понимается угроза

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-33-01201.

² Девятков А.В. Днестровский узел: перед новым витком? // Пути к миру и безопасности. 2013. №1. С. 52.

того, что если Приднестровье получит серьезные полномочия в условиях федеративного решения конфликта, то Молдова утратит возможность преследовать цели европейской интеграции и оставаться функциональным государством. Это еще раз недавно подчеркнул в своей речи перед Генеральной Ассамблеей ООН премьер-министр Молдовы Ю. Лянкэ³. В связи с этим никто серьезно не ставит под сомнение адекватность закона от 2005 года, в рамках которого «восточным районам Левобережья» предлагалась автономия в соответствии с нынешней конституцией Республики Молдова. В этих условиях прагматический курс в отношении Приднестровья, сопровождающийся определенными уступками, готовностью двигаться в сторону федеративного решения, крайне рискован для любого молдавского политика.

Некоторое пространство для этого курса в Молдове появляется лишь в связи с позицией Европейского Союза, который через официальные и неофициальные каналы дает понять молдавской элите, что кипрский вариант разрешения конфликта со вступлением одной части государства в ЕС и маргинализацией другой части в случае с Молдовой не должен повториться. Тем не менее, приоритет в Молдове отдается идее национальной консолидации и единства при готовности предоставить серьезные политические, социально-экономические права жителям и предприятиям Левобережья, но не каким-либо приднестровским властным структурам.

Сам взгляд на причины приднестровского конфликта остается в Молдове полем для консервации различных идеологем. Прежде всего, речь идет о том, что в Молдове основную вину за развязывание конфликта и поддержание статус-кво после 1992 года возлагают на Россию. Общепринятым является следующий тезис: «Проевропейская ориентация внешней политики Республики Молдова в первый год независимости и намерения ее руководства быть на равных в СНГ явно раздражало Москву, которая решила прибегнуть к «наказанию» этой “мятежной республики”»⁴. Имеется в виду, что создание Приднестровской республики было проявлением неоимперской политики Москвы. Молдавский дискурс практически не рассматривает внутренние причины конфликта, ошибки молдавского правительства, допущенные в 1989-1992 гг., особенность тогдашней общественно-политической ситуации как в Молдове, так и самой России. Основной упор делается именно на внешний фактор, значение которого в итоге гиперболизируется. Симптоматичным является тот факт, что непосредственные участники событий, находившиеся в начале 90-х гг. у власти в Молдове (М. Снегур, И. Костах и др.), в своих мемуарах пытаются свалить вину за неэффективные решения друга на друга.

³ Statement by H.E. Mr. Iurie Leanca Prime-Minister of the Republic of Moldova at General Debate of Sixty Eight Session of the UN General Assembly. New York, 26 September 2013. P. 5.

⁴ История румын и всеобщая история. Пособие для сдачи экзаменов за гимназический курс. Кишинев: Civitas, 2013. С. 135.

Таким образом, историческая память в современной Молдове формируется через отсечение значительного событийного пласта, а критическое, «умеренное» переосмысление истории не допускается. Это отражает факт наличия серьезной исторической травмы, в контексте сначала советской, а затем и постсоветской «оккупации» (именно так трактуется нахождение войск и военных arsenалов России на Левобережье).

Тем не менее, фактор Приднестровья в современной молдавской политике практически отсутствует. Для молдавского политического сознания этот фактор имеет скорее символическое, нежели практическое значение. Факт существования Приднестровья воспринимается как символ национального унижения на фоне политики России в отношении Молдовы. В свете этого Молдова не готова «отказаться» от Приднестровья в долгосрочной перспективе, так как в противном случае это бы означало для нее подтверждение собственного статуса failed state. Румынофильская, унионистская позиция о приемлемости отказа от Приднестровья в пользу идеи объединения с Румынией не пользуется серьезной популярностью. Наоборот, приход в регион Европейского Союза видится как средство для разрешения геополитических проблем суверенной Молдовы.

Приднестровье: политика отрицания Другого

Приднестровский проект идентичности строится в основном на оппозиции молдавскому проекту. Даже на примере лидера молдавских коммунистов и президента Молдовы в 2001-2009 гг. В. Воронина, который риторически был открыт Приднестровью, но на практике ввел против левого берега всевозможные санкции и ограничения, приднестровские элиты, политические и экономические, ощущают непредсказуемость, отсутствие каких-либо серьезных гарантий для себя в случае, если будет достигнут тот или иной вариант урегулирования. Данные опасения разделяет большинство элиты в Тирасполе вне зависимости от политических пристрастий и внутренних противоборств.

Для населения эта угроза представляется в основном под видом «румынизации». Излюбленными пропагандистскими фигурами в Приднестровье являются президент Румынии Т. Бэсеску и лидер молдавской Либеральной партии М. Гимпу. Любые декларативные заявления в молдаво-румынских отношениях интерпретируются на левом берегу как свершившиеся факты на пути к историческому воссоединению Молдовы и Румынии. Румынизация же на социальном уровне воспринимается прежде всего как искусственно навязанная билингвальность (с необходимостью учить молдавский язык).

Позитивных же элементов приднестровской идентичности немного, и среди большей части населения до сих пор отсутствует восприятие Приднестровья как завершенного политического проекта. Именно в условиях международной изоляции у Приднестровья недостаточно собственных

социально-экономических и культурных оснований для самостоятельности, и граждане в большей степени ассоциируют себя с российским, украинским и молдавским социумом. Интересен, в частности, факт существования в Тирасполе «румынских школ», которые несмотря на сложные отношения с властями, всегда наполнены учениками. Это отражает запрос, прежде всего, со стороны молдавской общины, на получение для детей образования по современным молдавским стандартам. Также приднестровское законодательство официально разрешает жителям региона получать иностранное гражданство (чем пользуются почти все жители региона), что опять-таки не может не иметь серьезных последствий в плане идентичности.

Факт непризнанности, в т.ч. со стороны России, серьезным образом подрывает «приднестровскую идею». Надежды на признание Россией были искусственно завышены в 2006 г. (в связи с проведение референдума), в 2008 г. (после признания Абхазии и Южной Осетии). Сегодня же на официальном уровне лишь осторожно говорят о такой перспективе, не желая давать населению каких-либо обещаний.

Тем не менее, единство приднестровских элит в их опасениях по поводу собственного будущего в рамках объединенной Молдовы, латентное нежелание русскоязычного большинства адаптироваться в перспективе к молдавскому законодательству о языке, двадцать лет раздельного существования поддерживают приднестровский проект как проект сильной территориальной идентичности. Это объективно сложившийся факт, который сложно будет не учитывать в каких-либо политических раскладах по конфликтному урегулированию.

Попытка выйти за рамки сложившейся интерпретации была предпринята в связи с приходом Е. Шевчука на пост президента Приднестровья в конце 2011 года. Приднестровский дискурс стал в значительной степени прагматичным, в т.ч. в отношении Молдовы. Вызвано это было возрастающим пониманием того факта, что приднестровская экономика исчерпала свой ресурс самодостаточности⁵: с 2008 года полностью прекратились выплаты за российский газ, многие заводы простаивали или резко сократили выпуск продукции, бюджетный дефицит достиг сегодня 70%. В связи с прорывом приднестровского «обновленческого» дискурса можно даже провести параллели с появлением медведевского дискурса модернизации, который также стремился деполитизировать публичное пространство и направить общество на решение прагматических задач.

Но данная возможность так и не была полностью реализована по нескольким причинам: во-первых, политический кризис в Молдове окончательно положил конец иллюзиям по поводу того, что «с Кишиневом

⁵ Обсуждение бюджета в парламенте. "Сегодня Приднестровье как субъект динамичного развития практически отсутствует", - Евгений Шевчук. URL: eshevchuk.ru/ru/content/obsuzhdenie-byudzhet-a-v-parlamente-segodnya-pridnestrove-kak-subekt-dinamichnogo-razvitiya-p

можно договориться». Среди прочего, разочарованием стал для Тирасполя тот факт, что в ответ на аналогичный приднестровский жест Кишинев так и не отменил заградительные пошлины для приднестровских товаров. А уход с премьерского поста сильной фигуры В. Филата окончательно делает любые договоренности с Кишиневом крайне рискованными.

Не меньшую роль сыграла здесь позиция внешних акторов. Россия в лице Д. Рогозина, спецпредставителя президента России по Приднестровью, и А. Губарева, представителя российского МИД, ясно дала понять приднестровскому руководству, что какие-либо эксперименты в переговорах с Молдовой, готовящейся к подписанию Соглашения об Ассоциации с ЕС, вряд ли уместны. Трансляция такого меседжа идет не только через официальные каналы, но и через российские экспертные организации и Русскую православную церковь. Так, патриарх Кирилл, прибыв с визитом в Тирасполь 9 сентября 2013 г., обратился к «многонациональному народу Приднестровья» с призывом хранить православную веру, память о Великой Отечественной войне, роли А.В. Суворова даже в условиях социально-экономических трудностей, через которые проходит Приднестровье сегодня⁶.

Европейский Союз со своей стороны долгое время пытался убедить и вовлечь приднестровскую сторону в процесс сближения с Молдовой и самим ЕС, но завершается эта попытка сегодня скорее политикой принуждения. Брюссель должен подписать в конце ноября этого года соглашение о создании углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли с Молдовой (ДСФТА), и без участия в этом режиме Приднестровье фактически утратит доступ на европейские рынки для своей текстильной, обувной и металлопродукции. Ш. Фюле, еврокомиссар по расширению и политике соседства, уже открыто признал, что «зона свободной торговли – это хорошее основание для объединения страны, которая понимает свои интересы»⁷. Приднестровье воспринимает это как насильственное вталкивание в единое государство, где политические решения будут приниматься в Кишиневе и Брюсселе при минимальном участии Тирасполя.

В связи с этими факторами проевропейскому курсу Молдовы Приднестровье противопоставляет курс на евразийскую интеграцию. Во многом это – политическая декларация, перспективы реализации которой в связи со сближением Киева и Кишинева с ЕС и отсутствием у Приднестровья общей границы с Россией пока представляются туманными. Со стороны Приднестровья продолжает существовать запрос на активные действия России в регионе (особенно в связи с приближением Вильнюсского саммита),

⁶ "Особая земля Приднестровье": полный текст обращения патриарха Кирилла к приднестровцам. URL: regnum.ru/news/1705324.html

⁷ Ștefan Füle: Citizens of Moldova to enjoy lower prices and better quality products once the AA is signed/INTERVIEW. URL: <http://politicom.moldova.org/news/tefan-fle-citizens-of-moldova-to-enjoy-lower-prices-and-better-quality-products-once-the-aa-is-signedinterview-239291-eng.html>

а доверие к Молдове и Европейскому Союзу поддерживается на крайне низком уровне.

Таким образом, в доминирующих конструктах молдавской и приднестровской идентичности присутствуют взаимоисключающие, идеологически окрашенные бинарные оппозиции «поддерживаемые неоимперской Россией сепаратисты – бессарабские румынизаторы» и «европейская интеграция – евразийская интеграция». Эти симметричные оппозиции охватывают как внутривнутриполитическое пространство, так и внешних игроков и формируют сильный запрос на их участие в судьбе молдавского государства.

Данные идеологические конструкты пока не в полной мере структурируют социальную реальность, являясь в большей степени виртуальными. Разнообразие социальных контактов между двумя берегами велико, и оно доходит до того, что бывший топ-менеджер приднестровской бизнес-группы «Шериф» занимает пост главы компании-оператора молдавских железных дорог, а большое количество ежедневно перемещающихся через де-факто границу Приднестровья и Республики Молдова граждан с разными паспортами как минимум визуально не уменьшается. Тем не менее, с ужесточением геополитического противостояния вокруг Молдовы возможны разные сценарии, в т.ч. триумф идеологических конструктов.

РАЗДЕЛ III. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.Т. Сакаев,
Набережночелнинский институт
Казанского федерального университета

ДЕМОГРАФИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ

Демографические процессы являются фактором, влияющим на многие социально-политические процессы, в том числе и на идентификационные процессы. Постсоветская идентичность в значительной степени определяется состоянием демографической сферы России. Автор попытается описать ряд примеров, где, на его взгляд, демографические процессы оказывают влияние на формирование идентичности.

Первый пример: сокращение численности населения России приведет к утрате самоидентификации как «великой державы». В 1960 г. Россия занимала 4-е место в мире по численности населения, а к 2008 г. – 8-е место¹. Перепись 2010 г. зафиксировала сокращение население РФ с 2002 г. на 1,6%². Тенденция к депопуляции сохранится и в течение XXI в. По прогнозам ООН, численность населения России к концу века упадет до уровня 111,1 млн. чел.³. В таком случае, РФ по численности населения окажется позади нескольких десятков стран мира. Учитывая, что российский обыватель воспринимает сферу политического через образы, на фоне миллиардного населения соседнего Китая, внешнеполитические амбиции России сильно «бледнеют». Для России депопуляция особенно опасна, так как согласно низкому варианту прогноза к 2100 г. плотность населения сократится с 8 до 4 человек на кв. км, а часть территории превратится в безлюдное пространство. Депопуляция приведет к утрате имперских амбиций населением РФ и российскому обществу придется смириться с тем, что Россия в лучшем случае лишь региональная держава.

Пример второй: сокращение численности русских в РФ тормозит развитие российской идентичности. В 1989 г. в РСФСР проживало 119,9 млн. русских. В 1989-2010 гг. доля русских в России сократилась с 81,5% до 77,0%⁴. Очевидно, что эта тенденция продолжится, учитывая высокие показатели смертности и низкие показатели рождаемости русских

¹ Источник: Demographic Yearbook 2008. United Nations.

² Информационные материалы о предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1404.htm

³ Прогноз численности населения на 2025, 2050, 2075 и 2100 гг. (тысяч человек). URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app4035.php>

⁴ Подсчитано по: Богоявленский Д. Перепись 2010: этнический срез. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema03.php>

относительно других коренных народов России и с учетом особенностей иммиграционных процессов. Эта демографическая тенденция формирует идентификацию русских как вымирающего этноса, что подрывает оптимистичный взгляд на развитие российской государственности, в котором ведущая роль отведена русскому народу.

Пример третий: сокращение численности населения в азиатской части страны ведет к утрате россиянами евразийской идентификации.

В 1989 г. в азиатской части России проживали 21,8% населения страны⁵. На 2010 г. в Сибирском ФО проживает 19,2 млн. чел. (13,5%), а в Дальневосточном ФО – 6,3 млн. чел. (4,4%)⁶. Причем в 2002 - 2010 гг. население в Сибирском ФО сократилось – на 4,0%, в Дальневосточном ФО – на 6,0%, при том, что в целом по РФ численность населения сократилась лишь на 1,6%. В ряде регионов России ситуация близка к катастрофической (население Камчатской и Магаданской областей сократилось на 10%, Амурской и Сахалинской областей – на 8%). Дальнейшее сокращение численности населения азиатской части России будет формировать в обществе стереотип о неизбежной утрате этих территорий в XXI в., который отразится в национально-государственной идентичности россиян. Например, это может привести к утрате российской политической элитой «евразийской» идентификации, а этот концепт является в значительной мере основополагающим для современной российской государственности (так, двухглавый орел на государственном гербе РФ означает единство Запада и Востока).

Пример четвертый: изменение доли сельского населения влияет на формирование национально-государственной и региональной идентичностей.

По данным социологического исследования, региональная политическая идентичность в большей степени развита у сельских жителей (40% опрошенных соотносят себя с регионом и лишь 22% опрошенных – со страной), в то время как жители обеих столиц (44% опрошенных) и городов с населением свыше 1 млн. человек (35% опрошенных) в первую очередь идентифицируют себя с Российской Федерацией⁷. Поэтому, сокращение численности сельского населения РФ в 2002-2010 гг. с 26,7% до 26,3% должно оказать позитивное влияние на укрепление общероссийской идентичности. Тем более, что реально численность сельчан сократилась более существенно, и компенсировало её лишь преобразование в 2002-2010 гг. 413 поселков городского типа в сельские населенные пункты. Численность же городского населения, проживающего в столицах и городах с населением свыше 1 млн. человек сохранилась в 2010 г. на уровне 2002 г. –

⁵ Население России 2006 / Отв. ред. А.Г. Вишневецкий. М.: Изд. дом. ГУ ВШЭ, 2008. С. 20

⁶ Информационные материалы о предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1404.htm

⁷ См.: Баранов А.В. Акторы региональных политических процессов в постсоветской России. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. С. 260

40%.⁸ Но, в разрезе федеральных округов, ситуации не так радужна: в 2002-2010 гг. Южный, Уральский и Дальневосточный ФО наоборот продемонстрировали увеличение доли сельского населения. При этом, наибольшая доля сельского населения наблюдается в национально-территориальных образованиях⁹. С учетом того, что в них, региональная идентичность усиливается собственной этнической идентичностью, этот фактор будет важным препятствием для укрепления гражданской идентичности в стране.

Пример пятый: увеличение численности мусульман, вследствие высокой рождаемости и миграции, отразится на формировании общероссийской идентичности. По данным В.Я. Белокреницкого, доля мусульман в РФ в 1989-2002 гг. увеличилась с 8% до 10%¹⁰. Итоги переписи населения 2010 г. подтвердили динамику увеличения численности и доли мусульман в РФ. Вместе с не указавшими национальности при переписи и 4-5 млн. мусульман, не являющихся гражданами РФ, общая численность последователей ислама может достигать 20 млн. чел., а к середине XXI в. они будут составлять до 1/3 населения России¹¹. В XXI в. численность мусульман продолжит расти в силу более высоких показателей рождаемости в регионах, население которых исповедует ислам (Чечня, Дагестан), и в связи с миграционными потоками из стран Средней Азии. Следует ожидать, что национально-конфессиональный состав РФ в XXI в. сильно изменится, а в идентичности россиян усилится компонента, которая характеризует их как многонациональный и многоконфессиональный народ, иными словами будет размываться «русская основа нации». Изменится политическая идентификация российских мусульман, которые увидят в своем лице вторую по численности группу и одну из основ российской государственности. Увеличение доли мусульман найдет свое выражение в постепенном изменении состава российских политических элит и в усилении ориентации на страны растущей мусульманской цивилизации. Все это может привести к формированию новой идентификации России как «евроисламского государства», как моста между христианским и мусульманским миром и стать фундаментом для формирования новой общероссийской идентичности.

Пример шестой: миграционный прирост влияет на политическую идентичность россиян. По прогнозам Росстата численность трудоспособного населения РФ сократится к 2030 г. как минимум на 11,02

⁸ Информационные материалы о предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1404.htm

⁹ Там же

¹⁰ Белокреницкий В.Я. Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Евразийские исследования. 2008. № 2. С. 19

¹¹ Там же. С. 20, 22

млн. чел.¹². Прогноз предсказывает, что к 2050 г. число россиян в трудоспособном возрасте может оказаться на 45% меньше, чем в 2000 г.¹³. Основным источником компенсации трудовых ресурсов станет миграция. В 2002-2010 гг. миграционный прирост РФ составил в среднем более 360 тыс. чел. ежегодно¹⁴. Миграционные потоки, в которых преобладают представители неславянских культур, провоцируют в российском обществе рост ксенофобии, что подрывает социально-политическую стабильность, угрожает российской государственности и тормозит формирование национально-государственной идентичности. По мнению А.Г. Вишневого, к середине XXI в. мигранты и их потомки могут составлять свыше 1/3 населения страны, а к концу века потомки сегодняшних россиян окажутся в меньшинстве¹⁵. В этих условиях отторжение этнически и культурно чуждых мигрантов приведет к серьезным социально-политическим конфликтам. Если мигранты не будут включены в российское общество, они начнут воспроизводить собственную политическую идентичность, связывая и идентифицируя себя со страной исхода. Трудно представить перспективы российской государственности, если 1/3 населения страны не будет идентифицировать себя «россиянами».

Конечно, процессы политической идентификации чрезвычайно сложны и многообразны, их невозможно свести к определенной схеме, но, приведенные выше примеры, позволяют утверждать, что демографические процессы являются важным фактором формирования идентичности российского общества.

¹² Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc_11400955258

12

¹³ Вишневский А. Альтернативы миграционной стратегии. URL: <http://polit.ru/article/2004/12/23/vishnevsky/>

¹⁴ Информационные материалы о предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1404.htm

¹⁵ Вишневский А. Альтернативы миграционной стратегии // По материалам сайта ПОЛИТ.РУ. URL: <http://polit.ru/article/2004/12/23/vishnevsky/>

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СОЗНАНИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА¹

Социальное самочувствие – это комплексная характеристика восприятия личностью окружающей действительности, реализации жизненных целей и перспектив развития в изменяющейся социокультурной среде. Социальное самочувствие – интегральная характеристика удовлетворенности или неудовлетворенности человека своим социальным положением, индикатор настроений и ориентаций.

Социальное самочувствие проявляется как целостная, относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности. Оно "выступает результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни", "вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения и самореализации". Подобный подход представляется нам позитивным поскольку социальное самочувствие не только рассматривается как эмоционально-психологическая реакция личности (социальной группы) на условия жизнедеятельности, но и подчеркивается активность субъекта, его самореализация, самоутверждение. Созвучно с этим и аксиологическое, социокультурное понимание социального самочувствия, когда подчеркивается, что оно во многом зависит от степени соответствия системы ценностей человека, его внутренней картины мира и места в нем тем требованиям и возможностям, которые предъявляет и предоставляет ему общество. Социальное самочувствие является обобщенным индикатором реакции населения на социальные преобразования.

Особо хотелось бы подчеркнуть разницу в научном осмыслении и повседневном понимании социального самочувствия. Первое опирается на условия и возможности социальной политики государства, исторические и культурные условия его развития. Второе базируется на внутреннем субъективном чувстве людей, живущих в той или иной стране и оценивающих безопасность не как статистическую величину, отраженную в различных формальных показателях, а как личное пространство безопасности, зачастую не имеющее ничего общего со статистикой, государственными отчетами или данными международных организаций.

¹ Статья написана в рамках гранта Президента РФ МК-480.2013.6 "Эмпатия в конструировании социальной идентичности: гендерные аспекты" (Руководитель - О.А. Полюшкевич).

В этой связи встает вопрос об условиях реализации экономической интеграции в рамках нестабильного, а порой и негативного социального самочувствия. Интеграция всегда предполагает какие-то определенные цели, которые должны стать определяющими в процессе объединения людей на новом пространстве.

Экономическая интеграция на постсоветском пространстве рассматривается как инструмент достижения более быстрых темпов экономического роста. Эффекты региональной экономии на масштабе и сокращение транспортных издержек могут генерировать динамические эффекты, которые усиливают темпы экономического роста. С другой стороны, регионализм расценивался как средство сохранения политического контроля над процессами глобализации в экономической сфере, которые ослабили степень влияния национальных инструментов экономической политики.

Экономическая интеграция на постсоветском пространстве неоднозначна, а порой и противоречива. Причиной тому множество факторов, как политического, так и психологического толка. Экономика, как известно, результат политики и психологии; общественных стереотипов и индивидуальных стратегий адаптации к меняющимся условиям.

Социальное самочувствие в переходные моменты истории особо важно. Оно формируется с разных сторон: с одной стороны – это результат давления "сверху", через изменение социально-политических условий функционирования общества, где индивид вынужден адаптироваться к новым условиям, вырабатывая ранее не присущие ему черты и способности; с другой стороны – это результат личностного изменения, который формируется через различные системы социализации: 1. Культурно заданные (семью, друзей, коллег – традиционные схемы и системы взаимодействия); 2. Жизненно обоснованные (способы и средства работы, формы проявления сексуальности, мужественности или женственности, критерии успешности или не успешности – все то, что важно и оцениваемо здесь и сейчас); 3. Это также результат индивидуально-личностного переосмысления как социальных условий, в которых находятся все граждане, так и индивидуальных способностей, возможностей и реальных шансов адаптироваться в мире конкретных людей². Результатом взаимодействия этих процессов являются формируемые обществом и личностью социальные представления о безопасности. В разных странах чувство безопасности базируется на различных основаниях.

Шансы возникновения внутригрупповой интеграции резко возрастают в ситуации реальных или потенциальных *неблагоприятных обстоятельств*, в которых оказалась или может оказаться группа. Оговорка про

² Полюшкевич О. А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социологические исследования. 2012. №12. С. 66.

потенциальное ухудшение весьма важна: группа может консолидироваться уже на основе *угрозы* своему благополучию, а не только ее исполнения. Если действия социального окружения, какую бы природу они не имели (социальную, политическую, экономическую), оцениваются в терминах возможного или реального ухудшения группового положения, то возникающее ситуативное родство создает возможность интеграции³.

Между тем ущербное положение или угроза благополучию социальных групп не означает автоматическую солидарность их членов. Важно *осознание общих оснований* своих подлинных или мнимых несчастий. Она возникает между людьми, чьи несчастья имеют единую природу, точнее, осмысливаются ими как таковые. Придание социальному дискомфорту статуса социальной проблемы предстает результатом определенного направления общественного дискурса. Сам факт артикуляции оной не мыслим без публичных деклараций ее причин и способов разрешения.

Претензии к общественному устройству открывают дорогу *поиску “виновных”*, что обретает решающее значение в формировании интеграционных установок. Иными словами, для возникновения солидарности недостаточно наличия социально успешных и социально ущербных. Ключевую роль играет представление, что между успехом этих и несчастьем тех существует причинно-следственная связь: одним плохо именно потому, что другим хорошо. Возложение вины ведет к размежеванию социума на “мы” и “они”, порождает эффект групповых согласия и единства как средства защиты “нас” от “них”. Но поскольку сообщество “нас” оказывается скорее воображаемым, не скрепленным личными контактами и эмоциональной привязанностью, то необходим “корпус активистов” (терминология З. Баумана), навязывающих реальности образ единого, слаженного и гармоничного образования единомышленников⁴.

Социальные трансформации изменили реальные условия и представления о том, что значит “жить хорошо”, что такое “достаток”, что такое “обеспеченность”, кардинально изменились представления о “процветании страны” и “процветании отдельных семей” и т.д. Особенно если сравнивать уровень и качество жизни на территории постсоветских государств.

В эпоху глобализации среди преимуществ экономической интеграции бывших стран СССР можно выделить рост масштабов производства; увеличение размеров рынка; повышение производительности труда вследствие возрастающей конкуренции между странами; обеспечение

³ Например, лозунги, призывавшие пролетариат объединиться, апеллировали к его нищете, несправедливости, т.е. делали акцент на трагичности сложившегося положения. Контр субъект – буржуазия – была олицетворением благополучия. Естественно, борьба рабочего класса, нацеленная на передел отношений собственности и власти, создавая потенциальную угрозу для буржуа, сформировала условия для солидаризации в их среде.

⁴ Такое навязывание... для того чтобы быть эффективным, нуждается в постоянном, дисциплинированном и обеспеченном ресурсами корпусе активистов (своего рода профессиональных ораторов для сообщества), чья деятельность облакает плотью воображаемое единство интересов и верований”

лучших условий труда; рост эффективности в результате распространения технологических и управленческих ноу-хау; улучшение инфраструктуры. Все это в итоге должно содействовать экономическому росту и повышению уровня жизни населения.

Многие исследования показывают, что жители Таджикистана, Узбекистана и Киргизии – хотели бы интеграции с бывшими "братскими республиками". Сильны интеграционные настроения и в Армении, Белоруссии, Молдавии. Это показали результаты исследования "Интеграционный барометр ЕАБР", проведенного в 2012 г. (всего было опрошено более 13 тысяч человек в 10 странах СНГ и Грузии)⁵. Но далеко не все однозначно в самой России.

Наше исследование имело целью изучение оценки социально-экономической консолидации постсоветских государств. В данной статье будет затронут только один аспект этого исследования, а именно процесс оценки экономической интеграции в сознании людей, живущих на постсоветском пространстве.

Исследование проходило в несколько этапов на протяжении 2012-2013 гг.: анкетирование (2500 человек), экспертный опрос представителей власти, бизнеса, НКО (55 человек), дискурсивный контент-анализ интервью.

Первая особенность восприятия экономической интеграции с бывшими странами СССР, базируется на межгрупповой противоречивости. Раскол прослеживается у представителей различных социальных групп, чем выше социальный и профессиональный статус, тем больше ожиданий от интеграции, чем ниже социальный статус, тем больше опасений с процессами интеграции ожидаются. Например, Россия, Казахстан и Беларусь выступают локомотивами интеграции, но их жители в большинстве своем скорее ратуют за независимость, чем за создание альтернативного Советскому Союзу альянса. Это может быть чревато усилением протестных настроений, как это происходит в Евросоюзе.

Вторая особенность – отстраненность восприятия. За последние 30 лет – в массовом сознании происходит все большее разотождествление власти и народа, это приводит к тому, что на обыденном уровне, население не идентифицирует себя с правительством (*"Власть живет своими законами, мы своими", "Что наверху решат, нас не касается, мы выживаем сами и рассчитываем только на себя"*). Оценивая перспективы интеграции – представители бизнеса и власти говорят об "эффектах", "рисках", "перспективах", "возможностях", т.е. оценивают социально-экономические возможности, выгодные для всех или отдельных участников. Обыватели, рассуждая о перспективах интеграции, говорят о *"новых налогах"*, о *"распределении денег наверху"*, о *"населении, которое ничего не"*

⁵ Интеграционный барометр ЕАБР // Евразийский банк развития. URL: <http://www.eabr.org/general/upload/reports/doklintbarom.pdf> (дата доступа 02.09.2013)

приобретет" и т.д. Иными словами, дискурсивный анализ показывает разные взгляды и разные оценки одного процесса. Идеалы и идола⁶ меняются местами и то, что важно для одних социальных групп, нивелировано для других (зачастую искусственно).

Третья особенность – противоречия центра и периферии. Жители Москвы и Санкт-Петербурга более благосклонно оценивают интеграцию со странами СНГ, нежели чем жители периферии (*"Москвичам достанется развитие и сотрудничество, а нам ляжку тянуть на себе"*, *"Что Таджикистан, что Сибирь – разница не велика, – это все наши территории"*).

Выделенные нами особенности оценки экономической интеграции постсоветского пространства показывают внутренние противоречия и раздробленность. Основными психологическими проблемами современного российского общества являются: массовое чувство социальной несправедливости, социальной и физической незащищенности, неуверенности в завтрашнем дне; утрата смысла жизни и жизненных перспектив (одна из главных причин самоубийств); широкая распространенность тревожности, депрессий, страхов, фобий, посттравматического синдрома; аномия (разрушение традиционных ценностей); атарксия (апатия и безразличие к происходящему); повышенная агрессивность; нравственная деградация; криминализация массового сознания; брутализация (ужесточение социальной жизни); кризис идентичности; конфликт поколений; понимание свободы как вседозволенности и др. Без внутреннего единства понимания целей и средств экономической интеграции невозможно прийти к стабильному консолидированному развитию всех стран. Пока будет раздробленность и противоречия в массовом сознании граждан, до тех пор не утихнут споры в правомерности консолидационных процессов.

В настоящее время существует острая необходимость расширения основных ориентиров развития России, которые на первых этапах реформ носили исключительно экономический характер (рост ВВП, укрепление рубля, обуздание инфляции и др.), уделения большего внимания социальной сфере и психологическому состоянию общества. Для радикального улучшения этого состояния необходимо не только решение экономических проблем, но и устранение огромных диспропорций в уровне доходов, декриминализация, возрождение нравственности с помощью таких мер, как восстановление институтов морального контроля, "экстернализация морали" посредством придания основополагающим нравственным нормам статуса законов и т. д.

В заключении стоит отметить, что интеграционные процессы являются многомерным и сложным явлением. Солидарность не рождается из *борьбы*,

⁶ Полюшкевич О.А. Идеалы и идола свободы // Социально-гуманитарные знания. 2011. №4. С. 232-242.

она рождается из *внутреннего понимания* ее необходимости. Экономическая интеграция – это лишь один штрих к общему процессу социальной консолидации. Позитивное социальное самочувствие – одно из условий экономической интеграции общества в постсоветском пространстве.

РОДИТЕЛЬСКИЕ РОЛИ И ИДЕНТИЧНОСТИ В УКРАИНСКИХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЬЯХ: ЭФФЕКТ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Целью данной работы является анализ влияния трудовой миграции на родительские роли и идентичности членов семей украинских матерей-мигранток. Выводы работы основываются на результатах полевого исследования, охватившего 25 экспертных интервью, 41 полуформализованных интервью и 2 обсуждения в фокус-группах с мигрантами, членами ТС и неформальных мигрантских социальных сетей.

Влияние трудовой миграции на родительские роли и идентичности матерей-мигранток

Вынужденная разлука с детьми заставляет мигранток выстраивать альтернативные конструкции материнства. Для этого им приходится сочетать обязанности по воспитанию детей с ответственностью за финансовое и материальное обеспечение семьи, традиционно исполняемой мужчинами. Причем физическое отсутствие в семье не означает отказа от исполнения женщинами своих родительских функций, а скорее ведет к «интенсифицированному материнству»¹, осуществляемому в трансграничном режиме в виде контроля за использованием пересылаемых домой материальных и денежных средств, регулярных контактов по телефону, интернету, электронной и обычной почте, мобильной и SMS связи, а также посредством частых поездок домой.

Однако, роли кормилиц семьи, исполняемые мигрантками, редко приводят к повышению их семейного статуса и к эгалитарным отношениям между супругами. Возвращаясь домой с заработков, женщины зачастую вынуждены мириться либо с восстановлением традиционных семейных отношений, господствовавших до их отъезда, либо с разрушением брака в связи с тем, что они не желают возвращаться к патриархальным гендерным моделям, а их мужья не готовы принимать жен в роли кормилиц семейств:

«В селе она очень тяжело работает <...> и вот она уезжает за границу, где она видит совершенно другое отношение к себе. Поэтому она, конечно, не хочет возвращаться в ту ситуацию, в которой она была дома раньше. Понимаете, она начинает иначе к себе относиться. И это одна из причин, почему разрушаются семьи. Потому что она уже не хочет возвращаться в положение, когда от нее ничего не зависит <...>. Потому что, вернувшись домой, она научит свою дочь, что можно жить иначе, что

¹ Hays Sh. The Cultural Contradictions of Motherhood. New Haven, CT: Yale University Press, 1996.

можно иметь другие жизненные стандарты. Она уже не хочет, чтобы к ее дочери относились так же, как к ней относился ее муж (эксперт женской неправительственной организации).

Таким образом, транснационализм редко приводит к трансформациям семейных ролей мигранток, но может преломляться в новые формы зависимостей.

Изменения родительских ролей и идентичностей отцов в семьях женщин-мигранток

Исследования показывают, что мужья являются ключевым элементом в успешности миграции для семей и изучение ее влияния на транснациональные семьи (ТС) и детей неправомерно без учета реакции на нее мужей мигранток². Считаем, что в Украине процесс оттока женщин на работу за рубеж и долгосрочного отсутствия матерей в семье предопределили «поворот в сторону отцовства». В работах по проблемам родительства основное внимание обычно уделяется роли в семейном воспитании матерей, в то время как участие в нем отцов игнорируется. Эта тенденция обусловлена традиционной гендерной идеологией, представляющей матерей как ответственных за воспитательный процесс в семье, в то время как отцовство позиционируется лишь как дополнительная функция мужчин по отношению к основной роли кормильца. Однако процесс модернизации института отцовства, обусловивший появление категории «новых отцов» в конце XX в., изменили акценты в дискурсе на тему родительства, подчеркивая роль в воспитании детей обоих родителей, а не только матерей. Зарождение культурного сдвига в отношении вопросов отцовства приходится на 1980-е гг. и отчасти объясняется массовой интеграцией матерей в состав трудовой силы. В Украине новый акцент публичного дискурса на вопросах отцовства и ответственного родительства наблюдается с начала 2000-х гг. Считаем, что причины этого тренда имеют иную природу, нежели в пост-индустриальных странах, поскольку массовое участие украинских женщин в рынке труда началось еще в 1920-е гг. с установлением государственного социализма. Однако, в то время этот процесс еще не привел к появлению новой «культуры отцовства», возникшей пол-столетия спустя в станах «глобального севера». В Украине усиление внимания к вопросам отцовства связано с возрастанием независимой экономической мобильности женщин. Этот вопрос стоит особенно остро в малых городах и селах, где высокий уровень безработицы и нищеты вынуждает женщин к поискам трудоустройства за рубежом. Большинство из них (90,1%) имеют семью и детей, из которых около четверти (26%) остаются дома под присмотром отца³. Поэтому проблемы социальной

² Left behind left out. The impact on children and families of mothers migrating for work abroad. Shri Lanka: Save the Children, 2006. Hays Sh. The Cultural Contradictions of Motherhood. New Haven, CT: Yale University Press, 1996.

³ Соціальне обличчя новітньої української трудової міграції: результати масового соціологічного

адаптации остающихся дома мужей мигранток и их ответственности за своих детей сегодня приобретают актуальность.

Интервью показали, что оставшиеся дома мужья матерей-мигранток могут успешно выполнять роли «отцов-домохозяек». Об этом свидетельствует интервью с Анастасией:

«Когда узнала, что есть возможность заработать, я решила, что должна ехать. Понимаете, я не боялась оставлять детей на мужа, потому что знала, что хоть он и не идеальный муж, но хороший отец, и мои мальчишки его любят и слушаются его. И сейчас я знаю, что дети ухожены, и все мои мужики хорошо ладят друг с другом. Так что вот сейчас еду домой и ищу мужу подарок. Хочу отблагодарить его за то, что он хороший отец моим детям» (Анастасия, работница сферы обслуживания во Франции).

Однако, такие изменения являются временными. т.к. мужья рассчитывают, что после возвращения жен с заработков домой они смогут вернуться к роли добытчиков, а женщины снова будут выполнять всю домашнюю работу. Поэтому «интенсификация отцовства» происходит лишь в тех ТС, где на заработки уезжает жена и мать, и только на период ее отсутствия, поскольку предполагается, что после ее возвращения домой традиционный гендерный контракт в семье будет восстановлен.

Эксперт: *«У меня есть брат, который воспитывал двух мальчиков подросткового возраста на протяжении двух лет, пока его жена работала в Италии. И это не было для него проблемой. Все было нормально<...> А когда она вернулась домой, все вернулось на круги своя. Все, ты теперь дома! Добро пожаловать назад в Украину!»* (Эксперт женской неправительственной организации).

В то же время эксперты указывали и на нетипичность такой ситуации:

Интервьюер: *«...когда женщина уезжает, если она не разведена, и ее муж начинает делать всю работу по дому, влияет ли это на изменение гендерных ролей, как вы думаете?»*

Эксперт: *«Думаю, что в некоторых случаях это действительно может быть так, но не думаю, что это типичная ситуация. Как показало исследование, проведенное «Ла Страда-Украина», чаще всего дети остаются не на попечении отцов, а под опекой бабушек, тетей, старших сестер. А у мужчин остается одна проблема – пьянство и безделье»* (Эксперт женской неправительственной организации).

Однако, материалы прессы и результаты интервью свидетельствуют о том, что мужчины в транснациональных семьях страдают не только от «безделья», но и от унижения в результате отсутствия возможностей для обеспечения семьи, условий для самореализации и приложения своих сил,

конкретных обязанностей, а иногда и от перфекционизма⁴. Это подтверждает распространенное мнение, что движение за равноправие полов в постсоветских обществах привело к понижению статуса мужчины.

Таким образом, влияние женской трудовой миграции на отцовский статус украинских мужчин является краткосрочным, не ведя к существенным трансформациям института отцовства. Мужчины готовы к усилению своих семейных и отцовских функций лишь временно. Можно утверждать, что хотя отток украинских женщин на работу за рубеж ведет к изменению отношения мужчин к своим детям и трансформации отцовского поведения в отдельных ТС, эта тенденция пока не влияет на культуру отцовства в обществе в целом. Однако, этот опыт важен сам по себе, поскольку может иметь более ощутимый эффект в будущем, при условии, что указанные изменения привлекут в себе внимание общества и смогут повлиять на восприятие и осознание им роли, статуса и ответственности мужчин перед детьми и семьей. Об этом свидетельствуют изменения гендерного менталитета мужчин:

«Я вижу, что здесь отношение к женщине другое, ее ценят больше. Вот и я этому учусь, учусь уважать в своей жене женщину» (Роман, владелец кондитерской в Риме).

Выводы

Исследование показало, что опыт транснационализма вызывает трансформации родительских ролей и идентичностей членов ТС. Они затрагивают в основном матерей, принимающих полную ответственность за финансовое и материальное обеспечение семей. Это увеличивает объем их семейных обязанностей, но не всегда приводит к упрочению позиций и повышению семейного статуса. При этом тяжелую работу на чужбине женщины вынуждены сочетать с функциями «дистантных родительниц», оказывающих своим детям трансграничную заботу и уход. Изменения гендерных ролей отцов, вызванные отъездом их жен на заработки, имеют кратковременный характер и не приводят к модернизации института отцовства как можно было бы ожидать. Следовательно, миграция и транснационализм не способствуют существенным изменениям «культуры отцовства» в Украине, но могут привести к прогрессивным изменениям в будущем если будут осмыслены и творчески использованы обществом на благо украинской семьи и государства.

⁴«Італійський синдром» і проблеми трудової міграції // Соціальна наука 06.03.2010. <http://www.science-community.org/node/1314#_ftnref1> (дата доступа 14.08.2012).

РАЗДЕЛ IV. ЭТНИЧЕСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.Ю. Шадже,
Адыгейский государственный университет

ЯЗЫКОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Роль русского языка исключительно велика в нашей жизни. Ценность его не исчерпывается тем, что он является государственным языком Российской Федерации и языком межэтнического общения. В этой связи хочу показать значимость русского языка в современных условиях. При этом не умаляю роль этнических языков, ибо нет альтернативы между русским и родными языками. Убеждена, что современный человек должен быть полиглотом.

Жизнь доказала истинность положения о том, что язык является средством цивилизации и цивилизования. Что касается русского языка, то у него свои особенности функционирования и особая роль в нашей жизни. Во-первых, он является для нас не только средством общения, но и средой обитания, «домом бытия», в котором мы дышим, живем, учимся, работаем и т.д. Во-вторых, русский язык является интегрирующей основой в укреплении российской государственности. В-третьих, важно подчеркнуть, что русский язык в многоязычном государстве не вытесняет другие языки, не навязывает свое господство над другими языками, а функционирует параллельно.

Нетрудно заметить, что язык является зеркалом, отражающим политические, экономические и социальные изменения, с одной стороны, а с другой – на функционирование языка оказывает влияние конкретная общественно-историческая и социально-политическая ситуация. В этом мы убедились на примере языков народов бывшего Советского Союза, в том числе и русского языка.

Вспомним те крайности, которые имели место в области национальной политики. Стимулируя необходимость изучения русского языка, переводя программы обучения в общеобразовательных школах на русский язык, забывали, а точнее, игнорировали обратную сторону языковой проблемы – знание родных языков. Благодаря принятым в 1938 и 1983 годах постановлениям об обязательном изучении русского языка в школах русский язык фактически стал обязательным государственным языком на территории СССР. В стране повсеместно сокращалось преподавание родных языков в школах, хотя постановления этого не требовали.

Действительно, русский язык стал языком гениальным. Вместе с тем он оказался «драматизмом» «для всякого сущего в ней (в России) языка» и для языка Пушкина. Отметим лишь, что большое число людей не знало и не знает достаточно ни родного, ни русского языка. Винить в этом русских и

русский язык не следует. Вспомним, прежде всего, административно-командный прессинг, из-за которого вне государственной и общественной заботы оказались этнические языки.

Постсоветское пространство в начале 1990 года, говоря словами русского философа П. Флоренского, напоминал Вавилонское смешение языков, когда никто никого не понимал, не слышал, и каждая речь служила только, чтобы окончательно удостоверить и закрепить взаимное отчуждение¹. Язык стал ареной сведения счетов: противопоставлялись русский и языки других этносов.

Между тем реальность такова, что русский язык был языком не только официальных структур, но и языком культуры, науки, языком межэтнического общения в нашей стране и каналом для выхода культур многих народов на мировую арену. Являясь языком великой культуры, он стал языком общения не только для самих русских, но и для других народов. На русском языке мы имеем возможность общаться друг с другом, познать историю и культуру разных народов.

Важно сказать о русском языке на постсоветском пространстве, значение которого трудно переоценить. Совершенно справедливо отмечает Н.В.Мотрошилова, что «на русском языке ныне могут общаться между собой казахи, узбеки, таджики, латыши, литовцы, украинцы и другие народы бывшего СССР. А потому обусловленная политикой борьба против русского языка в некоторых частях постсоветского пространства – пусть и понятная в своих истоках, но по сути своей антицивилизационная агрессия против ни в чем не виноватого духовного средства культуры. Ведь знание языка великой культуры – особая историческая удача, пренебрежение которой противоречит здравому смыслу»².

Русский язык функционирует в многоэтничном обществе как основа дружбы и сотрудничества между народами, как основа развития отечественной культуры, науки и образования. Это очень важно, поскольку уважение и взаимопонимание возможны только через знание.

Какой же путь к языкам выбрала Адыгея? Какое отношение к русскому языку сложилось в республике?

В Законе о языках и Конституции говорится, что равноправными государственными языками в Республике Адыгея являются русский и адыгейский языки. Провозглашение адыгейского языка наряду с русским государственным несколько не означало создания приоритетов первому, того, что адыгейцы получают какие-то привилегии.

В многоэтничной Адыгее издавна проживают и по праву считают ее своей родиной представители свыше 100 этносов, которые приобрели много общего в результате совместной жизни. Исторически сложилось так, что в

¹ Флоренский П. У водоразделов мысли. М., 1990. Т.2. С. 346

² Мотрошилова Н.В. Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вопросы философии. 2006. № 2. С.50

Адыгее русские населенные пункты возникали рядом с аулами. Позже они объединялись в колхозы и совхозы, где трудились бок о бок русские и адыги. Сотрудничество и общение, взаимодействие культур и языков наложили свой отпечаток на характер представителей того или иного этноса, на те или иные этнические ценности. Поэтому было бы непростительной ошибкой, если бы мы разрушили духовное богатство, созданное нашими предками, история и жизнь которых базируются на мирном сотрудничестве, а не на вражде.

Важно отметить, что такая социокультурная среда формировала уважительное отношение к русскому языку и заложила основы национально-русского двуязычия. Более того, вспомним, что народы Северного Кавказа, в частности и адыги, всегда стремились к изучению русского языка. О таком интересе свидетельствует то, что они часто отдавали своих детей, преимущественно мальчиков, русским знакомым и друзьям с тем, чтобы дети овладели русским языком. В первые годы советской власти русский язык сыграл большую роль в подготовке грамотных национальных кадров. В результате с помощью русских ученых и педагогов адыги получили свой алфавит и развили литературный язык.

Сегодня русский язык, хотя и обладает особым статусом государственного языка, нуждается в государственной и общественной защите. Поскольку он является основой образования в нашей стране, средством объединения народов и регионов в единую российскую гражданскую нацию, историческая значимость его вполне очевидна. Представляется, что проблема сохранения и развития русского языка, защиты и сохранения его чистоты является не только лингвистической. Она еще и экономическая, социально-политическая, гуманитарная и общественная. Ситуация усугубляется еще и проблемами глобализации, то есть современной американизации.

Известно, что роль русского языка в мире возрастает: он является одним из мировых языков и одним из официальных рабочих языков многих авторитетных международных организаций. Однако следует сказать, что русский язык не находит равноправного функционирования наряду с другими мировыми языками. В течение последних лет ученые указывают на возрастающее господство английского языка. Активизация и влияние английского языка на другие языки наблюдаются в языке масс-медиа, в разговорной речи, в обыденной жизни и т.д.

Реальность свидетельствует о том, что вместо взаимодействия и взаимопроникновения языков в современных условиях имеет место одностороннее воздействие «популярных» языков на другие. Такой процесс оказывает негативное воздействие на двуязычие и ставит под угрозу русский язык и языки малочисленных народов.

Язык является важным показателем культурных изменений. Если иностранный язык, а в современных условиях англицизм, начинает овладевать обществом и становится частью повседневной речи, проникает в

культуру, то это свидетельствует о проявлении новой тенденции в зарождающейся глобальной культуре. Представляется важным вспомнить то, что языковая среда является нелинейной средой (системой), где сосуществуют разные культуры. Силовое вмешательство в систему разрушает ее. Там, где доминирует сила, и активное влияние оказывает «искусственная глобализация», сопровождающаяся насильственным внедрением своей культуры и своего языка, разрушается «семиотическое пространство» (Ю.М.Лотман), формирующее личность.

Серьезные проблемы с русским языком имеются не только в мире, но и в нашей стране и республике. Не радуют качественные показатели владения русским языком (о чем свидетельствуют результаты ЕГЭ и вступительные экзамены по русскому языку в высшие учебные заведения). Причин этому – целый комплекс. Одна из основных – духовный, культурный, образовательный, экономический и политический кризис в нашей стране, повлекший за собой снижение интереса к чтению и тяготение к телепросмотру. Полагаю, что телевидение, а также компьютер являются величайшими завоеваниями человечества, позволяющими нам включиться в мировой социокультурный процесс. Сегодня важнейшей задачей становится поиск гармонии разных видов культуры: чтения, телепросмотра и работы в виртуальном мире.

Итак, русский язык является не только этническим языком русских, не только средством общения с представителями разных этносов. Русский язык – общекультурная ценность, на которой основано единство нашей страны. Это сила, объединяющая нас в культуре, экономике, политике и т.д. Русский язык - средство сохранения и укрепления нашей дружбы. Он является основой нашей мирной жизни и нашего взаимопонимания. Поэтому нас всех связывает одно желание и одна цель – сохранить эту цементирующую силу, укрепить наше сотрудничество и единство нашей страны. Русский язык в первую очередь существует для нас, россиян, а свое существование он получает от нас. Русский язык – укрепляющий фактор российской национальной идентичности³.

Важно объединение усилий государства, образовательных, научных и культурных учреждений, общественных организаций всего населения, направленных на реализацию новых возможностей по сохранению, развитию и распространению русского языка. Сегодня необходимо понять ценность русского языка, который является объединяющим фактором российских этносов, российской нации. Русский язык должен помочь нам осознать свою общность, что мы (независимо от этнической и религиозной принадлежности) – граждане великой России.

³ См.: Шадже А.Ю. Русский язык в условиях формирования российской нации // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2. С. 68-76

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОСЫ ПОСЛЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И МАССОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Стирание этнических черт наступает в основном с индустриализацией. Индустриализацию можно сравнить с мощным потоком, который вырвал деревья с корнем, после него этнические культуры остались без почвы, по сути, сейчас они представляют искусственный сад вместо природного леса. В индустриальном обществе, как метко заметила М.Оссовская¹, наступает эра пропаганды, а её тотальное влияние на культуру в свое время великолепно раскрыли Ж. Бодрийяр, Жак Ле Гофф и др.² С наступлением эпохи печатного станка и когда постепенно СМИ превращаются в одно из доходных видов индустрии, в итоге мы уже имеем дело с установками массового порядка. В современном мире индустриальное общество прерогатива не только западного мира, оно наступает повсеместно благодаря массовому образованию и той экономической выгоде, которые приносят технические открытия. Технический прогресс абсолютно уничтожил прежние границы, с его наступлением не осталось как внешних, так и внутренних границ. С исчезновением традиционных укладов прошло достаточно времени, чтоб констатировать существенные изменения в результате произошедших преобразований. По сути, что есть унификация культур, это есть потеря этничности, а этничность есть связь со своей землей, языковая, культурная идентификация. У доминирующего этноса быстрее слабеет этничность, но растет за счет этого политичность, хотя после распада СССР замечаем обратный процесс порой в не совсем адекватной форме внешней демонстрации внешних признаков. Замена этноса как системы исключительно на идеологию демоса чревата внутренней драмой для первого. Такие черты как политичность, гражданственность должны сочетаться с этничностью. Любая политичность есть только функция, а этничность есть питающая внутренние связи система. Этничность можно охарактеризовать как внутреннее состояние, имеющее корневую основу в культуре. Поскольку политичность всегда имеет источник во внешнем мире, она первоначально представляет сознательное реагирование на общественное обустройство, а с усилением более сильных государств больше как реакция на внешние вызовы. Связь с внешним миром, ответ на вызовы есть

¹ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали: Пер. с польск. / Общ. ред. А. А. Гусейнова; Вступ. ст. А. А. Гусейнова и К. А. Шварцман. М.: Прогресс, 1987 — 528 с. URL:

<http://mx.esc.ru/~assur/ocr/ossowska/ossowska.htm>; http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/ossovskaya/

² Бодрийяр Жан Симулякры и симуляция. URL: <http://existencia.livejournal.com/9726.html> Перевод: Качалов А. Jean Baudrillard. Simulacres et simulation. © 1981, ÉDITIONS GALILÉE. Paris. См. также Жак Ле Гофф Цивилизация Средневекового Запада. М., 1992.-100 с. URL: <http://www.rulit.net>

проявление политичности. В современных этносах эти проявления причудливо переплетены. В то же время не только единая политическая система связывает этносы во внешнем мире, но и массовое образование, именно на его основе создано единое информационное поле, а современные скоростные телекоммуникационные связи ещё больше сжимают пространство и время, выдавая за долю секунды всем единую стандартизированную информацию. В связи с этим меняется внутренний мир этносов, смывается этничность. При этом наблюдающий иногда осознанно не берет в расчет, что в современном мире, как исследователь, так и представитель этноса, по сути, являются носителями единой унифицированной культуры, благодаря мощному потоку индустриализации и повсеместно распространяемым стандартам образования. В эпоху глобального наступления техногенной цивилизации особенно соблазнительно было для человека культуры Запада выставить себя в роли спасителя, миротворца, героя, учителя, покорителя миров, первооткрывателя диких мест. Происходило это взаимодействие на фоне иногда мифологически представляемой нищеты, хаоса, обездоленности и попыткой представлять собой мир опять таки на противоположной мифологеме обустроенный, сытый, благополучный. В основном в такой оппозиции освещалась жизнь открываемых миров и народов, пусть и в работах исследователей. Оказалось, что не свободны от общих установок человеческого эго и научные сочинения. Такое видение совпало с государственным заказом открытия и покорения новых земель для нужд государства. Жажда открытий экзотического часто нередко кончалось тем, что писание должно было свидетельствовать о прогрессивности автора и регрессивности объекта. Этот тип социального поведения в Новое время в Западной Европе во многом был основан на образцах от ключевых идей христианства, уже модернизированных в свете протестантской этики в эпоху буржуа. Хотя индивидуальные и общественные пристрастия в исследователе сливаются в том случае, когда исследователь намеренно отчуждается от изучаемого этноса, что больше обусловлено чисто ментальными установками индивидуального характера. Авторы, субъективно полагаясь стремлением к объективности, в самом деле, как не парадоксально могут потакать коллективистскому мнению, общим предпочтениям. Старые образы, как правило, очень устойчивы. В современном мире этносы находятся уже не только физически в одном времени и зачастую в едином пространстве, благодаря современным транспортным средствам, но также в одном эстетическом мировоззренческом пространстве, которое и представляет современная культура индустриального и постиндустриального общества. В любом случае сама проблематика освещения в современном унифицированном мире этнически чужого для исследователя социального опыта требует внимания исследователей. Ещё Широкогоров С.М. писал об этой проблеме, что объект исследования у наблюдающего не должен

вызывать удивление, этнограф максимально должен быть свободен от эмоций удивления, отторжения, мотивирован к принятию того мира, который открывается перед ним: ”Переход к пониманию этнографических явлений, вне зависимости от собственных привычек и вкусов, есть уже значительный шаг вперед, но наблюдателю приходится сделать много ещё выводов прежде, чем он дойдет до идеи изучения своей собственной культуры, как чуждой ему,- без симпатий, антипатий и удивления”³.

Техническое средство везде выполняет универсальную функцию, технические средства тем хороши, что они предлагают только функции и ничего больше. Универсальность технических средств в всеобщем применении есть залог их распространения по всему миру. Техническое новшество везде одинаково по своему воздействию, поскольку только функциональность может оправдать его существование. Как показывает мировая практика освоения техники, чем мощнее техническое новшество по своему тотальному планетарного масштаба охвату как радио, телевидение, мобильная связь, тем оно абсолютно одинаково по степени своего воздействия и чем позднее по историческому времени его появление, тем следов указывающих на какое либо специфическое воздействие практически не обнаружено. В том, что мобильный телефон используется человеком в тундре или переполненном мегаполисе в функции использования ничего отличного по определению не может быть. В обоих случаях мобильная связь осуществляет постоянный контакт с родными, оперативное получение информации, но не выполняет особую функцию и его использование не тот индикатор, который может указать на отличие в непосредственном влиянии на специфическое проявление чувств. К примеру, нет ничего специфического в применении такого распространенного уже во всем мире новшества как мобильный телефон, которым обзавелись все люди планеты практически совсем недавно. Пытаться найти иное воздействие кроме технической функции на сегодняшний день в этом тривиальном устройстве не совсем удачный ракурс, который может раскрыть что-то новое в этносе. Также в попытке увидеть в том же телевидении, которое якобы может нести какое-то различие и другую форму воздействия в зависимости от базисной культуры проглядывается тоже некая изначальная внутренняя удаленность исследователя. Например, абсолютно неуместна попытка сравнения возможности технической передачи разговора путем радиоволн по мобильной связи с возможностями шамана к иной виртуальной связи. Уподобление сакрального характера связь шамана в статье Флориана М. Штамлер по признаку конфиденциальности с механической виртуальной связью, осуществляемой техническими средствами, что относится к

³ Широкогоров С.М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М., 2011. С. 24

повседневному быту⁴, не имеет никакой связи с сакрального характера действием шамана и не может дать никаких прояснений в картине изменений в культуре оленеводов. Точно также искать в феномене распространения телевидения какие-то специфические проявления у того или этноса, абсолютно отличающиеся от других культур, что попытался сделать у ханты Золтан Надь тоже не совсем верный подход⁵. Телевидение и реакция северного жителя и любого другого жителя, как в Бразилии, так и в Швейцарии будут одинаковыми, потому как сериалы рассчитаны на самые общие человеческие установки, для любого человека характерна склонность в виде реакции на справедливость, поиск правды, материнство и так далее. К появлению телевидения все этносы уже были приобщены к радиовещанию и письменному тексту, поэтому текст пусть и визуальный как живой полнотекстовый озвученный абсолютно одинаков по своему воздействию для человека любой культуры. Театр, кино, телевидение универсальны по своему воздействию. В результате глобального охвата ими создаются благоприятные условия для вступления в свои права повсеместно эры массовой обезличенной унифицированной культуры. Можно даже говорить, что в современном мире визуальное воздействие настолько тотально, что исследователи вполне на достаточных основаниях могут прийти к выводу, что “По всей видимости, современный человек является продуктом не столько литературы, сколько визуального творчества”⁶.

Технический прогресс нуждается в иной передаче знаний добытых рациональным путем, благодаря заинтересованности государства в распространении технических знаний, было поддержано массовое образование, именно это явление положило конец старым культурам. Изменился способ передачи знаний, изменилось само содержание знания и самое главное язык трансляции. Л.Н. Толстой, наблюдая тенденцию в перспективе переоценки возможностей науки в жизни и культуре в целом, высказался афористично по поводу отличия научного языка как языка, состоящего из несуществующих слов и повествующего о несуществующих понятиях. Действительно до массового образования особенно в нашей стране каждый этнос имел язык конкретный, живой, способный передать все краски и лики природы, человека не только в виде художественного описания, но и в повседневной речи. Человек до распространения через школьную сеть научного лексикона, мог остро проникать в суть предметов, применяя возможности родного языка. Хотя оно было только в самом обыкновенном житейском применении, но зато этнический язык в своей чистоте питал

⁴ Штамлер Флориан М. Мобильные телефоны для мобильных животноводов Севера: революция в тундре? // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 9.

⁵ Надь Золтан Телевидение и проблемы интерпретации культурных явлений у васюганских хантов // Там же. С. 24-36

⁶ Вишленкова Елена Визуальное народоведение империи, или “Увидеть русского дано не каждому”. М, 2011. С. 14.

творческий дух этносов. В области гуманитарных наук этнография занимает ключевое место. Роль этнографии замечательно раскрыл Широкогоров С.М.: "... этнология, как и биология, открывает законы жизни человека, ... является венцом знания человека"⁷. Этнография как наука, по сути, возникла в России в виде изучения Сибири. Её теоретические посылы оформлены были российскими исследователями, а одним из блестящих завершений интеллектуальной традиции в изучении этносов был фундаментальный труд С.М. Широкогорова. В его теории этноса привлекает именно установленный им принцип равновесия и мощи. Эти признаки могут быть изменены время от времени. Теория Широкогорова позволяет изнутри рассмотреть этнос, а не примерять только внешние измерители, находясь в позиции внутреннего противостояния, удаленности, непринятия, политических и культурных предубеждений. В современных этнических процессах наблюдается внутренняя драма борьбы с факторами, работающими на нивелирование этнических различий, одновременно поиск и нахождение смыслов в этнических концептах, чтоб удержать равновесие и сохранить свою мощь и природное обаяние отдельного этноса как специфического явления.

⁷ Широкогоров С.М. Указ. Соч. С.33

ЭТНИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Актуальность самоидентификации личности любой социальной, культурной, этнической принадлежности в постсоветском пространстве стала очевидной в связи с предоставлением свободы в области межкультурной коммуникации как в межконфессиональном, так и в межличностном плане. Всяческое проявление потребности в этнической самоидентификации в советском обществе негласно запрещалось и однозначно не одобрялось, поэтому данная естественная культурная потребность была вытеснена в «коллективное бессознательное» советского социума. Это вытеснение в свою очередь вызывало в культурном мире общества скрытое недовольство, выливалось во всякого рода проявления антисоветизма и оценивалась органами как проявление национализма. К примеру, в среде малых северных народностей в советское время были найдены целые ряды «националистов», честное имя которых было восстановлено только в годы политической оттепели и в постсоветское время.

В прошедший начальный этап постсоветского периода стало ясно, что именно искусственно созданное советской властью субкультурное существование в лице великого множества обитателей лагерей и других мест вынужденного пребывания в связи с лишением гражданских прав и свобод личности выработало отдельное, самостоятельное, даже самоуправляемое сообщество субъектов со своими законами и правилами преступного мира. Действительно, собранная в одно место огромная масса народа не могла не выработать свои нормы общения, и зародившаяся противоестественная социальная форма требует к себе внимания. Чтобы в корне остановить ее рост, необходимо искать истоки, откуда она питается. Одним из таких истоков является ограничение прав и свобод личности на естественное проявление потребности этнической самоидентификации.

Между тем, в Российском культурном пространстве как нигде мирно уживаются и строят поликультурное общество многие этнические, национальные, народные общности и образования. Под крылом миролюбивого, добродушного, великодушного русского народа нашли себе защиту и уважение многие малые народности. Исторически и по воле судьбы образовалась Русь как государство доброй воли, которое затем переросло в Россию матушку.

Относительно этнического самовосприятия якутского народа саха можно обратить внимание на два текста. Первый – это обращение-письмо

одного из первых образованных и просвещенных людей из числа саха Алексея Елисеевича Кулаковского-Ексеюлях «Якутской интеллигенции»¹.

Второй – труд представителя современной якутской интеллигенции Михаила Тумусова – Тумус Мэхээлэ о наследственном устном народном знании саха под названием «Удьуор уерэгэ», что буквально можно перевести как «Учение саха о наследственности»².

Автор первого труда в свое время оценивался противоположным образом, о чем отмечает профессор Г.П. Башарин: «А.Е. Кулаковский есть буржуазный националист, реакционер, контрреволюционер, пепелявец – это вымысел «разоблачителей». А.Е. Кулаковский – основоположник и классик якутской литературы, крупный ученый, просветитель, прогрессивный, демократический общественный деятель, активный участник борьбы за защиту советской власти, против белогвардейского мятежа – это правда истории»³.

Сам же А.Е. Кулаковский являлся по крови не чисто якутом, имел русскую кровь, но самоидентифицировал себя с родным якутским народом, о чем в указываемом «Письме» высказывается определенно и четко. От русских он и себя, и весь якутский народ отмежевывает четко, но призывает к «культуривизации». Под культуривизацией он понимает приобщение к культуре, развитие культуры, поднятие материальной и духовной культуры и все это на основе и примере русской культуры.

Автор второго труда М. Тумусов, по образованию юрист, сумел воспроизвести бытующее в народе устное традиционное знание о наследственности – удьуор – и зафиксировал это учение в виде печатного издания для будущих поколений. В этом тексте четко вырисовывается самоидентификация саха по улусам, по родам и по тотемам, которые объединены единой религиозной верой в Творцов-Айыы. В данном тексте этносы делятся на древние и современные, и автор текста относит этнос саха к древним этносам.

В 2005 году в городе Якутске организована лингвокультурологическая школа свободного творческого роста и выработаны критерии для этнокультурной идентификации на основе разработанной авторской классификации родов идентичностей⁴.

Согласно представляемой классификации, этнокультурная идентификация возможна на основе *человеческой, языковой и гендерной идентичности* и в свою очередь служит основой для *творческой идентичности* – осознания себя в качестве человека с творческим

¹ Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции. Якутск: Кн. изд-во, 1992. 80 с.

² Тумус М. Удьуор уерэгэ. Якутск: типография Департамента нач. и сред. Образ. МО РС (Я), 2002. 110 с.

³ Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции. Якутск: Кн. изд-во, 1992. С. 27.

⁴ Попова Г.С. Этнокультурная идентификация в условиях современного социума // Электронный научный журнал «Современные исследования социальных проблем», №2 (22), 2013. URL: <http://www.sisp.nkras.ru/e-ru/rules.html>

предназначением, созданного для творческой деятельности. Такого человека на языке саха называют «Айыы киһитэ».

Принятие собственного «Я» (себя) как ценность (как человека – представителя конкретного этноса) диагностируется по следующим трем критериям идентичности, выражаемой в идентификации по трем Кут человека саха в природном триединстве, в целостности бытия. «Кут» на якутском означает субстанциональную человеческую жизненную сущность – человек остается живым только при триединстве трех своих Кут – ийэ кут, буор кут, салгын кут. Причем, ийэ кут – это духовно-интеллектуальная сущность человека, буор кут – физиолого-технологическая сущность, салгын кут – соответственно, психо-эмоциональная сущность. Подробнее об этом можно узнать в монографическом исследовании автора⁵.

Ниже приводим расшифровку указанных критериев:

1. Ощущение в себе творческого начала – сущности человека в качестве «строителя» самого себя, создателя своего образа. Творческая идентификация (Идентификация по Ийэ Кут).

1.1. Проявление потребности-желания в творческой деятельности. Выявляется три уровня.

1-й уровень – желание не проявляется;

2-й уровень – проявляется подчиненное желание;

3-й уровень – проявляется добровольное желание.

1.2. Устойчивая потребность в творческой деятельности, что соотносимо с потребностью в творчестве себя. Выявляется три уровня.

1-й уровень – ситуативная потребность;

2-й уровень – постоянная потребность;

3 уровень – удовлетворенность и удовольствие от процесса творчества.

1.3. Понимание и принятие самого себя таким, какой ты есть в свободном самобытии. Выявляется три уровня.

1-й уровень – негативное восприятие себя, неуверенность, низкая самооценка;

2-й уровень – стремление к самовыражению в любой деятельности;

3-й уровень – позитивное принятие себя, уверенность, высокая самооценка, творческий рост в ходе деятельности.

2. Самоидентификация себя как представителя этноса. Этнонациональная самоидентификация (Идентификация по Салгын Кут).

2.1. Осознание себя в качестве представителя этноса.

1-й уровень – интерес к знанию генеалогического древа своего рода;

2-й уровень – гордость за личное сохранение, возрождение и развитие традиций своего этнического рода;

⁵ Попова Г.С. Триединство в духовной культуре этноса (на примере саха): монография. СПб.: Астерион, 2010. 346 с.

3-й уровень – знание и признание исторической Родины.

2.2. Понимание того, что родной язык – ключ-источник развития этнокультуры нации.

1-й уровень – родной язык не принимает как ценность или не разговаривает на родном языке;

2-й уровень – родной язык принимает как ценность, но не может в полной мере общаться на родном языке;

3-й уровень – испытывает удовлетворенность от богатства общения на родном языке.

2.3. Принятие традиций и обычаев этнокультуры как норм и ценностей.

1-й уровень – несформированность желания, неготовность к восприятию повседневного годичного цикла традиций и обычаев;

2-й уровень – подчиненное вхождение в повседневное соблюдение традиционного годичного цикла;

3-й уровень – добровольное вхождение в традицию и удовлетворенность от процесса личной инкультурации.

3. Гендерная самоидентификация (Идентификация по Буор Кут).

1-й уровень – физиологическая самоидентификация по биологическому полу;

2-й уровень – самоидентификация по биосоциокультурному предназначению стать отцом (матерью), создать свою семью;

3-й уровень – выполнение предназначения по гендерной самоидентификации (по достижению определенного возраста и социальной зрелости).

Индикаторы этих критериев качественные, указанные здесь уровни определяются качественно, при непосредственном живом общении с детьми. К примеру, самый последний уровень 3.3. определяется четырежды – в дошкольном возрасте по мере осознания своего полового отличия от противоположного пола, в момент полового созревания в подростковом возрасте по степени гормонального проявления своего биологического пола, во время первой любви в юношестве и, наконец, в зрелом возрасте по мере создания своей семьи.

Данные критерии разработаны с учетом национальных ментальных особенностей, в данное время практически используются, поэтому могут представлять интерес в практике исследования процесса идентификации.

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Рубеж XX-XXI вв. стал своеобразным религиозным ренессансом, выдвинувшим на повестку дня проблему переосмысления места и роли религии в современном мире и современной политике. В условиях кризиса рациональной идентичности и отсутствия целенаправленной политики по формированию гражданской идентичности, в российском обществе начался активный поиск внерациональных оснований «религиозно-цивилизационной» идентичности. Эти поиски, во многом, обусловлены объективными процессами десекуляризации религии и секуляризации политики, существенным образом изменившими характер религиозных отношений во всем мире. Эти движения сопровождаются ростом уровня религиозности и нарастанием конфликтного потенциала, как в религиозной, так и в социально-политической сферах. Поскольку религия обладает в равной степени как интегрирующим, так и дезинтегрирующим потенциалом, нарастание религиозной конфликтности является неизбежным следствием этих процессов.

В этих условиях изучение интегрирующего и дезинтегрирующего влияния религии на современное общество имеет большую практическую значимость.

Сегодня все больше и больше религия интегрируется во все сферы общественной жизни, усиливает свои позиции и представительство в армии, системе исполнения наказаний, образовании.¹ В условиях поликонфессионального общества России, практика внедрения религиозных элементов в общественную жизнь, зачастую приводит к росту конфликтной напряженности. Как следствие конфликтогенные процессы, возникшие на религиозной почве, разрастаясь и усиливаясь, неизбежно влияют на характер социальных отношений, в первую очередь политических, экономических, межнациональных.

Религиозный конфликт сложный и многоаспектный феномен, на который влияют различные внутренние и внешние факторы.

Под религиозным конфликтом мы будем понимать противоречия носителей различных религиозных ценностей и интересов, среди которых по крайней мере один является конфессиональной группой, в их стремлении реализовать эти интересы и ценности, путем воздействия на власть, ставящие своей целью достижение или перераспределением политической власти, определением ее символов, а так же группового политического статуса и

¹ Православная церковь при новом патриархе./ Под ред. А. Малашенко, С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

приоритетов государственной политики, а которой конфессиональные различия становятся принципом политической мобилизации.

На наш взгляд, наиболее приемлемым для изучения религиозных конфликтов является междисциплинарный и системные методы исследования. Религия пронизывает практически все сферы общественной жизни - культуру, образование, быт и в политику. Соответственно конфликты возникающие в культуре, политике, экономике, находят отражение в религии, и соответственно - конфликтогенные процессы, возникшие на религиозной почве неизбежно влияют на характер социальных отношений, в первую очередь политических, экономических, межнациональных.

При исследовании религиозных конфликтов пользование инструментария какой-либо одной дисциплины, будь то политология, религиоведение или социология, дает односторонний взгляд на проблему. Междисциплинарный подход позволяет избежать такой односторонности и делает возможным комплексный анализ проблемы.

На сегодняшний день в рамках российской политической, религиоведческой, социологической, конфликтологической науки проблематика исследования религиозных конфликтов находится на начальной стадии формирования. В последнее десятилетие появились ряд комплексных работ посвященных анализу религиозной ситуации в России. Это монографии Р. Силантьева, И. Кантерова, Л. Митрохина, А. Митрофановой, Н. Трофимчука и т.д. Чаще всего проблематика религиозных конфликтов является производной и, как бы сопутствующей конфликтам этнического характера. Социальное значение религии и анализ роли религиозного фактора в этнических конфликтах мы видим в работах А.А. Игнатенко, И.Д. Звягельской, А.Л. Емельянова, Н.В. Степановой, М.П. Мчедлова, М.М. Мчедловой, А.А. Нуруллаева. Крайне интересным является изучение религиозной мотивации в социально-политических конфликтах в работах В.И. Добренькова, М.И. Одинцова, Ю.М. Антоняна, Д.Е. Фурмана.

Но вместе с тем, недостаточен блок прикладных, эмпирических разработок в данной области.

Согласно классификации М.Ю. Зеленкова исторические противоречия обычно выступают в виде глубоко укорененных в религиозном сознании, пристрастных по форме и агрессивных по содержанию представлений об «исторических врагах»².

Территориальные противоречия обычно выступают в виде устойчивых претензий на так называемые «исконные территории»³, как проблема

² Зеленков М.Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). ВГУ, 2007. С.12

³ Зеленков М.Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). ВГУ, 2007. С.12

«разделенных народов»⁴, исповедующих одну религию, или вопрос о «территориальной реабилитации»⁵ ранее депортированных религиозных групп.

Рассмотрим лишь некоторые факторы влияющие на нарастание конфликтного потенциала в религиозной сфере. Прежде всего необходимо отметить мотивационную составляющую, представленную как потребность в конфессиональной идентичности. Кризис современных идеологий, как социал-коммунистического, так и либерально-демократического толка, вывевили потребность в создании новых идеологических ценностей для самоидентификации как отдельных индивидов, так и целых социальных групп. После длительного и драматичного периода вытеснения религии на периферию общественной и политической жизни, наблюдается своеобразный религиозный ренесанс. Конфессиональная идентичность, становится одной из самых востребованных на сегодняшний день форм ценностного сознания. Отличительной чертой конфессиональной идентичности является то, что она строится на иррациональных основаниях, в отличии от политических идеологий XX века, обосновывавших политические проекты базирующиеся на тех или иных теоретических основаниях.

Немаловажен и мобилизационный потенциал религии. По своим мобилизационным возможностям ни одна идеология не может соперничать с религией, базирующейся на архитипических структурах человеческого бессознательного. К тому же любая религия содержит в и социальный компонент, ориентированный на социальные потребности в справедливости, равенстве. В условиях глобального экономического кризиса, падения общего уровня жизни и невозможности политической власти обеспечить социальные потребности населения, рождается потребность в новой социальной утопии, построенной на религиозных основаниях. Предлагаются альтернативные светским религиозные социальные проекты.

Сама по себе религия не является исключительно конфликтогенным фактором, а играет в современных этнополитических, социально-экономических и иных конфликтах роль идеологического наполнения. Она широко используется различными политическими силами для обоснования территориальных и иных претензий, для оправдания насильственных методов политической борьбы. Именно политизация религии в конфликтном контексте может представлять наиболее серьезную угрозу стабильности и затруднять поиски оптимальных решений в урегулировании конфликтов. Перевод конфликта религиозных ценностей в конфликт социальных и политических интересов, процесс сложный и непредсказуемый.

⁴ Зеленков М.Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). ВГУ, 2007. С.12

⁵ Зеленков М.Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). ВГУ, 2007. С.13

Процесс урегулирования религиозных конфликтов осложняется недостаточной разработанностью законодательной базы, регламентирующей взаимодействие государства и религиозных организаций. Нарушение прав религиозных организаций со стороны государства, так же сказывается на нарастании религиозной напряженности.

Существуют и другие факторы влияющие на конфликтогенную ситуацию в сфере религиозных отношений, это и поликонфессиональный характер государства, и особенности государственного строительства, и дискриминация отдельных религиозных групп населения, проявляющаяся в социально-экономическом неравенстве, а также в преобладании в политической элите страны представителей определенной конфессии. Как правило, вследствие религиозного конфликта происходит деиндивидуализация взаимного восприятия. Представитель противостоящей конфессии приобретает в лице оппонента некие обобщающие черты, как носитель иных ценностей и идей. Это сопровождается неадекватным групповым сравнением: «Мы» всегда лучше чем «Они». В религиозных конфликтах участники ведут всегда себя более агрессивно, поскольку религиозный конфликт, это прежде всего конфликт ценностей и настоящей, действенной альтернативой ему служит только внедрение в общественное сознание ценностей терпимости и толерантного отношения к представителям иных конфессий. А это процесс длительный.

РАЗДЕЛ V. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

**И.В. Раньжина,
Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского
государственного университета**

НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП В ВОПРОСЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОДЕЛИ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сущность федеративного устройства России определяется причинами, вызвавшими образование в стране федерации. В основе модели российского федерализма лежит национально-территориальный принцип (бывшие автономные республики и округа, края и области определились в качестве федеральных субъектов). Такое основание федеративного устройства послужило с одной стороны сохранению целостности государства, а с другой, появлению ряда значимых проблем, образовавшихся в результате возникших противоречий:

-между суверенизацией, повышением самостоятельности регионов-субъектов Федерации и объективной потребностью сохранения целостности и упрочнения общероссийской государственности в интересах всех народов и национальностей;

-между стремлением многих народов, этнических групп к национальной консолидации и процессами интеграции российского общества, имеющими социально-экономическую обусловленность;

-между специфическими интересами народов, которые чётко выявились в ходе развернувшихся реформ, и необходимостью их согласования, взаимного поиска компромиссов при их реализации;

-между необходимостью согласованного проведения экономических, политических и социальных реформ на всей территории РФ и наличием значительных различий в уровнях социально-экономического развития регионов, различий в подходах, методах, темпах преобразований, что обуславливается их спецификой (исторической, демографической, этнической, природной, сырьевой, хозяйственной).

Принцип равноправия субъектов Федерации гласит, что равенство должно распространяться на все субъекты Федерации и реализовываться, как в отношениях отдельных субъектов Федерации с Центром, так и в отношениях субъектов Федерации друг с другом. Так, часть 1 статьи 5 Конституции Российской Федерации устанавливает «равноправие всех субъектов Федерации (республик, краёв и др.)», а часть 2 той же статьи

определяет статус республик как «государств, имеющих свою конституцию, в отличие от других субъектов»¹. Такое несогласование создаёт конституционно-правовую предпосылку для фактического неравноправия субъектов с неизбежными взаимными конфликтами, как между ними, так и с федеральными органами.

Далее, часть 1 статьи 66 устанавливает: «Статус республики определяется Конституцией Российской Федерации и конституциями республик»². По нашему мнению, это довольно странная и расплывчатая формулировка, скорее статус республики и иных субъектов должен быть определён только Конституцией Федерации и соответственно закреплён в конституциях республик, уставах краёв, областей и других субъектов Федерации. Отсутствие такой определённости в значительной мере обусловило несоответствие по вопросам гражданства, обороны, таможенного дела, верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов, организации законодательной, исполнительной и судебной властей в республиках, регулирования прав человека и гражданина, по другим вопросам, отнесённым к ведению Российской Федерации, основных законов (конституций, уставов) ряда субъектов Конституции Российской Федерации.

Имеющиеся несоответствия по важным положениям федеральной Конституции достаточно остро ставят вопрос о гарантиях равноправия всех субъектов Российской Федерации, образованных по национальному или территориальному признакам. Кроме того, в этих условиях порождаются многочисленные коллизии между федеральным и региональным законодательством по международной проблематике.

Для учёных и политиков, работающих в парадигме сохранения национально-государственного принципа строения России характерно заблуждение, согласно которому этнополитические угрозы в стране порождаются исключительно попытками реформирования федеративного устройства и ущемлением интересов «титulyных» этнических общностей. «Очевидно, что идею национальной государственности... активно поддерживает современная национальная административно-политическая элита и «титulyные» нации, в связи с чем вернуться к территориальным образованиям невозможно»³. Или очень близкая по смыслу сентенция, в соответствии с которой «основную задачу национальной политики в многоэтническом государстве можно свести к минимизации негативных для его целостности последствий», а для этого, речь должна идти, «прежде всего, об оптимальном варианте национально-государственного устройства страны, отвечающем условиям легитимной стабильности»⁴. На наш взгляд, куда

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. М.: Известия, 1995

² Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. М.: Известия, 1995

³ Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Игнатов В.Г. и др. Реализация принципов федерализма (на примере Северного Кавказа). Ростов-на-Дону, 1997. С. 11

⁴ Жириков А.А. Этнические факторы политической стабильности. М., Славянский диалог. 1995. С. 8

большую угрозу межэтнических противостояний таит в себе сохранение разностатусных субъектов в составе Российской Федерации и связанная с этим напряжённость в отношениях между российскими регионами, а также между этническими «титულными» и «нетитулными» контрагентами в пределах этногосударственных образований.

Ещё в 1990 году Ю. Бромлей и С. Чешко писали, что национально-территориальный принцип государственного устройства страны «неизбежно ведёт к неравноправию народов и граждан, изоляции народов друг от друга и от достижений мировой культуры, искусственному ограничению экономических связей, осложняет межэтнические отношения территориальными претензиями, и трениями на почве экономических интересов, искажает характер общественных отношений и самих этнических процессов, увеличивает разрыв в неравенстве народов, отрицательно влияет на развитие самой экономики и ведёт к тоталитарному режиму»⁵.

К большому сожалению, практика последовавшего за принятием Конституции подписания системы двусторонних договоров с национальными субъектами не снимала существующие проблемы, а наоборот, их усиливала. В этих двухсторонних нормативных актах фактически закреплялось неравноправие субъектов федерации, не позволяющее реализовать главный принцип построения федеративного государства, который С. Валентей формулирует следующим образом: «Основополагающим принципом федерализма выступает равенство прав федерации и ее субъектов в рамках предметов их ведения»⁶. Данный принцип подразумевает, что федерация состоит из экономически самостоятельных субъектов, которые реализуют модель добровольной передачи части полномочий снизу вверх (федеральному центру), при этом обе стороны этой двухуровневой политической системы полностью самостоятельны в пределах тех полномочий, которые относятся к предмету их ведения, и не вмешиваются в пределы ведения друг друга, имея полное экономическое обеспечение выполнения своих функций каждая⁷.

Без труда можно установить, что в существующей модели российского государственного устройства данный основной принцип построения федерации нарушается. Н. Мириханов обозначает главные признаки современного российского федерализма: «В Российской Федерации к началу XXI столетия формально, юридически и практически сложилась система своеобразных федеративных отношений, имеющих следующие характеристики:

⁵ Бромлей Ю.В., Чешко С.В. О новой конституции СССР // Советская этнография. 1990. № 5. С. 224

⁶ Валентей С. Экономические проблемы становления российского федерализма // Федерализм. 1999. № 1. С. 103

⁷ Валентей С. Экономические проблемы становления российского федерализма // Федерализм. 1999. № 1. С. 105

смешанный этнотерриториальный характер субъектов федерации, усугубляющийся противоречиями в области межнациональных и федеративных отношений;

асимметричность субъектов федерации, экономическое неравенство и неравный вес голосов граждан, проживающих в этих субъектах;

неоднозначность статусов субъектов федерации, наличие сложносоставных субъектов РФ;

нарастающая экономическая, социальная и политическая дифференциация регионов;

дотационность, и следовательно, высокая степень зависимости большинства регионов от федеральной власти;

региональный центризм по отношению к местному самоуправлению;

автаркия многих региональных элит, обусловленная меньшими, чем в центре, возможностями контроля;

роль субъективного фактора, когда личностные качества главы региона и характер его персональных связей в центре во многом определяют отношение федеральных властей к региону;

продолжающиеся законодательные коллизии между федеральным центром и регионами»⁸.

Без труда можно усмотреть истоки всех этих несоответствий в фантомном характере государственного федерализма советской эпохи. Построенный на праве наций на самоопределение, с выделением субъектов федерации по национальному признаку, российский федерализм не мог быть другим. Здесь необходимо однозначно указать на то обстоятельство, что система власти Советского Союза была унитарной, и «унитарность эта обеспечивалась властной вертикалью партийных органов; после ее упразднения фантомный федерализм стал действовать по-настоящему, после чего немедленно проявили себя соответствующие противоречия»⁹.

Так как фантомный федерализм должен был удовлетворить национальные чувства малых народов России, то всем им, набравшим ту или иную численность населения, были «нарезаны уделы» якобы в собственное пользование. При этом абсолютно не учитывалось реальное соотношение представителей титульной нации со всеми остальными жителями региона. Не учитывалось, имел ли данный народ раньше собственную государственность и собирается ли ее иметь. При объединении народов в совместную автономию не принимались во внимание ни их взаимоотношения, ни их родство. «В перспективе это не играло никакой роли для СССР, так как реального самоуправления данных народов не было, и если все политические и экономические вопросы решает местный партийный комитет, то все равно,

⁸ Мириханов Н. Федерализм, многонациональность, государственность: Новый курс российской власти // Федерализм. 2002. № 3. С. 118

⁹ Мириханов Н. Федерализм, многонациональность, государственность: Новый курс российской власти // Федерализм. 2002. № 3. С. 118

куда относятся пресловутые казацкие районы — к Чечено-Ингушской АССР или к Ставропольскому краю. Не имело значения, что русские и национальные регионы имеют разное количество полномочий, ибо на самом деле никакими полномочиями они не обладали. Тюменская область и Татарская АССР в одинаковой мере зависели от федерального центра, как, впрочем, и все остальные регионы, декларируемая асимметричность восполнялась реальной симметричностью, а оттого было неважно это различие статусов»¹⁰.

Региональное деление России было ориентировано на одну экономическую систему, а в рамках иной системы оно оказалось не только неэффективно, но и чревато зависимостью большинства регионов от центра в гораздо большей степени, чем это подразумевает «нормальный» федерализм. С одной стороны, региональные элиты полностью независимы от центра вследствие захваченного ими фактического суверенитета, а с другой — их республики зависимы от него вследствие своей дотационности. В целом можно заключить, что сложившийся в настоящее время в России федерализм стал результатом «бандитской приватизации» регионами властных полномочий, при которой более наглый и агрессивный получил больше, чем покладистый и законопослушный.

Таким образом, мы имеем не просто асимметричную федерацию, но федерацию асимметричную не по заслугам. С тем фактом, что регионы, вносящие большой вклад в экономику, обороноспособность и культурную жизнь страны, имели бы более высокий статус, еще можно было бы смириться, все-таки здесь статус определялся бы реальной значимостью субъекта. Но несомненно, что нынешнее деление России на регионы не может быть признано удовлетворительным и имеющим право на дальнейшее существование.

¹⁰ Мириханов Н. Федерализм, многонациональность, государственность: Новый курс российской власти // Федерализм. 2002. № 3. С. 118

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Региональная идентичность в России является довольно популярным объектом исследования российских ученых¹. В фокусе внимания авторов оказываются как пути и механизмы формирования региональной идентичности, так и составляющие ее элементы². В последнее время одним из ключевых направлений изучения в этой сфере стала политика идентичности.

Политика идентичности в данной работе определяется как деятельность политических элит по формированию представлений о «мы-сообществе» в рамках административно-территориальных границ региона. При этом основная цель политики идентичности заключается в обеспечении легитимности существующих элит и институтов. Основными направлениями политики идентичности являются символизация пространства, ритуализация принадлежности к сообществу, формирование представлений о «мы-сообществе» и установление границ «свой» - «чужой». Символизация пространства происходит посредством принятия и тиражирования официальных символов, а также культивирования природных и культурных особенностей сообщества. Ритуализация принадлежности к сообществу предполагает установление официальных церемоний и регулярных празднеств, во время которых члены сообщества начинают ощущать свою принадлежность к нему. Формирование образа о «мы-сообществе» включает в себя совокупность представлений о том, кто такие «мы». Важную роль в этом процессе играют средства массовой информации. Наконец, установление границ «свой» - «чужой» имеет целью закрепление в сознании членов сообщества представлений об его административных и символических границах.

Специфика региональной политики идентичности обусловлена в первую очередь особенностями региона как составной части государства. Так, в отличие от национального государства, регион не является замкнутой

¹ См., напр.: Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // Гельман В., Хопф Т. (ред) Центр и региональные идентичности в России. СПб, 2003, 125-186; Назукина М. Региональная идентичность в России: типологический анализ. Автореферат диссертации. URL: http://identityworld.ru/load/poisk_po_alfavitu/n/nazukina_mv_regionalnaja_identichnost_v_sovremennoj_rossii_tipologicheskij_analiz_perm_2009/21-1-0-2; Ачкасов В. А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус». URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/>

² См., напр.: Перфильев Ю. Региональная символика: в поисках идеологии // Регионы России в 1999 г.: ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / под ред. Н. Петрова. М., 2001. С. 324-337; Гельман В., Попова Е. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Гельман В., Хопф Т. (ред) Центр и региональные идентичности в России. СПб, 2003, 187-254

системой. Напротив, он подвергается воздействию внешних факторов, главным образом связанных с взаимоотношениями между Центром и регионами. Артикуляция характера взаимоотношений с центральным правительством, а также позиционирование региона в государственном масштабе становятся неотъемлемой частью региональной политики идентичности.

Важным фактором, влияющим на региональную политику идентичности, является также деятельность центрального правительства по формированию общегосударственной идентичности. Перед «политическими предпринимателями» в регионах стоят довольно специфические задачи. С одной стороны, региональная политика идентичности должна быть направлена на формирование «мы-сообщества» в заданных административно-территориальных границах субъекта федерации. При этом одновременно необходимо вписывать границы региона в более широкий контекст национального государства как его неотъемлемой части.

Региональные политические элиты могут использовать разные стратегии при формировании политики идентичности. Как утверждает М. Китинг, политические смыслы региональной идентичности могут варьироваться «от устройства регионального лобби в политике через требования автономии вплоть до полного отделения»³. Используя терминологию У. Бека⁴, можно выделить два типа региональной идентичности, которые могут быть целью политики идентичности. Первый тип – эксклюзивная идентичность – строится на противопоставлении региональной и общегосударственной идентичности, для нее характерно исключение регионального «мы-сообщества» из границ «мы-сообщества» национального государства. Региональные элиты в данном случае заинтересованы в обретении максимальной автономии, либо полного суверенитета и могут вступать в открытую конфронтацию с центральным правительством.

Региональные элиты могут придерживаться и противоположной стратегии в формировании политики идентичности, которую можно обозначить как инклюзивную. В данном случае региональная политика идентичности направлена скорее на гармонизацию региональной и общегосударственной идентичности. Регион воспринимается как неотъемлемая часть государства, и содержание политики идентичности направлено, с одной стороны, на формирование регионального «мы-сообщества», а, с другой стороны, на встраивание его в сообщество более крупного масштаба (национального государства). Формирование

³ Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. №6. С. 75

⁴ У. Бек говорил о необходимости замены концепции «эксклюзивного суверенитета» концепцией «инклюзивного суверенитета». Под последним он понимает некоторое ограничение суверенных прав национальных государств, которое «сопровождается выигрышем в политической власти... на основе транснациональной кооперации» (Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 230-231; 235)

инклюзивной идентичности может быть частью рациональной стратегии региональных акторов, для которых принадлежность к единому государству несет больше выгод, чем возможная независимость.

В постсоветской России процесс формирования и реализации региональной политики идентичности протекал крайне неравномерно и подвергался влиянию самых разных факторов. Прежде всего к ним относятся характер взаимоотношений между центральной и региональной властью в России, а также деятельность федерального центра по конструированию общегосударственной идентичности. Период 1990-х годов можно охарактеризовать как этап активного формирования региональной политики идентичности, которая, с одной стороны, являлась реакцией на разворачивающиеся в России политические процессы, а, с другой стороны, была одним из ресурсов региональных элит во взаимоотношениях с центральной властью. Складывание асимметричной модели российского федерализма привело к дифференциации регионов и появлению двух типов региональной идентичности: эксклюзивная идентичность в большей степени была характерна для национальных республик, а инклюзивная – для административно-территориальных образований.

Укрепление регионального самосознания во многом опиралось на поддержание, а отчасти и конструирование региональной самобытности, и имело следствием сопротивление попыткам формирования общегосударственной идентичности. И если в национальных республиках важным ресурсом региональных элит была титульная этническая группа, то административно-территориальные субъекты опирались на разнообразные исторические и/географические маркеры.

Произошедшая в 2000-е годы ре-централизация российского государства стала главным фактором, повлиявшим на изменение региональной политики идентичности. Важным направлением деятельности региональных лидеров стала демонстрация лояльности федеральным органам власти, что оказывалось практически невозможным в условиях проведения политики, направленной на формирование «эксклюзивной» идентичности. Встраивание региона в единое российское пространство стало необходимым условием для получения различных льгот и преференций от федерального центра. Другими словами, сложившаяся система взаимоотношений между центром и регионами, с одной стороны, действительно не стимулировала региональных акторов заниматься формированием политики идентичности, а, с другой стороны, в случае, когда политика идентичности все-таки проводилась, не оставляла им пространства для маневра и «вынуждало» реализовывать стратегию «инклюзивной» идентичности.

Отказ от проведения политики идентичности, направленной на формирование представлений о «мы-сообществе» в границах российского государства, привел к тому, что к концу первого десятилетия XXI века в России так и не сформировалась устойчивая идентификация граждан с

политическим сообществом. Трансформация региональной политики идентичности при этом хотя и стала ориентироваться на демонстрацию принадлежности регионов к единому государству, также не стала почвой для роста общегосударственной идентичности. Другими словами, период с 2000 по 2010 год можно охарактеризовать как «реванш» со стороны федерального центра, направленный на усиление возможностей контроля над процессами, происходящими в регионах, в том числе и над формируемой региональными элитами политикой идентичности.

В настоящее время мы можем говорить о начале нового, третьего, этапа в формировании региональной политики идентичности. С одной стороны, за последние несколько лет были приняты меры, которые хотя бы создают видимость возвращения региональной автономии (прежде всего речь идет об изменении порядка выборов губернаторов), что создает новые стимулы региональным акторам для проведения политики идентичности. С другой стороны, в политическую повестку дня федерального уровня вновь возвращен вопрос о формировании общенациональной идентичности. При этом следует отметить, что проблема формирования общероссийской идентичности рассматривается в тесной связи с межэтническими отношениями, как один из способов преодоления межэтнических конфликтов. Так, на состоявшемся 11 февраля 2011 года Государственном Совете по национальной политике впервые за долгое время была озвучена идея о необходимости разработки комплексных планов мероприятий, направленных на укрепление общероссийской идентичности и гармонизации межэтнических отношений. Подобную же идею высказывал В. Путин в одной из своих предвыборных статей, посвященных национальному вопросу. В частности, он отмечал, что День народного единства 4 ноября может считаться «днем рождения нашей гражданской нации» и подчеркивал необходимость разработки стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме⁵.

Как реакция на озвученные идеи в декабре 2012 года была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Одной из целей национальной политики России провозглашалось «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»⁶. Утвержденная 20 августа 2013 года федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)» также ставит целью «укрепление единства многонационального народа Российской

⁵ Путин В. Россия: национальный вопрос. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

⁶ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf

Федерации (российской нации)»⁷. При этом в пояснительной записке к программе указывается, что формирование общероссийской гражданской идентичности позволит преодолеть стагнацию и негативные тенденции в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Реализация программы предполагает разработку всеми субъектами аналогичных программ, направленных, с одной стороны, на содействие этнокультурному многообразию народов России, а, с другой стороны, на укрепление единства российской нации и гармонизацию межнациональных отношений. Другими словами, принятые на федеральном уровне документы стимулируют региональных акторов к формированию «инклюзивного» типа идентичности, в котором каждый субъект РФ рассматривается как составная часть единого государства и при котором доминирующей идентификацией людей должна стать идентификация с государством.

Таким образом, на протяжении 1990 -2000-х годов региональная политика идентичности в постсоветской России претерпела значительные изменения, связанные с трансформацией взаимоотношений между центром и регионами и деятельностью центра по формированию общероссийской идентичности.

⁷ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)». URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>

ЛИКИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ГОРОДСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАК СИМВОЛЫ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Теоретические положения. Городские памятники призваны отражать реальные или символические события, отдельных людей или вещей наполненных смыслом и содержанием для целых поколений. Городские памятники – это символы образной памяти людей, ставшие частью городских ландшафтов. Образы, запечатленные в городском пространстве предполагают социо-коммуникативный характер восприятия, т.к. вызывают у человека личные или коллективные эмоции. По мнению М. Хальбвакса, индивидуальная память может опираться на коллективную для уточнения какого-либо воспоминания или восполнения пробелов. Такой «обмен историями» происходит до тех пор, пока у всех не возникнет общей истории, общего восприятия и оценки данного символа.

Коммеморация (сооружение музеев, установление праздников, установка памятников) является ключевым моментом государственной политики, инструментом строительства нации, с позиции конструктивистских парадигм (Дж. Гиллис, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон)².

Конструирование нации обозначается в том, что власть имеет монопольное право на акцентирование внимания на одних моментах истории и замалчивание других. Или же совсем может уходить с авансцены формирования национальной идеологии и тогда ее место будут занимать другие институты.

Э. Дюркгейм утверждал, что коллективная память искусственна и всегда носит обязательный характер. В коллективной памяти нуждается государство, т.к. это один из самых действенных рычагов управления массовым сознанием. Если власть утрачивает этот рычаг, то в скором времени она утрачивает и возможность управлять своим народом. Его ученик, М. Хальбвакс развил эту идею более подробно, коллективную память формируют и поддерживают социальные институты и группы. Они не только репродуцируют, но и конструируют прошлое³.

Память работает по принципу восстановления временной последовательности – продолжение прошлого настоящим⁴. Значимые

¹ Статья написана в рамках гранта Президента РФ МК-480.2013.6 "Эмпатия в конструировании социальной идентичности: гендерные аспекты" (Руководитель - О.А. Полюшкевич).

² Gillis J. (Ed.). Commemorations: The Politics of National Identity. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994.

³ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

⁴ Дубин Б. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5023-boris-dubin-pamyat-vojna-pamyat-o-vojne-konstruirovanie-proshlogo-v-socialnoj-praktike-poslednix-desyatiletij.html

события, сшивающие в единое целое эпохи, воплощаются в символе. Одним из элементов коммеморации является интересующий нас городской памятник. Помимо важнейшей функции напоминания он еще и маркирует пространство. С водружением памятника происходит изменение городского символического ландшафта. Иными словами – памятник осваивает пространство, делает его своим. Усиливает его эффект и тот факт, что власть над пространством является самой сильной властью⁵.

Город выступает, как коллективный опыт – исторические и социальные ассоциации играют огромную роль в распознавании городского пространства. Памятник выступает маркером, наполняя ту или иную часть города символическим смыслом. И если эту ценность разделяет коллективное представление – она приобретает статус сакрального, неся за собой нормы и правила поведения в данном месте. В коллективном представлении город окрашен в гамму социальных чувств – одни памятники замечают, другие игнорируют⁶.

Г. Зиммель полагал, что городское пространство это совокупность символических точек, наполненных определенными социальными смыслами⁷. Их главная функция – превратить «пустое» пространство в социально осмысленное. Городское пространство и его символические точки, к числу которых относятся и городской памятник, задают модели жизненных приоритетов.

Городской памятник, как институт, совмещает в себе оба вышеописанных процесса. Он одновременно является частью коммеморации, инструментом национальной идеологии в то же время он является маркером городского пространства.

История вопроса. Прототипами памятника были погребальные сооружения древнейших человеческих обществ – курганы, обелиски, пирамиды, и т. д. В последующие эпохи гробницы и надгробия нередко исполняли роль памятника.

В античности были созданы основные композиционные типы памятника, развивавшиеся и в последующее время: *аллегория, или портретные статуи и скульптурные группы, стелы, арки триумфальные, триумфальные колонны.* Широкое распространение обособленных скульптурных памятников, прославляющих определенную человеческую личность, началось в Древней Греции.

Античные памятники помещались первоначально на священных участках, а с 6 в. до н. э. – в центрах городской жизни. Памятники Древнего Рима, в особенности триумфальные арки и колонны, стали важными элементами пространственной композиции площадей-форумов.

⁵ Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алтейя, 2007. С. 110

⁶ Rowles G.D. Place and personal identity // Journal of environmental psychology. 1983. №3. P.293-313

⁷ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. Логос. 2002. №3-4. С. 23-34

Наиболее характерные виды памятника в средневековой Европе были кресты, отмечавшие те или иные памятные места, а также скульптурные изображения донаторов в церквях.

Традицией многих стран, в том числе допетровской Руси, было увековечение памяти о выдающихся событиях возведением культовых построек (Василия Блаженного храм в Москве, воздвигнутый в честь победы над Казанским ханством). Итальянские мастера вновь создают чисто светские монументы.

В эпоху барокко и классицизма памятники, как правило, прославляющие монархов или полководцев, нередко играют важнейшую роль в городской застройке (памятник Петру I "Медный всадник" в Петербурге).

В период позднего классицизма вновь получают распространение архитектурные монументы, посвященные военным победам (арка на площади де Голля в Париже, Александровская колонна в Ленинграде).

Со 2-й половины XVIII в. всё чаще сооружаются памятники выдающимся общественным деятелям и творческим личностям, рассчитанные на чисто ландшафтное окружение.

С XIX в. большой популярностью пользуются также памятники литературным героям. Меняется сама организация постановки памятника: если ранее вопросами сооружения памятника ведали государственные учреждения, то в 19 веке отдельные памятники создаются на средства, собранные различными общественными комитетами и комиссиями (например, памятник А. С. Пушкину в Москве.). Нарастание психологической конкретности образа в скульптурном памятнике XIX в. порой сочетается с утратой монументальности и ансамблевой связи с архитектурой. Вместе с тем в конце XIX – начале XX вв. возникает ряд гигантских, подавляющих своими масштабами монументов, отражающих рост империалистических тенденций. Усиление общественно-политической роли пролетариата отражается в памятниках, славящих труд ("Памятник труду" в Брюсселе скульптор К. Менье). В 20 веке особую актуальность обретает идея архитектурных и архитектурно-скульптурных мемориальных сооружений, как правило, посвященных памяти жертв 1-й и 2-й мировых войн.

Трагические события и героические свершения военных лет послужили стимулом для создания ряда монументов, преодолевающих стилистический консерватизм многих памятников XIX и XX вв. и более экспрессивных и метаморфически насыщенных. Развивается новый тип *неизобразительного памятника*, лишённого аллегорических или портретных фигур и близкого по духу к архитектуре малых форм.

С первых лет Советской власти проблема изготовления памятников, наглядно раскрывающих историю развития революционных идей и передающих пафос социалистического переустройства общества,

рассматривалась как одна из важнейших задач искусства. Если ранние советские памятники чаще всего были невелики по размерам и близки станковой скульптуре, то монументы 1920-30-х гг. более активно включались в городскую ансамбль или окружающую природу,

Особенно широка программа сооружения памятников, посвященных подвигу советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945гг: наряду с многочисленными мемориальными сооружениями воздвигнуты памятники, включающие реальные предметы (танки, артиллерийские орудия, самолёты), а также портретные монументы. Важную роль в патриотическом воспитании играет и практика создания бюстов дважды Героев Советского Союза и дважды Героев Социалистического Труда.

В 1960-1970-е гг. возросшие масштабы городских пространств определяют укрупнённую более лаконичную пластику скульптурных памятников, иногда – использование символических неизобразительных форм. Необычайно многообразна тематика советских памятников: посвященные выдающимся лицам и событиям прошлого и современности, они представляют собой образную летопись наиболее прогрессивных тенденций в истории и культуре. Среди примечательных монументов 1950-70-х гг. – Памятник А. С. Пушкину в Ленинграде, В. В. Маяковскому в Москве, В. И. Ленину в Кремле

Таким образом, влияние на появление конкретных видов памятников, формирование их специфических черт оказывают ключевые события эпохи, деятельность выдающихся исторических личностей, особенности политического, экономического и культурного развития государства в конкретные исторические периоды.

Проблемное поле современности: памятники в городской среде.

Городские памятники отражают идеологию государства, являются символическими знаками, олицетворяющими память о важных персонах, событиях и процессах. В советское время – городские памятники на сто процентов выполняли эту функцию. В каждом городе стоял памятник Ленину, как минимум бюсты Марксу и Энгельсу, Горькому и другим деятелям советского прошлого.

Также имелись знаковые символические памятники – Родина-Мать (Волгоград), памятники Победе во Второй Мировой Войне, Памятники битв (Сталинградской, Бородинской) и т.д.

В современном мире процессы идеологической насыщенности городского пространства существенно изменились. Памятники коммунистическим и социалистическим лидерам во многих городах убрали, новые памятники былым сражениям возводят только к крупным датам.

Культурный ландшафт обогащается новыми историческими персонажами - памятник Адмиралу Колчаку (г. Иркутск), Исход (Памятник белому офицеру и его коню (г. Новороссийск), Николаю Второму (Подмосковье) и т.д. Историческое сознание россиян искусственно

изменяется через визуальное городское пространство, дополняется новыми знаковыми фигурами и событиями. Городские пейзажи обогащаются новыми символами былых исторических эпох (памятник А. Невскому, Гоголю, Тургеневу - в Санкт-Петербурге; Петру Первому, Пушкину, Достоевскому, Гончарову в Москве; Первопроходцам, Александру III в Иркутске; Ярославу Мудрому в Ярославле; П. Столыпину в Саратове) и проч.

Сюда же можно отнести и строительство новых Храмов и Церквей в местах, где при Советской власти такие сооружения не могли возникнуть в принципе. Религиозный контекст включается в социокультурную ткань городов не только как архитектурный и духовный памятник прошлого, но и как потребность настоящего. Таким образом, постсоветское пространство обогащается новыми образами из исторического прошлого нашей страны, идентификационные стратегии коллективных образов прошлого и настоящего приобретают более разнообразные по глубине и содержанию, специфике и колориту формы.

Параллельно с этим, на улицах городов появляются юмористические или фантазийные памятники. Например, сурку (г. Ангарск), памятник Рыбакам на набережной Онежского озера (г. Петрозаводск), два страуса (г. Липецк), памятник Бесу (г. Санкт-Петербург), Нос гоголевского майора Ковалева, Чижык-Пыжик на Фонтанке и т.д. Или же памятники посвященные литературным персонажам – Венечке Ерофееву (г. Москва), Роман с Контрабасом (г. Таганрог), Человек в футляре (г. Таганрог), памятник героям повести "Судьба человека" (г. Урюпинск), Белый бим – Черное ухо (г. Воронеж), Каштанка (г. Таганрог), волку из мультфильма "Жил-был пес" (г. Ангарск, г. Томск) и т.д.

Таким образом, что объединяет эти процессы?

Новые городские памятники идеологически нейтральны. Они могут иметь реальную историческую основу, но при этом не являются идейно наполненными (через дополнительное освещение в СМИ, фильмах и спектаклях) о роли и важности для страны и народа. Т.е. государство утратило контроль над визуальными образами, формирующими идентичность своих граждан. Сегодня советские идеологически наполненные символы культурного городского пространства уходят в прошлое, оставаясь лишь блеклыми символами советской эпохи. На их смену пришли памятники, отражающие не государственную идеологию, а ценностно-мотивационные установки близкие одному человеку или группе людей. Можно констатировать, что государство утратило контроль над конструированием идентичности современного человека⁸. Материализованные представления о повседневной жизни в нашем государстве утратили государственную пропаганду, а вместе с тем и

⁸ Полюшкевич О.А. Идеологическая пропаганда: анализ фильмов Н. Михалкова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 13. №4. С. 127-143

идентичность и сместились в сферу досуга и развлечения, фантазии и иллюзии. Они обрастают новыми историями и смыслами, наполненными придуманной реальностью, а не государственной идеологией. Власть все больше теряет право на акцентирование внимания на определенных исторических моментах. Коллективная память граждан нашей страны не поддерживается, не укрепляется, не «подпитывается» через визуальные символы городского пространства и через какое-то время совсем перестроится не на значимые для нашего народа вехи, а совсем иные события (веселые пьяны, комиксы, нереальные события). Тем самым, нивелируется государственная идентичность россиянина.

Постсоветская идентичность утрачивает былые опоры. Разрушение символического пространства городов, замена идеологически нагруженных памятников, на сиюминутные, юмористические или какие-то еще приведет к утрате консолидационных моментов внутри страны. Разрушение общества начинается с нивелирования ценностей идеологии. Увы. Этот процесс все больше поглощает как отдельных людей, так и целые символические комплексы городов.

ГОРОДСКОЙ ЛАНДШАФТ НАЗВАНИЙ УЛИЦ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Городская среда складывается годами, десятилетиями, веками. Среда сохраняет прошедшее и демонстрирует жителям настоящее. Она создает уклад бытовых, материальных, коммунальных и др. процессов, а также закрепляет социальные и духовные ценности и нормы поведения людей, делает их стабильными, а также влияет на общественную психологию и формирование человеческой личности. Городская среда должна отвечать жизненным потребностям горожан не только в инфраструктурном, но и в социально-психологическом отношении, ведь городские кварталы, скверы, площади, улицы представляют собой пространство повседневной жизни горожан.

На сегодняшний день, влияние улиц на человека оценивается очень высоко. Формирование облика городов решает не только планировочные и стилистические задачи, но и вопросы, связанные с влиянием названий улиц на самочувствие горожан, их психические особенности, историческую память, коллективные представления. Человек в современном городе постоянно находится под воздействием быстро изменяющейся среды. А значит, взаимодействие человека с окружающей архитектурой улиц становится более тесным и сложным. Городской ландшафт определяется социокультурными процессами происходящими в обществе. Городское пространство улиц является срезом социальных трансформаций и показывает формы и векторы трансформации социальной идентичности жителей города.

Важным индикатором трансформации самосознания постсоветского человека является топонимика. Одной из наиболее национально окрашенных категорий политической символики является топонимика улиц. Улицам, как и людям при рождении, дают названия, имя, которое говорит об основных чертах народа проживающего, особенности месторасположения, характере занятости населения, его истории, своеобразном социокультурном коде.

В старину названия улиц возникали стихийно; они выполняли главным образом навигационную функцию, помогали жителям ориентироваться – естественно, что выбор ориентиров был делом самих жителей. Справочники и власти лишь регистрировали (фиксировали) бытующие названия. Смена одного названия другим также происходила почти всегда без участия власти – старое и новое названия могли десятилетиями существовать одновременно и в обиходе, и в справочниках.

¹ Статья написана в рамках гранта Президента РФ МК-480.2013.6 "Эмпатия в конструировании социальной идентичности: гендерные аспекты" (Руководитель - О.А. Полюшкевич).

Эти обстоятельства не всегда принимались в расчёт в советское время, отдельные периоды – совершенно игнорировались, когда власть нарочито демонстрировала нигилистическое, «пролеткультовское отношение к историко-культурному наследию, в результате чего возникли целые ряды «культовой топонимики». В результате множество исторически сложившихся названий городов, посёлков, сёл и деревень, а также рек, озёр, горных вершин и пр. были заменены новыми, искусственными, зачастую не связанными с традициями населения и особенностями местности. Изменения названий превратились в цепь топонимических переворотов. Власть демонстрировала стремление к максимальной идеологизации топонимии, к полному разрыву с «проклятым» прошлым, со старыми ценностями. Среди внедрявшихся географических и исторических названий значительный удельный вес составляли персональные названия – в честь вождей, героев революционной борьбы, руководителей компартии и государства. Не случайно, что эта категория названий вызвала резкое неприятие общества в условиях кризиса советской системы – их широкое распространение привело к утрате исторически ценных названий, имело отрицательные морально-этические последствия.

Можно согласиться с утверждением, что подобного масштаба переименований не было в истории, однако следует помнить, что всякая власть, правители, всегда активно стремятся формировать историческую память, быстро находя тех, кто даст удобную им трактовку событий, фактов. Монархи, правители, власть предержащая всегда приспособляли историческую память к своим нуждам, потребностям. Иное дело, что они не всегда достигали желаемого результата, одновременно увековечивая своё имя в географических названиях.

В государственной политике постсоветского пространства нашей страны в области географических названий можно выделить два направления: это наименование вновь появляющихся объектов и переименование прежде существовавших. К числу вновь появляющихся объектов относятся в первую очередь улицы и площади. Их наименование входит в компетенцию местных органов власти – муниципальных и общинных советов и формально не диктуется государством. Поэтому названия улиц являются результатом не столько государственной политики, сколько воздействия идеологии на общественное мнение, влияние идентичности и социального самочувствия местного населения. В этих названиях нашло отражение стремление постсоветских городов и поселков продемонстрировать свою уникальность и исключительность в сравнении с другими населенными пунктами и одновременно желание указать на свою не только местную, но и общенациональную идентичность. Улицы и площади, названные в честь национальных героев, монархов, государственных деятелей и пр., указывают на общегосударственный патриотизм, а названия, зафиксировавшие имена знаменитых россиян на их родине, – на местный. За

последние годы изменили свои названия многие города, улицы и даже субъекты федерации. В последнем случае речь идет о введении в оборот национальных названий и их признании в качестве официальных (Башкортостан, Тыва, Калмыкия – Хальмг Тангч). В Северной Осетии, где осетины считают себя потомками древнего племени аланов, в официальное название было добавлено слово "Алания" (что вызвало напряженность в отношениях с соседями, поскольку другие народы имеют свое мнение на сей счет).

Процесс национального возрождения в республиках выразился и переименовании городов и районов в соответствии с канонами национальной идеи. Так, город Куйбышев в Татарстане в 1991 г. получил имя Булгар, поскольку рядом находятся развалины одноименной древней столицы Волжско-Камской Болгарии (сам город никогда так не назывался и был раньше Спасском-Татарским). В Адыгее город Теучежск был переименован в Адыгейск, а в Дагестане появился Шамильский район.

Что касается русских регионов, то здесь начался сложный процесс восстановления исторических названий, который воспринимался как важный шаг на пути национального возрождения и освобождения от коммунистической идеологии. Этот процесс запустило тогдашнее руководство СССР в рамках перестроечного процесса, когда с карты страны были стерты имена бывших генеральных секретарей ЦК КПСС (в 1988 г. Брежнев и Черненко, в 1989 г. – Андропова).

Постсоветское пространство насыщается новыми смыслами, начиная от возвращения старых названий городов (Нижний Новгород – Горький, Тверь – Калинин, Владикавказ – Орджоникидзе и т.д.), заканчивая старыми названиями улиц (Иркутск: Богда – Чудотворная, К. Маркса – Амурская; Ростов – Большая Садовая, Нижний Новгород – Большая Покровская и т.д.). Эти процессы формируют идентичность человека, проживающего в постсоветском пространстве.

За последние годы появились новые примеры изменения топонимики. В одних случаях они свидетельствуют о продолжающихся попытках "самовозвеличивания" регионов, к которым благосклонно относится центр (указ Б.Ельцина о переименовании Новгорода в Новгород Великий) и возрождении старых имен (Саров – бывший Арзамас-16 и Кремлев), в других – о внимании к знаменитым деятелям советского периода (переименование подмосковного Калининграда в Королев).

Новые названия формируют новые смыслы и контексты. Хотя, безусловно, и не без спорных дискуссий. Одни говорят, о том, что необходимо избавиться от советского прошлого и переименовать все улицы и города, вернув им исконное название. Другие наоборот, что советское прошлое такая же часть нашей истории и ее забывать нельзя. Третьи – предлагают сохранять двойные названия. Все они разрывают социальную ткань культурных ландшафтов городов, разрывая общую

идентификационную основу граждан, разрывая преемственность и связь поколений, отчуждая коллективные образы памяти об общественных местах в городском ландшафте.

В некоторых случаях возникает необходимость подчеркнуть исконно русский характер местности, и тогда используются разного рода обращения к истории. Яркий пример – топонимика города Иркутска. В Иркутске до 1917 года названия улиц закреплялись стихийно и по инициативе самих граждан. После 1920 из 185 улиц, 44 получили новые имена просоциалистического толка².

Сегодня в городе 775 улиц, из них почти половина названа по именам деятелей культуры, политиков, военных. Удельный вес улиц, отражающих историю города, его конкретные особенности, резко уменьшился.

До 1920 процент улиц, имевших названия по фамилиям купцов, ставших известными не только благодаря большим состояниям, но и активной благотворительной и филантропической деятельностью для жителей города и края (Трапезниковская, Могилевская, Баснинская и т. д.) составлял 38%, теперь – ноль.

По именам церквей и монастырей (Троицкая, Благовещенская, Тихвинская и т. д.) были названы 15% улиц, теперь – ноль.

Названия, отражавшие историю улиц, переулков (Адмиралтейская), составляли 15%, теперь – 9.

Производственную деятельность отражали 11% названий (Мастерская, Кузнецкая), сейчас – 10.

В связи с природными особенностями местности (Набережная Иркуты, Подгорная) были названы 14% улиц, ныне – 11.

Географических названий, очень отдаленных от Иркутска (Киевская, Челябинская), не было совсем, теперь их 18%.

Улиц, получивших имена политических деятелей (К. Маркса, Ленина, Марата) было всего 2%, теперь же 11.

Не было до 1920 и названий, связанных с военными деятелями (Гастелло, Маршала Конева). В наше время их 8%.

Не было улиц в честь революционных деятелей (Фрунзе, Розы Люксембург, Урицкого и др.).

Наконец, не использовались в названиях улиц идеологические понятия (Коммунистическая, Депутатская, Пролетарская). Теперь их 12%.

Таким образом, если до 1920 93% названий улиц возникли как отражение судьбы города, то ныне лишь несколько более 30% городских топонимов могут рассказать о его истории. Советскому прошлому стоит отдать должное в том, что идеологическая пропаганда, осуществляемая в во всех социокультурных пространствах (СМИ³, названиях городов и улиц⁴,

² Дулов А. Имена старые и новые // Сибирь. 1999. № 2.

³ Полюшкевич О.А. Идеологическая пропаганда: анализ фильмов Н. Михалкова / О.А. Полюшкевич // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 13. №4. С. 127-143.

образовании, досуге и т.д.) имела общую цель и ее хорошо выполняла. Сегодня – увы, и цель отсутствует и что творим – не знаем.

Итак, топонимика культурного ландшафта городов, на примере улиц показывает существенную трансформацию социальной идентичности жителей городов в связи с утратой смысла названия и идентификации с этим названием большей части горожан. Тем самым происходит стирание знания и понимания истории страны, знания отдельных личностей и их роли в развитии общества. Социальная идентичность людей опирается на новые основы, которые (пока) не дают ни связи между поколениями, ни формируют пространство социальных представлений, утрачивает сам опыт поколений. Вывод напрашивается только один – постсоветская идентичность утрачивает базовые элементы территориальной идентичности – понимание и знание истории того места где ты живешь.

Идеологический, пропагандистский подход к топонимике, увы, не изжит. Примеры тому налицо. Это не только название улицы в честь Ахмада Кадырова, вопреки закону и здравому смыслу. Поспешное переименование Большой Коммунистической улицы в улицу Солженицына – в том же ряду. По уму, давно надо было вернуть название Большая Алексеевская, которое улица носила на протяжении трех веков. Если уж так боялись, что станут путать с улицами бывшего села Алексеевского, то, даже если хотели насолить комунистам, можно было выбрать название, не нарушая закон, и не подделывая его под случай. Например, в Москве до сих пор нет улицы Шаламова, писателя мирового значения. Но Солженицын сейчас власти больше ко двору.

И явное преобладание среди новых названий маршалов, адмиралов, авиаконструкторов и героев войны – при почти полном отсутствии деятелей культуры – тоже проявление вполне определенного пропагандистского подхода.

И, увы, проявлением идеологического подхода, на мой взгляд, является последовательный отказ нынешних властей – под разными демагогическими предлогами – не только от упразднения одиозных имен, но и от возвращения исторических названий.

⁴ Улицы Иркутска: старые и новые названия / irkipedia.ru. URL: http://irkipedia.ru/content/ulicy_irkutska_starye_i_novye_nazvaniya (дата доступа 29.08.13).

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: НАВСТРЕЧУ «РУССКОМУ МИРУ»?

2014 год без сомнений подчеркнул не только научно-исследовательскую, но и актуально-политическую важность рассматриваемых в данном сборнике вопросов. Но он также выдвинул новые или актуализировал уже существовавшие вопросы, понятия и категории. Возможно ключевым из них - в контексте изучения идентичности - является понятие (и стоящая за ним реальность) "русского мира". Но речь должна идти не только о политическом вызове, который стоит перед всеми нами, даже если не все готовы его принимать. Но речь также должна идти о научном вызове, который встает перед исследовательским сообществом.

Современная актуальность проблематики существования и воспроизводства «русского мира» определяется тем, что этот феномен получает осмысление как имеющий значимые связи с критически важными социально-политическими процессами внутри России и за ее пределами. Более того, сам «русский мир», понимаемый определенным образом, обнаруживает очевидную потенцию к обретению самостоятельной социально-политической значимости. Долгое время «русский мир» существовал скорее в формате интеллектуально-политических проектов, а также в форме публицистического, академического и спорадически проявляемого политического интереса к существованию и положению русских (русскоязычных) меньшинств за пределами России. С 2007 года это понятие становится частью официального государственного дискурса России, а именно в логике «живого пространства многомиллионного "русского мира" – который, конечно, значительно шире, чем сама Россия» (Ежегодное послание Президента Федеральному Собранию 2007г.). Сегодня актуальная значимость феномена продолжает развиваться, на что указывает её скачкообразная интенсификация в связи с крупными политическими событиями.

Тем более важным становится осмысление «русского мира» как конфигурационно сложного явления, которое при этом является динамичным продуктом противоречивого сотворчества множества различных субъектов. Ключевой чертой этого сотворчества является принципиальная содержательная проблематичность, оспариваемость и дискуссионность смыслового и практического наполнения «русского мира», иначе говоря, его реальность по-разному мыслится и, соответственно, по-разному осваивается разными представителями «русского мира».

В предварительном понимании этого явления можно опереться на следующее определение «русского мира»: «русский мир - трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, объединённое своей причастностью к России и лояльностью к русской культуре» (В.Тишков). Именно рассмотрение «причастности к России» может являться узловым пунктом исследовательской проблематики, причем в разных

измерениях. Само слово «Россия» в силу своей смысловой плотности и поливалентности задает почти бескрайнее поле интерпретаций и акцентуаций для субъектов «русского мира»: что «прежде всего» значит «Россия»? – страна с ее людьми и просторами, государство с ее границами и властью, язык, культура, история и т.д. и т.п. и, следовательно, что значит быть «россиянином» или «русским» - обладать гражданской, национальной, культурной или поликультурной идентичностью, или же – репрезентировать себя в терминах политического сообщества?!). Немногим менее вариативным оказывается «причастность» в разрезе возможных и фактически реализуемых форм и модусов, практик и результатов причастности. Наконец, центральное место занимают сами разнообразные субъекты, которые определяют, что значит «Россия» и реализуют свою причастность к ней, тем самым конституируя «русский мир» как сложносоставное сообщество, состоящее из множества сегментов и пластов: русского зарубежья в виде русских меньшинств и диаспор за пределами страны и комплексного социально-политического пространства самой России.

Исследование процессов комплексного взаимодействия разнообразных сегментов «русского мира» в логике его конституирования как сложносоставного сообщества открывает значимые научные перспективы. Одни из них, теоретического плана, касаются общих закономерностей существования особой разновидности трансгосударственных сообществ – «миров» - в ряду предположительно существующих других разновидностей такого же рода (английского/британского, китайского, испанского и пр.). Кроме того, представляется важным расширить и обогатить научные представления о возможности истолкования и понимания таких трансгосударственных сложносоставных сообществ (на примере «русского мира») под углом зрения их политико-культурной «общности» во взаимосвязи с развитием собственно политической идентичности и, соответственно, с получением самостоятельной политической значимости – «мира» целиком или совокупности отдельных его сегментов. Речь, таким образом, может идти о новом типе политизации поверх традиционных пределов национально-государственных границ, который приобретает значительный социальный и политический потенциал в условиях радикальной трансформации глобального политического порядка, который фактически разворачивается на наших глазах в XXI столетии.

Сулимов К.А.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных политических процессов СПбГУ, val-achkasov@yandex.ru

Бойко Сергей Иванович, соискатель, ЮФУ, s.boiko70@mail.ru

Борисова Юлия Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет, borisovaylia@bk.ru

Гагарин Анатолий Станиславович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, gagarin_a@mail.ru

Девятков Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой истории и международных отношений, Тюменский государственный университет; сентябрь 2013 – июнь 2014 г. – пост-док исследователь в Центре исследований ЕС и России Университета г. Тарту, Эстония, devyatkovav@gmail.com

Жаде Зуриет Анзауровна, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права и политологии, Адыгейский государственный университет, zhadezura@yandex.ru

Капицын Владимир Михайлович, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, МГУ им. М.В.Ломоносова, kapizin@yandex.ru

Коровникова Наталья Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, РУДН, natalia.kor@list.ru

Куква Елена Сергеевна, кандидат социологических наук, ученый секретарь, НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета, kukva@rambler.ru

Малинин Николай Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов, Московский педагогический государственный университет, moscowite@gmail.com

Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, н.с. отдела по исследованию политических институтов и процессов, ПНЦ УрО РАН, координатор Экспертной Сети по исследованию идентичности, nazukina@mail.ru

Никифоров Илья Владимирович, аналитик Центра информации по правам человека, член Русского академического общества (Таллинн, Эстония)

Плотников Дмитрий Сергеевич, кандидат политических наук, ст. преподаватель кафедры политических наук, ПГНИУ, plotnikov.perm@mail.ru

Подвинцев Олег Борисович, доктор политических наук, зав. отделом по исследованию политических институтов и процессов, ПНЦ УрО РАН, podvintsev2009@yandex.ru

Полюшкевич Оксана Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет okwook@mail.ru

Попова Галина Семеновна, кандидат педагогических наук, профессор, доцент, СВФУ (Якутский госуниверситет), GSPopova@yandex.ru

Раньжина Ирина Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и управления», Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета, iranzhina@mail.ru

Рахлеева Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, СВФУ (Якутский госуниверситет), ya.nnr-ya@yandex.ru

Рогочая Галина Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, rogochayagp@rambler.ru

Сакаев Василь Тимерьянович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных наук, Набережночелнинский институт Казанского федерального университета, sakaev20032mail.ru

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, руководитель Лаборатории по исследованию идентичности, доцент кафедры политических наук ПГНИУ, k.sulimov@yandex.ru

Толстокорова Алиса Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, Киев, alicetol@yahoo.com

Трескин Петр Андреевич, преподаватель кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет, treskin-ne@ya.ru

Цумарова Елена Юрьевна, преподаватель, факультет политических и социальных наук, кафедра политологии и международных отношений, Петрозаводский государственный университет, tsumarova@gmail.com

Шадже Асиет Юсуфовна доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, Адыгейский государственный университет,
Shadzhe@maykop.ru

Шнейдер Вадим Михайлович, студент 5 курса, УНЦСА РГГУ
vadiksh@rambler.ru

Отпечатано в ООО «Печатный салон «Гармония»,
614000, г. Пермь, ул. Пермская, 34, тел. (342) 212-82-09.

Тираж 250 экз. Заказ № 641.